

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Визуальная антропология — 2022. Исторический город: актуализация прошлого в перспективе будущего

Материалы IV Международной научной конференции
22–23 сентября 2022, Великий Новгород

YAROSLAV-THE-WISE
NOVGOROD STATE
UNIVERSITY

Visual Anthropology — 2022. Historical City: Actualization of the Past in the Perspective of the Future

Proceedings of the IV International Scientific Conference
September 22–23, 2022, Veliky Novgorod

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
«ГУМАНИТАРНАЯ УРБАНИСТИКА»

**ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – 2022.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРОД:
АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО
В ПЕРСПЕКТИВЕ БУДУЩЕГО**

Материалы IV Международной научной конференции
22–23 сентября 2022, Великий Новгород

Великий Новгород
2022

УДК 304.44
ББК 71.05
В 42

Печатается по решению
РИС НовГУ

Сборник подготовлен в рамках реализации стратегического проекта
«Университет как генератор культурной идентичности»
по программе «Приоритет 2030»

Ответственный редактор *С. С. Аванесов*
Научный редактор *Е. И. Спешилова*
Редактор метаданных на английском языке *Е. В. Гилл*

Научные рецензенты:

кандидат философских наук, доцент *Н. Г. Федотова*,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия
доктор филологических наук, профессор *Т. С. Симян*,
Ереванский государственный университет, Армения

В 42 Визуальная антропология – 2022. Исторический город: актуализация прошлого в перспективе будущего: материалы IV Международной научной конференции, 22–23 сентября 2022 г., Великий Новгород / Под редакцией С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. 242 с.

ISBN 978-5-89896-833-5

DOI: <https://doi.org/10.34680/visant-2022>

Сборник включает избранные материалы IV Международной научной конференции «Визуальная антропология – 2022. Исторический город: актуализация прошлого в перспективе будущего», прошедшей 22–23 сентября 2022 года в Великом Новгороде. В ходе работы конференции были рассмотрены способы связи прошлого с будущим в современной городской среде, вопросы городской идентичности и культурного кода исторического города, сочетания городской политики и «права на город», развития городских социокультурных практик, влияния русских эмигрантов на урбанистическое развитие Европы, репрезентации городского образа жизни в литературе и кинематографе. Публикуемые материалы отражают современное состояние исследований проблемы актуального значения исторического города как места репрезентации, трансляции и генерации кодов культурной идентичности.

Для специалистов в сфере урбанистики, визуальной антропологии, теории и истории культуры, теории образования, управления городскими культурными процессами, а также для всех интересующихся гуманитарными аспектами формирования городской культурно-исторической среды.

УДК 304.44
ББК 71.05

ISBN 978-5-89896-833-5

© Коллектив авторов, 2022
© Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, 2022

16+

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

YAROSLAV-THE-WISE
NOVGOROD STATE UNIVERSITY

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL CENTRE
FOR HUMANITARIAN URBANISTICS

**VISUAL ANTHROPOLOGY – 2022.
HISTORICAL CITY:
ACTUALIZATION OF THE PAST
IN THE PERSPECTIVE OF THE FUTURE**

Proceedings of the IV International Scientific Conference
September 22–23, 2022, Veliky Novgorod

Veliky Novgorod
2022

UDC 304.44
LBK 71.05

Chief Editor *Sergey S. Avanesov*
Executive Editor *Elizaveta I. Speshilova*
Editor of metadata in the English language *Elena V. Gill*

Academic Reviewers:

Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor *Natalia G. Fedotova*,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod

Dr. Sci. (Philological Sciences), Professor *Tigran S. Simyan*,
Yerevan State University, Armenia

Visual Anthropology – 2022. Historical City: Actualization of the Past in the Perspective of the Future: Proceedings of the IV International Scientific Conference, September 22–23, 2022, Veliky Novgorod. Edited by S. S. Avanesov, E. I. Speshilova. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Press, 2022. 242 p.

ISBN 978-5-89896-833-5

DOI: <https://doi.org/10.34680/visant-2022>

The Proceedings includes selected materials of the IV International Scientific Conference “Visual Anthropology – 2022. Historical City: Actualization of the Past in the Perspective of the Future”, held on September 22–23, 2022 in Veliky Novgorod, Russia. The conference discussed ways to connect the past and the future in the modern urban environment, issues of urban identity and the cultural code of the historical city, the combination of urban politics and the “right to the city”, the development of urban socio-cultural practices, the influence of Russian emigrants on the urban development of Europe, as well as the representation of urban life in literature and cinema. The published articles reflect the current state of research on the problem of the actual significance of the historical city as a place of representation, translation and generation of cultural identity codes.

For specialists in the field of urban studies, visual anthropology, theory and history of culture, theory of education, management of urban cultural processes, as well as for all those interested in the humanitarian aspects of the formation of the urban cultural and historical environment.

UDC 304.44
LBK 71.05

ISBN 978-5-89896-833-5

© The Authors, 2022

© Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аванесов С. С.</i> Предисловие	13
<i>Алексушин Г. В.</i> Нестабильность культурного кода исторического города и его модернизации	15
<i>Афанасьев К. С.</i> Культурная интервенция как метод регенерации зоны исторической застройки	19
<i>Ахметзянова Д. Н.</i> Организационно-пространственные аспекты воспитания горожанина: школы и университеты в городе.....	24
<i>Белорусов А. С., Орлова Е. А.</i> Изменение культурного кода города на примере Музея живой старинной вывески г. Рыбинска	29
<i>Бизина М. Ю.</i> Влияние сетевых сообществ на будущее города.....	39
<i>Вардеванян П. Г.</i> Визуализация культурного и природного наследия Городка в урбанистической перспективе	43
<i>Вашкевич В. В.</i> Методика социально-градостроительного мониторинга.....	50
<i>Вульфович Р. М.</i> «Что в имени тебе моём...»: отражение политической истории города в его названии.....	55
<i>Геров Г. П.</i> Скудельницы в средневековом Новгороде.....	61
<i>Голованов В. П.</i> Территориально-муниципальная составляющая дополнительного образования детей как воспитательное пространство детства	67
<i>Горнова Г. В.</i> «Оптические эффекты» в трансляции культурных кодов города.....	75

<i>Емельянов А. И.</i> Политические аспекты в стратегии развития Москвы.....	80
<i>Забузов О. Н.</i> Военное и политическое значение города: ретроспективный анализ.....	85
<i>Karimivala S.</i> Regional Branding – Immigration Policies Nexus.....	90
<i>Клестов А. А.</i> К вопросу о рождении христианской Европы	94
<i>Козлова В. Ю.</i> Особенности визуализации ключевых смыслов в пространстве города Перми	100
<i>Круткин В. Л.</i> Рисование как антропопрактика: образы и знаки в мире изображений.....	107
<i>Лебедева Е. В.</i> «Поворот к (не)участию» в постсоветских городах: дилемма реализации «права на город».....	114
<i>Матвеева Е. В., Алагоз А. В.</i> Стрессоустойчивость городского пространства в системе политических интернет-коммуникаций	121
<i>Молодых Е. И.</i> Практики горевания на стыке фольклора и терапии в пространстве города.....	126
<i>Назарова А. Е.</i> Культурно-познавательный туризм как фактор развития исторического города	131
<i>Очеретяный К. А.</i> Город в компьютерных играх: какими образами он питается и какие питает?	136
<i>Пирогов С. В.</i> Историческая социология города М. Вебера и современные урбанистические исследования.....	140

<i>Подшибякина Т. А.</i> Городские политические режимы в зеркале группового студенческого сознания (кейс юга России)	147
<i>Протасова Ю. А.</i> Атмосфера белорусских площадей.....	152
<i>Расходчиков А. Н.</i> «Новые горожане»: инклюзивная политика и социокультурная динамика исторических городов.....	158
<i>Рожков К. Л.</i> Исторические города глазами круизного туриста	165
<i>Рыжкова О. А.</i> Городская культура в составе визуального кода социальных сетей	170
<i>Соколова Л. С.</i> «Иваны, помнящие родство». Современные дети в фольклорном лагере	176
<i>Суданц М. Б.</i> Повышение акторности городов в современных международных отношениях.....	181
<i>Худина А. С.</i> Роль зонтичного брендинга для исторических городов.....	186
<i>Цветкова Е. Т.</i> Памятники монументальной живописи Древней Руси как изобразительные источники в исследованиях феномена русского скоморошества.....	191
<i>Чернякова Н. С.</i> Связь поколений в пространстве исторического города как необходимое условие воспроизведения некодифицируемых смыслов культуры	198
<i>Шарманова Т. В.</i> Храмовая архитектура Челябинска как ресурс видеозеологии	203
<i>Sherstiuk A.</i> Artistic and Aesthetic Perception of the Urban Architectural Identity: The Visual Semiotic Patterns of Old Facades in Kaliningrad.....	210

<i>Штомпель Л. А.</i> Потенциал визуализации базовых культурно-исторических ценностей в городском пространстве южно-российских городов	216
<i>Шульгина Д. П.</i> Образ исторического города как основа визуального кода в игре Genshin Impact	222
<i>Щербинина Н. Г.</i> Исторический город как текст в политико-смысловом пространстве настоящего	227
<i>Языкеев А. Н.</i> Городские события – проекция прошлого и образы будущего	233

CONTENTS

<i>Sergey S. Avanesov</i> Preface	13
<i>Gleb V. Aleksushin</i> Instability of the Cultural Code of the Historical City and Its Modernization	15
<i>Kirill S. Afanasiev</i> Cultural Intervention as a Method of Regeneration of the Historical Buildings Zones	19
<i>Dina N. Akhmetzyanova</i> Organizational and Spatial Aspects of City Education: Schools and Universities in the City	24
<i>Artem S. Belorusov, Elena A. Orlova</i> Changing the Cultural Code of a City on the Example of the Museum of the Living Old Sign in Rybinsk	29
<i>Margarita Yu. Bizina</i> Social Networks' Influence on the Future of the City	39
<i>Polina G. Vardevanyan</i> Visualization of the Cultural and Natural Heritage of Gorodok in the Urban Perspective.....	43
<i>Valentin V. Vashkevich</i> Methodology of Social and Urban Planning Monitoring.....	50
<i>Revekka M. Vulfovich</i> “So, What Then Is My Name to You?..”: Reflection of the Political History of the City in Its Name	55
<i>Georgi P. Gerov</i> Skudelnitses in Medieval Novgorod.....	61
<i>Viktor P. Golovanov</i> Territorial-Municipal Component of Additional Education of Children as an Educational Space of Childhood	67
<i>Galina V. Gornova</i> «Optical Effects» in the Translation of the City's Cultural Codes	75

<i>Anton I. Emelianov</i> Political Aspects in the Moscow Strategy for Development	80
<i>Oleg N. Zabuzov</i> Military and Political Significance of the City: A Retrospective Analysis	85
<i>Sanaz Karimivala</i> Regional Branding – Immigration Policies Nexus.....	90
<i>Alexander A. Klestov</i> On the Birth of Christian Europe	94
<i>Veronika Yu. Kozlova</i> Features of Visualization of Key Meanings in the Space of Perm City.....	100
<i>Victor L. Krutkin</i> Drawing as an Anthropological Practice: Images and Signs in the World of Pictures Representations	107
<i>Elena V. Lebedeva</i> “(Non)participation Turn” in Post-Soviet Cities: “Right to the City” Dilemma.....	114
<i>Elena V. Matveeva, Alice V. Alagoz</i> Stress Resistance of Urban Space in the Framework of Political Internet Communications.....	121
<i>Ekaterina I. Molodykh</i> Grieving Practices on the Crossborder of Folklore and Therapy in the City Space	126
<i>Alena E. Nazarova</i> Cultural Tourism as a Factor of a Historical City Development	131
<i>Konstantin A. Ocheretyany</i> A City in Computer Games: What Images It Feeds and What Images Feed It.....	136
<i>Sergey V. Pirogov</i> Historical Sociology of the City of M. Weber and Modern Urban Studies	140
<i>Tatiana A. Podshibyakina</i> Urban Political Regimes in the Mirror of Group Students’ Consciousness (Case of the South Of Russia).....	147

<i>Julia A. Protasova</i> The Atmosphere of Belarusian Squares.....	152
<i>Alexey N. Raskhodchikov</i> “New Townspeople”: Inclusive Policy and Socio-Cultural Dynamics of Historical Cities.....	158
<i>Kirill L. Rozhkov</i> Historical Cities with the Eyes of a Cruise Tourist	165
<i>Olga A. Ryzhkova</i> Urban Culture in the Visual Code of Social Networks.....	170
<i>Liliya S. Sokolova</i> “Ivans Who Remember Their Origin”. Modern Children in Folklore Camp	176
<i>Marat B. Sudanz</i> Increasing the Activity of Cities in Modern International Relations	181
<i>Anna S. Khudina</i> The Role of Umbrella Branding for Historical Cities	186
<i>Ekaterina T. Tsvetkova</i> Masterpieces of Monumental Painting of Ancient Russia as Pictorial Sources in the Research of the Phenomenon of Russian Buffoonery	191
<i>Natalia S. Chernyakova</i> The Connection of Generations in the Historical City Space as Necessary Condition for the Reproduction of Uncoded Cultural Meanings	198
<i>Tatiana V. Sharmanova</i> Temple Architecture of Chelyabinsk as a Video Ecology Resource.....	203
<i>Arina A. Sherstiuk</i> Artistic and Aesthetic Perception of the Urban Architectural Identity: The Visual Semiotic Patterns of Old Facades in Kaliningrad.....	210
<i>Liudmila A. Shtompel</i> The Potential of Visualization of Basic Cultural and Historical Values in the Urban Space of Southern Russian Cities	216
<i>Daria P. Shulgina</i> The Historical City’s Image as a Basis for Visual Code in Genshin Impact	222

<i>Nina G. Scherbinina</i>	
Historical City as a Text in Political and Semantic Space of the Present	227
<i>Andrey N. Yazykeev</i>	
Urban Events – Projection of the Past and Visions of the Future	233

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 2022 года в Великом Новгороде на базе Научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика» Новгородского университета состоялась очередная, четвёртая по счёту международная научная конференция из серии «Визуальная антропология». Традиция проведения научных мероприятий по этой тематике была заложена в Томске и продолжена в Великом Новгороде. В центре внимания участников конференций находится полидисциплинарное исследование визуальных параметров культуры как сферы человеческой коммуникации применительно прежде всего к городской среде. Пространство города интерпретируется как сложно организованная динамичная система визуальных знаков и символических локаций, выражающих и транслирующих культурно-антропологические смыслы, ценности и практики. Названная предметность обсуждалась в различных аспектах, определявших тематику конференции: «Интегральные модели коммуникаций» (Томск 2014), «Современный город: конструирование общественных пространств» (Томск, 2018), «Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда» (Великий Новгород, 2019). Нынешняя конференция состоялась под титулом «Исторический город: актуализация прошлого в перспективе будущего».

Стратегическими целями всего проекта можно назвать: (1) развитие регионального, российского и международного научного сотрудничества в области гуманитарных проблем современной урбанистики; (2) создание научного и дискуссионного контекста для обмена результатами исследований между российскими и зарубежными учёными в сфере теории и практики формирования общественных городских пространств; (3) анализ и систематизация актуальных проблем, тенденций и результатов в области социокультурной топологии города на региональном, национально-государственном и глобальном уровнях; (4) сближение фундаментальных урбанистических исследований с общественными и административными практиками в современном городе.

Научная задача конференции состояла в том, чтобы определить актуальное значение современного исторического города как места репрезентации, трансляции и генерации кода (кодов) культурной идентичности. Работа участников конференции была направлена на достижение следующих результатов:

- формулировка понятия культурного кода исторического города;
- концептуальное обоснование способов и форм актуализации культурного наследия как основы современной городской идентичности;
- определение роли университета в процессе генерации городского культурного кода;
- выявление особого места русского исторического города в кросскультурных процессах современности;
- разработка мер позитивного влияния на креативные практики, связанные с организацией, трансформацией и оптимизацией городской среды;

— концептуальная коррекция деятельности в сфере управления городскими социокультурными процессами.

Для достижения названных результатов, помимо пленарного заседания, была организована работа 6 секций и 2 «круглых столов». Секции носили следующие наименования: «Культурная идентичность: урбанистические аспекты» (модератор – С. С. Аванесов), «Politica Urbanica» (модератор – А. Н. Расходчиков), «Городские сообщества в исторической среде» (модератор – М. Д. Алексеевский), «Античность и Средневековье в современном городе» (модератор – Д. Б. Терешкина); «Историко-культурный контекст современных городских практик» (модератор – Д. Е. Крапчунов), «Русское зарубежье в диалоге культур: города и имена» (модератор – Н. Х. Орлова). Круглые столы были посвящены проблеме изучения культурного кода исторического города (модератор – Н. Г. Федотова) и столетнему юбилею классических фильмов Р. Флаэрти и Д. Вертова в контексте урбанистической культуры постмодерна (модератор – Е. В. Александров).

Конференция состоялась в рамках исполнения стратегического проекта «Университет как генератор культурной идентичности» в рамках программы развития университета «Приоритет-2030». Докладчики из многих городов России, а также из Армении, Белоруссии, Сербии, США и Франции, представили своё видение проблем связи прошлого с будущим в современной городской среде, городской идентичности, культурного кода исторического города, сочетания городской политики и «права на город», развития городских социокультурных практик, влияния русских эмигрантов на урбанистическое развитие Европы, репрезентации городского образа жизни в литературе и кинематографе. Наряду с учёными-гуманитариями в работе конференции приняли участие представители Администрации Великого Новгорода, руководители организаций в сфере культуры и туризма, журналисты, музейные работники, педагоги, менеджеры сферы досуга.

Работа конференции отличалась значительной степенью заинтересованности участников, высоким научным уровнем докладов, активными контактами представителей различных дисциплин и школ, а также сопровождалась оживлёнными дискуссиями по различным предметам из области современного урбанистического знания. Город был представлен как такой культурный конструкт, в котором тесно сплетаются исторические традиции и футуристические перспективы, а современный исторический город стал местом «сборки» традиционных культурных кодов, выявлять, презентовать и развивать которые призван университет как его интеллектуальный центр.

В сборнике представлены материалы конференции, прошедшие процедуру рецензирования и рекомендованные к публикации.

С. С. Аванесов,
директор НОЦ «Гуманитарная урбанистика»,
зам. председателя Организационного комитета

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-15-18>

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНОГО КОДА ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА И ЕГО МОДЕРНИЗАЦИИ

Г. В. Алексушин

Самарский государственный экономический университет, Россия

gva3@yandex.ru

Аннотация. Опираясь на уточнённые понятия культурного кода и исторического города, автор анализирует структуры культурного кода с опорой на историю трёх весьма схожих между собой поволжских городов – Самары, Саратова и Царицына (Волгограда). Для обозначения отдельных минимальных элементов культурного кода предлагается использовать термин «сниппет». Предлагается различать следующие типы сниппетов: одинаковые, общие, уникальные, обязательные. Представленная система не является исчерпывающей, однако демонстрирует базу для формирования более полного комплекса. Именно своеобразность сочетания разных сниппетов и создаёт уникальность культурного кода конкретного исторического города. Разнообразие сниппетов, нестандартность и подвижность их комплексов приводит к нестабильности культурных кодов, к их постоянным модернизациям и преобразованиям.

Ключевые слова: культурный код, исторический город, модернизация, нестабильность, элемент, сниппет.

INSTABILITY OF THE CULTURAL CODE OF THE HISTORICAL CITY AND ITS MODERNIZATION

Gleb V. Aleksushin

Samara State University of Economics, Russia

gva3@yandex.ru

Abstract. Based on the clarified concepts of the cultural code and the historical city, the author analyzes cultural code structures relying on the history of three very similar cities of the Volga region – Samara, Saratov and Tsaritsyn (Volgograd). It is suggested to use the term “snippet” to denote individual minimal elements of the cultural code. It is proposed to distinguish the following types of snippets: identical, general, unique, necessary. The presented system is not exhaustive, but it demonstrates the basis for the formation of a more complete complex. It is the peculiarity of the combination of different snippets that creates the uniqueness of the cultural code of a particular historic city. The diversity of snippets, the irregularity and mobility of their complexes leads to instability of cultural codes, their constant modernization and transformation.

Keywords: cultural code, historical city, modernization, instability, element, snippet.

Культурный код – ключ к пониманию типа культуры и её уникальных особенностей, созданных в потоке истории; закодированная информация, позволяющая идентифицировать культуру. Иначе говоря, культурный код города – это неповторимый набор разного рода исключительных культурных проявлений. Такие проявления характерны для исторических городов. При этом само понятие «исторический город» мы предлагаем рассматривать как обозначение исторического поселения со статусом города, поскольку формальный список 2010 года слишком сужает область исследования.

Уникальность культурного кода исторического города предполагает, что культурный код одного города не может повторять другой. И это действительно так. Возьмём в качестве примера три исторических города – Самару, Саратов и Царицын (Волгоград), которые во многом весьма схожи. Их объединяет не только общая география, но и влияние на их развитие единых факторов, участие в их судьбах одних и тех же пассионариев. Принципы появления элементов их культурного кода/ключа могут быть стандартизированы.

В данном случае методологически продуктивным является использование термина «снимет», обозначающего минимальную часть ключа в программировании. Сниметы кодов разных городов могут быть *одинаковыми* (однотипными). Так, весьма схожими могут являться такие сниметы истории Самары, Саратова и Царицына, как *периоды*. В истории всех трёх городов очевидны, например, «крепостные» периоды, когда данные города «работали крепостями» (таб. 1). При этом иные периоды в истории этих городов могут существенно отличаться друг от друга. Впрочем, сопоставимыми с периодами могут быть и такие одинаковые сниметы, как *стадии* или *этапы* [Алексушин 2020].

	<i>Самара</i>	<i>Саратов</i>	<i>Царицын</i>
«крепостной» период	1586–1688	1590–1701	1589–1721

Таб. 1

Одинаковые сниметы могут сильно отличаться по времени. Так, несмотря на то, что все три города были созданы почти в одно и то же время, губернскими они стали в разные годы: Самара была основана первой, но губернию возглавила только в 1851 году, Саратов возник последним, но уже с 1780 года стал центром губернии, а Сталинград получил статус центра Нижне-Волжского края в 1934 году.

Невзирая на уникальность каждого культурного кода, сниметы могут быть не одинаковыми, а *общими*. К примеру, в истории Самары, Саратова и Царицына (Волгограда) имеется такой общий снимет, как Волга. Общность сниметов может базироваться на разных основаниях: для Волги и Казанской губернии общим является географический снимет. Кроме того, есть такие общие сниметы, как процессы (торговля по Волге) и события (восстания Разина и Пугачёва). Таким образом, в этой группе можно выделить не только географические сниметы, но и экономические, этнические, военные, персональные и другие.

Хотя существует множество объединяющих факторов, значительное количество снippetов являются *уникальными*. Так, у Самары, Саратова и Сталинграда в Великую Отечественную войну была самая разная судьба: Самара (тогда Куйбышев) – столица СССР, Саратов – тыловой город, Сталинград – место решающей битвы Второй мировой войны. *Уникальные* снippetты также разнообразны: среди них есть экономические (Илецкая соль – стартap самарской экономики), этнические (Саратов – столица немцев Поволжья), военные (Волгоград – крупный оборонный центр России на южном направлении), географические и т.д. Персональных уникальных снippetов [Алексушин 2019 б; Алексушина 2015] в разы больше, нежели общих. К уникальным снippetам относятся и самые знаковые улицы городов [Алексушина и др. 2008].

Важно отметить, что определённые снippetты могут быть *обязательными* – например, символы (в первую очередь гербы и флаги) или бренды [Алексушин 2019 а]. Данные снippetты могут группироваться в конкретные связи вне своих культурных кодов, и в этом смысле они часто становятся проекциями общероссийских или мировых событий.

Именно своеобразие сочетания разных снippetов создаёт уникальность культурного кода конкретного исторического города. Разнообразие и подвижность комплексов снippetов приводят к нестабильности культурных кодов, постоянно трансформирующихся под влиянием данных факторов. Ещё больше усиливают такую нестабильность модернизации, которые происходят из-за появления в культурных кодах новых снippetов или их замены.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексушин 2019 а – Алексушин Г. В. Самарские бренды. Самара, 2019.
Алексушин 2019 б – Алексушин Г. В. Самарское купечество. Самара, 2019.
Алексушин 2020 – Алексушин Г. В. Периодизация, стабилизация или этапизация? // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1–1. С. 198–201.
Алексушина 2015 – Алексушина Т. Ф. Полный биографический словарь дворян Самарской губернии. Самара, 2015.
Алексушина и др. 2008 – Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В., Буданова А. А. Самара, улица Дворянская: Иллюстрированная энциклопедия. Самара, 2008.

REFERENCES

- Aleksushin 2019 a – Aleksushin G. V. Samara Brands. Samara, 2019. In Russian.
Aleksushin 2019 b – Aleksushin G. V. Samara Merchants. Samara, 2019. In Russian.
Aleksushin 2020 – Aleksushin G. V. Periodization, stabilization or staging? *Science of the XXI Century: Current Directions of Development*. 2020. 1–1. Pp. 198–201. In Russian.
Aleksushina 2015 – Aleksushina T. F. Complete Biographical Dictionary of the Nobles of the Samara Province. Samara, 2015. In Russian.
Aleksushina et al. 2008 – Aleksushina T. F., Aleksushin G. V., Budanova A. A. Samara, Dvoryanskaya Street: An Illustrated Encyclopedia. Samara, 2008. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author**Глеб Владимирович Алексушин**

доктор исторических наук, доцент,

профессор кафедры коммерции, сервиса и туризма.

Самарский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: gva3@yandex.ru

Gleb V. Aleksushin

Dr. Sci. (Historical Sciences),

Professor at the Commerce, Service and Tourism Department.

Samara State University of Economics, Russia.

E-mail: gva3@yandex.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-19-23>

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ КАК МЕТОД РЕГЕНЕРАЦИИ ЗОНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАСТРОЙКИ

К. С. Афанасьев

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия

k.afanasiev@lengu.ru

Аннотация. В рамках представленной работы рассматриваются подходы и методы, связанные с формированием нового отношения заинтересованных лиц к проектам регенерации зоны исторической застройки современного города. Одним из действенных механизмов запуска социальных изменений являются культурные интервенции – варианты временной активности, сочетающей элементы перформанса и подходы, характерные для тактического урбанизма. Итогом применения данного инструмента является реформатирование ассоциативного поля и привычного восприятия исторического объекта в пользу его перспективного использования. Практическое применение данного инструмента в Санкт-Петербурге продемонстрировало значительное изменение отношения жителей к новым функциям исторических зданий, что позволяет адаптировать концепции и планы в отношении регенерации зоны исторической застройки. В качестве возможного применения культурных интервенций можно упомянуть тестирование проектов создания общественных пространств, концепций культурных мероприятий и форматов самоорганизации жителей для решения общих проблем.

Ключевые слова: регенерация городской территории, культурная интервенция, временные автономные зоны, социальные изменения, гражданская активность, карнавализация.

CULTURAL INTERVENTION AS A METHOD OF REGENERATION OF THE HISTORICAL BUILDINGS ZONES

Kirill S. Afanasiev

Pushkin Leningrad State University, Russia

k.afanasiev@lengu.ru

Abstract. The research examines approaches and methods of forming a new attitude of stakeholders to the projects of regeneration of the historical buildings area in modern city. The effective way of launching the mechanism of social change is cultural intervention – type of temporary activity combining elements of performance and approaches of tactical urbanism. The result of using this tool is the reformatting of the associative field and the habitual perception of the historical object for its prospective use. The practical application of this tool in St. Petersburg (the Apraksin Dvor and Gostiny Dvor districts in Pushkin) demonstrated a significant change in the attitude of residents to the new func-

tions of historical buildings. This makes it possible to adapt concepts and plans for the regeneration of the historical buildings zone. The possible application of cultural interventions is testing projects for the creation of public spaces, concepts of cultural events and formats of self-organization of residents to solve common problems.

Keywords: urban regeneration, cultural intervention, temporary autonomous zones, social changes, civic engagement, carnivalization.

Городская среда как воплощение представлений горожан об идеальной форме и наиболее комфортном способе сосуществования и реализации жизненных стратегий подвержена в процессе исторического и культурного развития более или менее значительным трансформациям, выражающимся в изменении как физических свойств, так и нематериальных элементов. Иначе говоря, преобразование визуального облика современного города невозможно без вовлечения в этот процесс широкого круга заинтересованных лиц: жителей, представителей бизнеса, организаций социокультурного профиля. Однако устойчивость и позитивный характер изменений зависят не только от степени проработки концепции и плана архитектурно-средовой трансформации того или иного района, но и от готовности различных групп горожан воспринять предлагаемые изменения в качестве желательных и в какой-то мере естественных [Paddison, McCann 2014].

Исходя из этого, можно выделить два полюса в вышеупомянутом процессе. Так, любые изменения в городской среде принимаются в значительной степени позитивно в условиях неаутентичной (не имеющей «своего лица») застройки при восполнении или усилении необходимых для нормальной жизнедеятельности функций (например, строительство школы или больницы в спальном районе). И наоборот, в условиях исторической застройки с богатым историческим и культурным бэкграундом любые изменения, нацеленные на повышение качества жизни через придание новых или возвращение исходных функций и смыслов привычным объектам, встречает достаточно жёсткое сопротивление и неприятие.

Отметим также, что существующая практика преобразования городской среды, в частности проекты регенерации / ревитализации территории, сводятся к трём основным сценариям:

1. массовый редевелопмент с прекращением доступа посетителей к реконструируемому объекту, что в сочетании с длительным сроком реализации проекта способствует разрыву психологических связей горожан с элементом городской среды;
2. разделение реконструируемого объекта на части и поэтапная реализация проекта с постепенным переформатированием ключевых видов деятельности горожан;
3. «текущая» регенерация, подразумевающая, прежде всего, работу со смыслами и культурной составляющей в зонах, обладающих наибольшим влиянием на восприятие реконструируемого объекта.

В рамках проведённого автором исследования были рассмотрены проекты регенерации района Апраксина двора в Санкт-Петербурге (при раз-

работке проекта в рамках образовательной программы «City and Culture», февраль – апрель 2019 года) и Гостиного двора в г. Пушкин (при руководстве дипломным проектом, выполняемым по заказу Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга, март – июнь 2022 года). По итогам рассмотрения существующих планов и концепций был разработан инструментарий тестирования идей с участием заинтересованных лиц. Финальной точкой в экспериментах служили так называемые «культурные интервенции» в зонах, примыкающих к анализируемым объектам, в значительной степени ориентированные на реализацию вышеупомянутого сценария «В».

Отметим, что существующие коннотации понятия «культурная интервенция» в общем и целом ближе к агрессивному вмешательству чужеродного субъекта в зону жизненных интересов другого объекта, что подразумевает навязывание чуждых духовных ценностей (культуры), прежде всего – молодёжи. Поэтому в данной работе, с одной стороны, целесообразно опираться на психологическую традицию, где под интервенцией понимается вмешательство для инициирования позитивных изменений, а с другой – по возможности дистанцироваться от понятий «арт-интервенция» (как арт-терапия для лиц с психическими отклонениями и массовая художественная акция), «креативная интервенция» (данное понятие не несёт никакого дополнительного смысла, потому что любая интервенция в городском пространстве требует творческого подхода к решению поставленных задач) и «конструктивный интервенционизм» (ввиду размытости критериев «конструктивности») [Меркульева 2020].

Предшествующий опыт взаимодействия художников и творческих личностей с городским пространством (пунктирно стоит упомянуть ситуационизм, акционизм, флешмобы, театрализацию политических протестов движением «Reclaim the Streets», граффити и искажение рекламной и навигационной коммуникации) позволяет выделить сущностные черты метода «культурной интервенции» [Осминкин 2016; Hoop et al. 2022]. Во-первых, это ориентация на работу с культурными смыслами и историческим восприятием посредством визуализации возможного состояния того или иного объекта городской среды [Ashley, Weedon 2020]. Во-вторых, это ориентация на изменение восприятия через демонстрацию временных трансформаций и дополнений, что связывает культурную интервенцию с эффективным и широко применяемым в настоящее время «тактическим урбанизмом» [Лайдон, Гарсия 2019]. В-третьих, инициирование нового культурного опыта горожан через его карнавализацию и театрализацию, иными словами – формирование «временной автономной зоны» с элементами хаоса и беспорядка в упорядоченной ткани городской жизни [Сендра, Сеннет 2022; Хаким Бей 2003].

Все вышеперечисленные особенности нашли своё выражение в процессе культурных интервенций на упомянутых выше объектах. Так, для демонстрации исторических фактов и возможных сценариев использования исторического объекта в будущем применялась как интерактивная карта с элементами дополненной реальности, так и простой прозрачный стенд с нанесёнными на него пояснениями, становящимися видимыми

при наложении стенда на стоящее перед ним здание. Демонстрация временных трансформаций была реализована при помощи рядом с объектом размещённых QR-кодов, открывающих контент, связанный с бытовой стороной его функционирования, а также размещение элементов благоустройства, оформленных в стилистике будущего проекта регенерации территории. Наконец, карнавализация нового культурного опыта стала возможна через появление как исторических персонажей (торговцы-коробейники, скоморохи, жонглеры), так и будущих типичных обитателей данного места.

По итогам проведённых мероприятий замеры по методу семантического дифференциала и глубинные интервью с жителями продемонстрировали значимое изменение отношения жителей к будущему облику реконструируемых объектов, а также сформировали чёткий запрос на общественное участие в этом процессе. Говоря о перспективах применения метода культурной интервенции за пределами зон исторической застройки, можно отметить высокий потенциал его использования для тестирования проектов создания общественных пространств, концепций культурных мероприятий и форматов самоорганизации жителей для решения общих проблем. Иначе говоря, культурная интервенция может стать действенным механизмом эффективного анализа будущего пользовательского опыта для повышения устойчивости городской среды.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лайдон, Гарсия 2019 – *Лайдон М., Гарсия Э.* Тактический урбанизм. Краткосрочные действия – долгосрочные перемены / Пер. с англ. Л. Сумм, А. Огнева. Москва, 2019.
- Меркульева 2020 – *Меркульева А. В.* Иммерсивные методики в современных социокультурных практиках // Вестник СПбГИК. 2020. № 2 (43). С. 58–62.
- Осминкин 2016 – *Осминкин Р. С.* Коллективные перформансы: от партиципации к производству социальной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74). В 3-х ч. Ч. 3. С. 121–126.
- Сендра, Сеннет 2022 – *Сендра П., Сеннет Р.* Проектировать беспорядок. Эксперименты и трансгрессии в городе / Пер. с англ. И. Кушнаревой. Москва, 2022.
- Хаким Бей 2003 – *Хаким Бей.* Устойчивые временные автономные зоны / Пер. с англ. С. Кормильцева // Анархия. Антология современного анархизма и левого радикализма. В 2-х т. Т. 1: Без государства. Анархисты. Москва, 2003. С. 339–346.
- Paddison, McCann 2014 – *Cities and Social Changes. Encounters with Contemporary Urbanism.* Ed. by R. Paddison, E. McCann. London, 2014.
- Ashley, Weedon 2020 – *Developing a Sense of Place: The Role of the Arts in Regenerating Communities.* Ed. by T. Ashley, A. Weedon. London, 2020.
- Hoop et al. 2022 – *Hoop M., Kirchberg V., Kaddar M., Barak N., de Shalit A.* Urban artistic interventions: A typology of artistic political actions in the city // *City, Culture and Society.* 2022. Vol. 29. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877916622000108?via%3Dihub> (date of access: 21.10.2022).

REFERENCES

- Ashley, Weedon 2020 – Developing a Sense of Place: The Role of the Arts in Regenerating Communities. Ed. by T. Ashley, A. Weedon. London, 2020.
- Hakim Bey 2003 – Hakim Bey. Stable Temporary Autonomous Zones. Transl. into Russian by S. Kroil's. *Anarchy. An Anthology of Modern Anarchism and Left-Wing Radicalism*. Vol. 1. Moscow, 2003. Pp. 339–346.
- Hoop et al. 2022 – Hoop M., Kirchberg V., Kaddar M., Barak N., de Shalit A. Urban Artistic Interventions: A Typology of Artistic Political Actions in the City. *City, Culture and Society*. 2022. Vol. 29. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877916622000108?via%3Dihub> (date of access: 21.10.2022).
- Lydon, Garcia 2019 – Lydon M., Garcia A. Tactical Urbanism. Short-term Action for Long-term Change. Transl. into Russian by L. Summ, A. Ognev. Moscow, 2019.
- Merkuleva 2020 – Merkuleva A. Immersive Techniques in Modern Sociocultural Practices. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. 2020. 2 (43). Pp. 58–62. In Russian.
- Osminkin 2016 – Osminkin R. Collective Performances: From Participation to Social Life Production. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 4 (74). Part 3. Pp. 121–126. In Russian.
- Paddison, McCann 2014 – Cities and Social Changes. Encounters with Contemporary Urbanism. Ed. by R. Paddison, E. McCann. London, 2014.
- Sendra, Sennett 2022 – Sendra P., Sennett R. Designing Disorder. Experiments and Disruptions in the City. Transl. into Russian by I. Kushnareva. Moscow, 2022.

Информация об авторе / Information about the author**Кирилл Станиславович Афанасьев**

кандидат философских наук,

доцент кафедры государственного и муниципального управления.

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: k.afanasiev@lengu.ru

Kirill S. Afanasiev

Cand. Sci (Philosophy),

Associate Professor at the State and Municipal Administration Department.

Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: k.afanasiev@lengu.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ ГОРОЖАНИНА: ШКОЛЫ И УНИВЕРСИТЕТЫ В ГОРОДЕ

Д. Н. Ахметзянова

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия
dn.akhmetzyanova@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь между образовательным пространством города и городской ментальностью. Высказывается предположение, что существует зависимость между личностными качествами горожанина, его психологическим состоянием и спецификой архитектурно-планировочных и управленческих решений, принимаемых в отношении образовательных учреждений. Данная позиция аргументирована с помощью сравнительного анализа ряда школ и университетов. Обозначена перспектива того, что необходимо переосмысление подхода к проектированию образовательного пространства. Модель современного образовательного учреждения должна приобретать значение многофункционального общественного пространства, работающего на город. Формирующиеся при этом множественные связи со сложносочинённой городской средой позволят обучающимся горожанам преодолеть чувство городского отчуждения. Тем самым удастся ответить на современные вызовы в воспитании функциональной городской личности.

Ключевые слова: образовательное пространство, современный горожанин, город, университет, школа.

ORGANIZATIONAL AND SPATIAL ASPECTS OF CITY EDUCATION: SCHOOLS AND UNIVERSITIES IN THE CITY

Dina N. Akhmetzyanova

ITMO University, St. Petersburg, Russia
dn.akhmetzyanova@gmail.com

Abstract. The article considers the relationship between the educational space of the city and the urban mentality. It is suggested that there is a relationship between the personal qualities of a city dweller, his psychological state and the specifics of architectural, planning and management decisions made in relation to educational institutions. This position is supported with the help of a comparative analysis of some schools and universities. It is stated that there is need for rethinking of the approach to the design of educational space. The model of a modern educational institution should acquire the value of a multifunctional public space that works for the city. The multiple connections that are formed with the complex urban environment will allow students to overcome the feeling of

urban alienation. Thus, it will be possible to respond to modern challenges in urban personality's education.

Keywords: educational space, modern citizen, city, university, school.

Сложносочинённая, многомерная, конфликтная среда города, особенно города современного, обуславливает наличие определённых свойств личности в своём творении и творце – горожанине. Произведённый городом «homo urbanus», или человек городской, рационален, изобретателен, индивидуалистичен, невротичен и адаптивен [Горнова 2011, 11–16]. Но каким образом происходит формирование функциональной модели городской личности? Советский эксперимент по массовой плановой урбанизации населения показал, что город не сразу (далеко не в рамках одного поколения) находит своё отражение в специфике образа мышления и жизни нового горожанина, который ещё недавно был сельским жителем.

Городская личность требует воспитания и привития городских ценностей, норм, традиций и ритуалов поведения, её нельзя воссоздать насильственно. Даже в случае совершения осознанного выбора – “да, я горожанин” – получаемая на выходе протогородская ментальность представляет собой смешанный продукт, поскольку образ детства и базовые ценностные установки жителя общины принципиально отличаются от городских [Горнова 2011, 159–163]. В основе этого разрыва лежит выработанный характер взаимодействия Я-горожанина с внешним миром и, в частности, его отношение к городскому Другому – отличному, непознанному, потенциально опасному.

Взаимоотношения Я-личности и Другого вырастают из попыток найти место человека в мире [Половникова 2001, 92]. Город – это зеркало новой реальности, пространство противоречий, порождающее взаимное отчуждение между горожанами-незнакомцами. Выживать в таких условиях можно лишь в случае наличия навыка быстрой адаптации к изменяющимся условиям [Горнова 2011, 54], в то время как жизнь в подобной среде требует от горожанина ещё более труднодостижимой способности. Для преодоления дисфункциональности городского социума горожанин должен быть открыт к познанию Другого, уметь часто и своевременно пересматривать свою уже сложившуюся систему ценностных ориентиров, обладать способностью к критическому осмыслению и привнесению новых элементов в систему своей стабильной аутопоэзисной реальности. Иными словами, функциональная модель городской личности включает в себя умение присваивать и воспроизводить новое знание. “Я знаю, что ничего не знаю” становится базовым принципом в мире бесконечных потоков информации, превращающих современного “человека урбанизированного” в вечного ученика. В свою очередь, проблема приспособления к реальности, где постоянное обучение – это необходимость, поднимает вопрос методик воспитания этих навыков в горожанине.

Урбанизация человека осуществляется посредством приобщения к культурному и смысловому пространству города. В условиях ослабления связей

внутри традиционной семьи передача ролевых моделей и базовых ценностных установок осуществляется посредством специально организованных социальных институтов – школ и университетов [Смирнов 2019, 51].

Феномен школы берёт своё начало в виде формирования групп людей, собиравшихся при городских культовых сооружениях и при этом не связанных родственными отношениями, но объединённых общим интересом к знанию и процессу познания [Смирнов 2019, 50–52]. По мере того как росло количество выполняемых школой функций, одной из ключевых задач стало определение пространственной организации и предпочтение конкретного визуального языка архитектурной среды, максимально отвечающих расширившемуся списку функций. Феномен школы претерпел реформирование, подвергся институционализации и приобрёл новый архитектурно-планировочный облик. Так, принципы модернистской утопии заложили основу современной школы. Ярким примером является концепция “советской школы”, которая выступала как ответ на актуальные для XX века проблемы – от необходимости обеспечить получение равного общего образования до ограничений в виде малого ресурсного обеспечения. Данная модель была актуальна для своего времени, однако она не оправдывает себя в условиях информационного общества. В силу возникновения дополнительных функций и смыслов школа превратилась в дисциплинарную структуру наравне с тюрьмой и клиникой, утратив то, ради чего она создавалась, – человека [Смирнов 2019, 50–52].

Типовая школа модернизма обладает формой, обусловленной применением технологий массового производства. Подобно фабрике или механизму, она строго функциональна и представляет собой символ контролирующего подхода к обучению и воспитанию. Школа почти полностью изолирована от внешнего мира: посторонний человек не может попасть на её территорию, чаще всего ограниченную забором – обещанием безопасности, но также знаком обособленности, отчуждения. Забор – это граница, которую требуется преодолеть. Такая модель школы не подразумевает широкого набора помещений для групповой активности вне уроков или для тихого, уединённого отдыха, отражая механизированный, эксплуатирующий подход к горожанину-ученику и его телу.

Сегодня социальные изменения в цифровизированном урбанизированном мире приводят к номинальности воспитания в школе старого образца, а юные горожане приобщаются к культурному пространству города за стенами школы. В связи с этим остро стоит вопрос переосмысления пространства детства и института школы: теперь в основу архитектурно-планировочных решений закладываются в первую очередь не санитарно-гигиенические показатели, а ненасильственный, эмпатийный подход к образованию и уважение к личности ребенка. Для современной школы, построенной по принципу *architecture of learning*, характерна более свободная форма – как из-за гибкости подхода к функциональному зонированию, так и из-за применения новых технологий в строительстве. В ней есть большое количество форм и размеров классных комнат, которые являются гибридными по своему функционалу. Кроме того, закладывается система общественных пространств как внутри здания, так и на пришкольной территории, а также учитывается важность

создания психологического комфорта для всех учеников, например, создаются внутренние озеленённые дворы, зимние сады и игровые комнаты.

Школа становится общественным центром, открытым городу, представляя во внеучебное время услуги библиотеки, коворкинга, воркаута и т.д. Современная школа инклюзивна и проектируется по принципу безбарьерной среды, в ней используются системы внутренней навигации и внедряются принципы дизайна для нейронетипичных детей. Знаменитые финские школы или новая цифровая школа на Манхэттене, где большая часть курсов проводится дистанционно, – в каждом случае дизайнеры и проектировщики уделяют основное внимание стимуляции взаимодействия учеников с пространством, их очному общению между собой и социализации.

Следующая стадия, подразумевающая ещё более осмысленный подход к своему жизненному пути со стороны горожанина, – это студенчество. Студенты – особая группа горожан со своими потребностями, запросами и правами на город, которая активно их заявляет. Спрос рождает предложение: наличие в городе университета способствует появлению развитой инфраструктуры и городской экономики. Данный процесс явно прослеживается как на примере старейших университетов (Сорбонна, Оксфорд), так и современных (Томский университет), когда пространственный рост многоклеточного тела университета выполняет в том числе градообразующую функцию.

Исторически обучение являлось занятием свободного гражданина города. Социальное разнообразие, свободное мышление и академическая автономия – значимость университетов для города колоссальна: с одной стороны, их Другая самость бросает вызов Я-горожанину, не являющемуся студентом; с другой стороны, в масштабе города они являются основным источником генерации нового знания, формирования открытого, критического мышления, стимуляции множества новых социокультурных активностей и повседневных практик.

Полноценно развитый университетский кампус представляет собой модель города в миниатюре, обладающего различными способами взаимодействия с городом-истоком [Смирнов 2019, 53–55]. Примерами этого являются:

- Иннополис: классический университетский кампус, оснащён собственной инфраструктурой (жильё, дороги, магазины), открыт туристам, но не связан с Казанью напрямую, что является скорее минусом, чем плюсом, в силу сохраняющегося ограничения в наборе городских функций;
- Венский экономический университет: городской университетский комплекс, включён в город, на территории есть сады, магазины, кафе, площади, куда могут прийти все желающие, – вся площадь университета представляет собой гигантскую агору;
- Высшая школа экономики: модель распределённого типа, представляет собой множество корпусов, встроенных в тело города и создающих эффект полицентричности.

Современный университет приобретает значение общественного места, площади-агоры, многофункциональной и работающей на город, – множественные связи позволяют преодолеть отчуждённость, формируя пространство солидарности [Аванесов 2019, 273].

Как функция определяет форму, а язык формирует мышление, так язык пространства города формирует личность горожанина, и наоборот. Переосмысление городской телесности, то есть понимание, что дух и культурное знание неотделимы от тела и его физического опыта, способно создать современное пространство образования, где тело образовательного учреждения становится открытым городу, взаимодействующим с ним, а социализация и передача знаний между обучающимися осуществляются посредством включённости образовательного пространства в городской социокультурный ландшафт. Тем самым реализуется принцип пространственной диалектики, подразумевающий оспаривание и преодоление обучающимися горожанами онтологических границ, инклюзивность, включённость и интерактивность пространства. Если весь город – это кампус, а познание неотделимо от горожанина, иначе говоря, он на него обречён, то миссия новой модели образовательного пространства города – облегчить ему эту задачу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2019 – Аванесов С.С. Университет и формирование урбанистической реальности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3 (21). С. 268–276.
- Горнова 2011 – Горнова Г.В. Антиномичность городской культуры. Омск, 2011.
- Половникова 2001 – Половникова В.М. Я и другой: концепции М.Бубера и Э.Левина // Эпистемы. Вып. 2. Екатеринбург, 2001. С. 92–96.
- Смирнов 2019 – Смирнов С.А. Город-кампус, или Образовательное пространство города. Методологический конструкт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 44–59.

REFERENCES

- Avanesov 2019 – Avanesov S.S. University and the Formation of Urban Reality. *PPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 3 (21). Pp. 268–276. In Russian.
- Gornova 2011 – Gornova G.V. Antinomy of Urban Culture. Omsk, 2011. In Russian.
- Polovnikova 2001 – Polovnikova V.M. I and Other: The Concepts of M. Buber and A. Levinas. *Epistemes*. Iss. 2. Yekaterinburg, 2001. Pp. 92–96. In Russian.
- Smirnov 2019 – Smirnov S.A. Campus City, or Educational Space of the City. Methodological Construct. *Higher Education in Russia*. 2019. Vol. 28. 4. Pp. 44–59. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Дина Наилевна Ахметзянова

аспирант Института дизайна и урбанистики.

Национальный исследовательский университет ИТМО,

Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: dn.akhmetzyanova@gmail.com

Dina N. Akhmetzyanova

Postgraduate student at the Institute of Design & Urban Studies.

ITMO University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: dn.akhmetzyanova@gmail.com

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-29-38>

ИЗМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ ЖИВОЙ СТАРИННОЙ ВЫВЕСКИ Г. РЫБИНСКА

А. С. Белорусов

Московский педагогический государственный университет, Россия
art.belorusow@yandex.ru

Е. А. Орлова

Московский педагогический государственный университет
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
pr-orlova@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается изменение культурного кода исторического центра старинного купеческого города Рыбинска Ярославской области на примере необычной культурной практики по созданию Музея живой старинной вывески XIX века – музея под открытым небом. По мнению авторов, данный проект приобрёл широкую известность за счёт новаторского подхода к изменению и закреплению законодательных правил по размещению информации в масштабах исторического центра. Опыт проекта может быть интересен и другим историческим городам России, которые находятся в состоянии смены парадигмы развития, в поиске своего места в новой экономической реальности.

Ключевые слова: культурный код, социокультурный код, исторические города, культурно-историческое наследие, музей под открытым небом, старинные вывески, культурная практика, туристический поток, рыбинские вывески, имиджевая коммуникация.

CHANGING THE CULTURAL CODE OF A CITY ON THE EXAMPLE OF THE MUSEUM OF THE LIVING OLD SIGN IN RYBINSK

Artem S. Belorusov

Moscow Pedagogical State University, Russia
art.belorusow@yandex.ru

Elena A. Orlova

Moscow Pedagogical State University
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
pr-orlova@list.ru

Abstract. The article discusses the change in the cultural code of the historical center of the ancient merchant city of Rybinsk, Yaroslavl region, using the example of an unusual

cultural practice to create a Museum of Living Antique Signs of the 19th century – an open-air museum. According to the authors, this project has become widely known due to the innovative approach to change and consolidate the legislative rules for the arrangement of information in the historical center. The experience of the project may be of interest to other historical cities of Russia, which are in a state of changing the development paradigm, searching for their place in a new economic reality.

Keywords: cultural code, socio-cultural code, historical cities, cultural and historical heritage, open-air museum, old signs, cultural practice, tourist flow, Rybinsk signs, image communication.

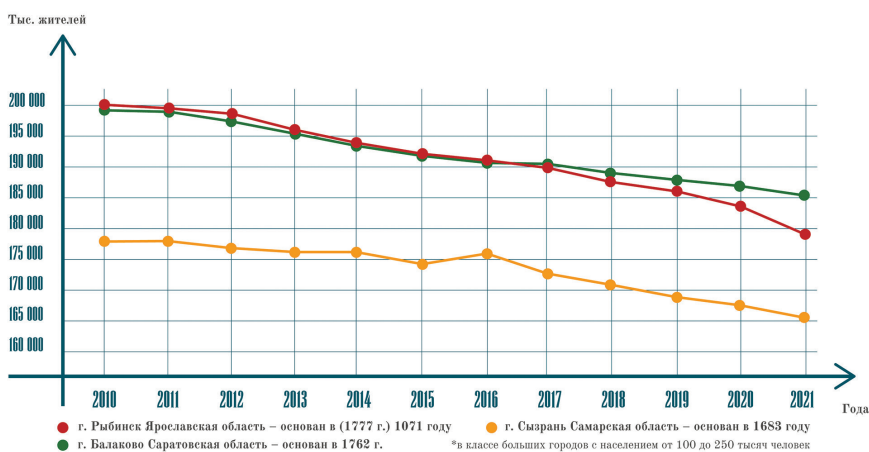
Проблема сохранения исторических городов на карте страны сейчас стоит очень остро. Самое ценное в исторических городах – их уникальная самобытная архитектура, ландшафт и люди. Однако многие центры исторических городов утопают в навязчивой неконтролируемой рекламе различных предложений товаров и услуг, баннеров, растяжек и всего того, что принято сейчас считать инструментом продвижения на рынке (ил. 1). Тем не менее уникальная архитектура является ключевым фактором в осмыслении культурного кода исторических поселений.

Ил. 1. Исторический центр г. Рыбинска до реализации проекта

Понятие исторических поселений было введено в июле 1970 года постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР, когда впервые был утверждён список из 115 исторических городов [Андреева 2020, 7]. В современной России историческим поселением, согласно действующему

щему законодательству, являются включённые в перечень исторических поселений федерального или регионального значения населенный пункт или его часть, в границах которых расположены объекты культурного наследия, включённые в реестр, выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предмет охраны исторического поселения¹. Перечень исторических поселений, по состоянию на 2022 г., включает 45 населённых пунктов. Стоит отметить, что Рыбинск на данный момент не входит в перечень исторических поселений, в отличие от трёх городов Ярославской области – Ярославля, Ростова и Тутаева. На его территории располагается 58 выявленных памятников, около 29 из них – федерального значения².

Ил. 2. Сравнительный анализ данных по естественной убыли населения

Согласно классификации свода правил в сфере градостроительства³, город Рыбинск относится к категории больших городов с населением до 250 000 человек. Посмотрим на статистические данные по нескольким городам класса больших городов. К примеру, возьмем г. Балаково, Саратовская область (1762 г.), г. Сызрань, Самарская область (1683 г.) и г. Рыбинск, Ярославская область (1071 г.) На диаграмме (ил. 2) представлена динамика естественной убыли населения в вышеупомянутых населён-

¹ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 26.06.2002 N 73-ФЗ. Ст. 59. Понятие исторического поселения. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/5fcf10985c8ef6a435ced85e4de742c4f59d330e/ (дата обращения: 02.09.2022).

² Паспорт города Рыбинск на 01.01.2022 г. URL: <http://rybinsk.ru/passport> (дата обращения: 02.09.2022).

³ СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (утв. Приказом Минстроя России от 30.12.2016 N 1034/пр).

ных пунктах за период 2010–2021 гг.⁴ Тенденция почти одинаковая, ситуация схожая по населённым пунктам этого порядка.

Миграция в России носит выраженный центростремительный характер, население стягивается в крупнейшие центры – Москва, Санкт-Петербург, региональные столицы. Средние, малые города и сельская местность теряют население, прежде всего – молодёжь [Мкртчян 2017].

На фоне разразившейся пандемии Covid в 2019–2020 гг., экономических санкций и ограничений по выездному туризму происходит стимулирование внутреннего туризма, который может способствовать притоку дополнительных инвестиций и улучшению качества жизни людей в малых городах. Ведь без людей, человеческого капитала малых, средних и больших исторических городов, которые являются полноправными частями России, невозможно сохранение материально-культурного наследия всей страны. В этом контексте имеет смысл обратиться к наиболее интересным, самобытным практикам по сохранению исторического наследия, которые одновременно интересны для туриста и, возможно, улучшают качество жизни местного населения. Примером такой практики является проект Мити Кузнецова «Музей живой старинной вывески XIX в.», реализованный в историческом центре города Рыбинска Ярославской области.

История города является важнейшим фактором понимания культурного кода городского пространства. Относительно недавно Российская академия наук подтвердила смещение датировок основания города, опираясь на Лаврентьевскую летопись от 1071 года, а также многолетние археологические исследования на стрелке при впадении реки Шексны в Волгу⁵. Город находится на месте, где река мелела, а товары перегружали на другой тип судов. Активная торговля и спрос на транспортные услуги способствовали развитию в городе купечества.

Характерной чертой Рыбинска стало преобладание жилой купеческой застройки над зданиями административного назначения и дворянскими постройками. Наиболее распространённым был тип двухэтажного купеческого особняка, композиция которого менялась в зависимости от местоположения, хотя встречались трёх- и одноэтажные особняки [Емельянова 2004, 13]. Такой характер купеческой застройки города повлиял на современный культурный код, а также создал предпосылки к самоидентификации жителей.

Город формирует жизненное пространство людей, а культурный код – это основа их коммуникации. Как отмечают С. А. Гудков и И. Е. Жукова, реновация пространства без сохранения культурных кодов невозможна. Они формулируют своё универсальное определение культурных кодов: культурные коды – это комбинация рациональных и иррациональных знаков, символов, образов места, имеющих целостную структуру, полученных в результате постепенного эволюционного развития территории, выполняющих

⁴ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 02.09.2022).

⁵ Сетевое издание «76.ру». URL: <https://76.ru/text/gorod/2019/04/07/66045547/> (дата обращения: 29.08.2022).

функции наследственной памяти места и формирующих его уникальность и идентичность [Гудков, Жукова 2017].

А. Н. Завьялова отмечает, что общество в процессе непрерывного существования на конкретной территории накапливает в памяти поколений определённые способы межличностной коммуникации, уклад, социальный опыт, традиционные ценности. Социокультурный код формирует и воспроизводит черты культуры территориальной общности. Таким образом он выполняет роль носителя и хранителя наследственной информации о городе, которая передается от поколения к поколению [Завьялова 2014].

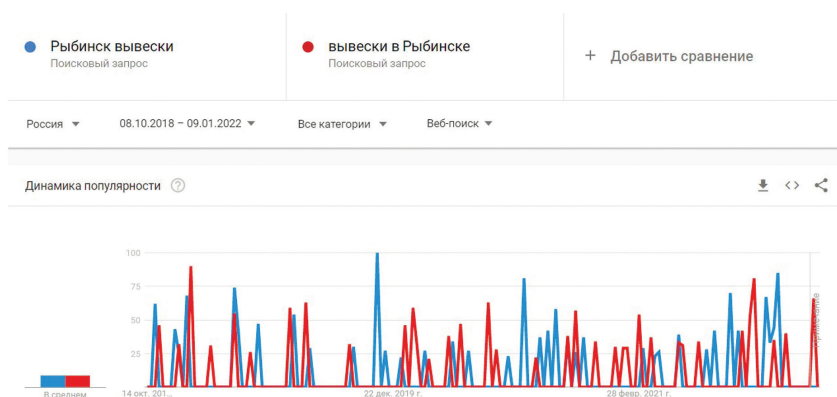
Следует отметить, что Рыбинск в период с 2016 г. оказался на пути социокультурного эксперимента в отношении туристического потенциала города. Инфраструктурные изменения начались с реконструкции Красной площади в Рыбинске в 2017 г., именно она стала ядром изменений исторической среды. Минстрой России подвёл итоги реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» в 2017 г. Проект Рыбинска по реконструкции Красной площади был признан одним из самых успешных и включён в федеральный реестр лучших практик. Как описывает в статье А. В. Сазиков, самым необычным стало то, что движителем многих инициатив стал человек, казалось бы, совершенно далёкий как от охраны памятников истории и культуры, так и от мира рекламы – фолк-музыкант, композитор и продюсер Митя Кузнецов. Он же создатель проекта мультимедийной усадьбы «Этно-Кузня». Именно в «Этно-Кузне» в 2017 г. родился проект «Музея Живой Старинной Вывески под открытым небом» – возрождение старинной вывески XIX в. в историческом центре Рыбинска, который являет собой ярко выраженный пример исторической купеческой застройки XVIII–XIX вв. Именно это и подтолкнуло к мысли подчеркнуть колорит старинных архитектурных сооружений и исторической среды в целом соответствующим дизайном наружной рекламы. Из этого и выросла концепция музея под открытым небом, только музея живого, действующего, которым бы стал весь исторический центр города [Сазиков 2019]. Впоследствии главой Рыбинска было принято решение об изменении культурного облика исторического центра. Так, в постановление Администрации г. Рыбинска о порядке размещения наружной информации были внесены изменения: историческую часть города выделили согласно обозначенным границам и установили в ней новые правила оформления⁶.

Формирование благоприятного представления о городе в формате онлайн становится необходимым направлением эффективной имиджевой коммуникации муниципальной власти с общественностью. В цифровую эпоху образ города формируется с помощью контента социальных сетей и форумов. В связи с этим необходимость «присутствия в Интернете» любого города, претендующего на интерес со стороны его потенциальных гостей, не вызывает сомнений [Гужова 2014].

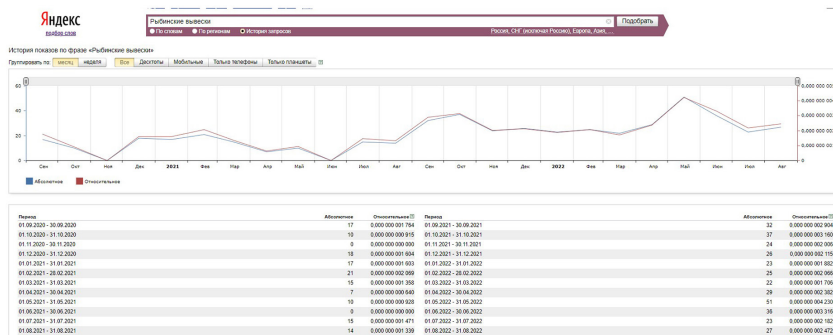
В этом отношении весьма показательными являются индикаторы общественного восприятия данного проекта через СМИ, метрики Google

⁶ Порядок размещения наружной информации на территории города Рыбинска. URL: <http://www.rybadm.ru/upload/pdf/Poryadok-informacii-Rybinsk.pdf> (дата обращения: 04.09.2022).

и Yandex. Обратимся к метрическим данным Google Trends на слова «Рыбинск. Вывески», «Вывески в Рыбинске» (ил. 3). Очевидно, что существует определённая и выраженная частота поисковых запросов в период 2018–2022 гг. В декабре 2019 г. зафиксировано максимальное количество таких запросов. Частота запросов на слова «Рыбинские вывески» в метрике «Яндекс» (ил. 4) демонстрирует относительную и абсолютную динамику за период с 01.09.2020 по 01.09.2022. Исходя из этих данных – максимум поисковых запросов выявлен в мае 2022 г.

Ил. 3. Поисковые запросы в системе Google

Ил. 4. Поисковые запросы в системе Яндекс

Данный проект получил положительную оценку в СМИ. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести примеры ярких названий статей, выбранные релевантно: «Потрясающий российский город, где все вывески в дореволюционном стиле!», «Как сделать город красивым. Старинные вывески в центре Рыбинска», «Вывески в дореволюционном стиле – настоящая фишка Рыбинска», «Ретро-город: как вывески изменили общее восприятие Рыбинска», «Рыбинск: музей под открытым небом», «Рыбинск – город, где погоду сделали вывески», «Рыбинск: город, в котором для туристов сделано больше, чем где-либо ещё в России».

Идея старинной вывески точно поддерживается и в других малых и больших исторических городах, таких как Тула, Ирбит (Свердловская область), Тутаев (Романово-Борисоглебск) и село Вятское (Ярославская область), однако массового применения нет ни в одном из перечисленных городов. Рыбинские власти объединили целую сеть кварталов одной концепцией, одной идеей – музеем под открытым небом. Безусловно, стратегия и стремление администрации города к реализации данной разновидности музеев выделяется среди иных схожих решений. Е. В. Чекмарева и Т. В. Чекмарева раскрывают понятие музея под открытым небом. Они пишут, что это музей, в котором на своих местах бытования сохраняются исторические и архитектурные памятники, реконструирующие прошлое и имеющие принципиальное значение для России. Культурные памятники – это не только самостоятельные и отдельные экспонаты, но и целый нарратив. Благодаря этому нарративу у экскурсантов создаётся полное впечатление и погружение в реконструируемую среду, которая существует благодаря своей абсолютной естественности [Чекмарева, Чекмарева 2019, 3–4].

За последнее время в музейной сфере Рыбинска также произошли значительные изменения. Уже после реализации проекта открылись новые частные музеи и музейные экспозиции:

- Рыбинский Морской музей (открыт в 2018 г.);
- Музей фортепиано Алексея Ставицкого (открыт в 2019 г.);
- Музей приборостроительного завода (открыт в 2019 г.);
- Музей Юрия Андропова (открыт в 2020 г.);
- Музей «Затопленные Святыни Мологского Края» (открыт в 2021 г.).

Далее в диаграмме приведены показатели туристического потока (ил. 5) из программ комплексного социально-экономического развития городского округа город Рыбинск на 2008–2022 годы⁷.

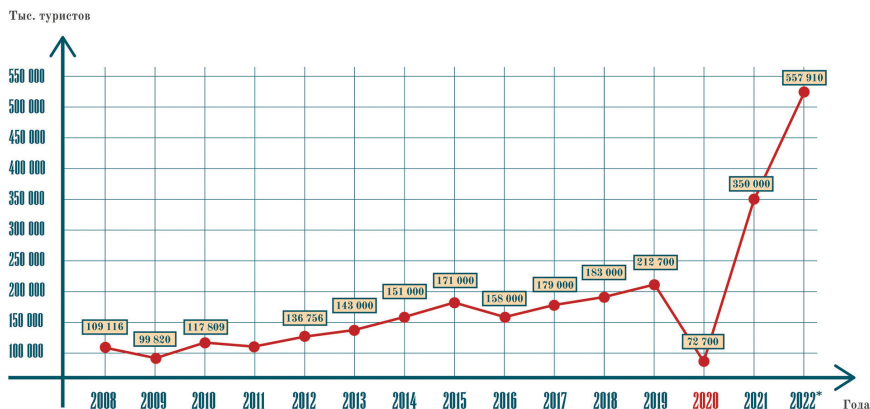
В сравнении с 2008 годом, учитывая неполные данные за 2022 год, туристический поток увеличился приблизительно в 5 раз. Данные за 2020 год проседают на фоне мер и ограничений, принятых в связи с пандемией Covid19.

Оценку успешности проекта давать пока рано, но положительная динамика налицо. По сообщениям официального портала Ярославской области, новый маршрут, появившийся на туристической карте региона после реализации проекта по ревитализации территории исторического центра Рыбинска, привёл к значительному увеличению туристического потока в город⁸. Проект исторической вывески способствовал изменению облика исторического центра города Рыбинск и сформировал новое городское общественное пространство, в котором используется уникальный культурный код. Но, что более важно, проект не дал городу утратить его историческую самобытность и на локальном уровне способствовал сохранению куль-

⁷ Программы комплексного социально-экономического развития городского округа г. Рыбинск за 2008–2021 года. URL: <http://www.rybadm.ru/upload/departament/investicii/> (дата обращения: 11.09.2022).

⁸ Ярославская область: официальный портал. URL: <https://www.yarregion.ru/Pages/presscenter/news.aspx?newsID=15527> (дата обращения: 09.09.2022).

турного наследия региона и страны. Кроме того, в планах администрации города – развитие территории и привлечение ещё большего туристического потока. Речь идёт о включении Рыбинска в состав исторического маршрута «Золотое кольцо»⁹.

Ил. 5. Основные показатели турпотока в г. Рыбинск за 2008–2022 гг.

Ил. 6. Музей живой старинной вывески XIX в. в среде исторического центра г. Рыбинска

Опыт проекта (ил. 6) может быть интересен и другим историческим городам России, которые находятся в состоянии смены парадигмы развития, в поиске своего места в новой экономической реальности.

⁹ Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева 2020 – Андреева А. Ю. История формирования перечня исторических поселений (с 1970 г. по настоящее время) // Проблемы исследования социокультурной среды древних городов. Рязань, 2020. С. 7–15.
- Гудков, Жукова 2017 – Гудков С. А., Жукова И. Е. Культурные коды как инструмент бесконфликтной реновации городской среды // Innovative Project. 2017. Т. 2. № 1. С. 106–111.
- Гужова 2014 – Гужова И. В. Визуализация культурного кода города в имиджевой коммуникации с помощью ново-медийных технологий (семиотический подход) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2–2 (40). С. 45–49.
- Емельянова 2004 – Емельянова М. С. Архитектура города Рыбинска конца XVIII – начала XX веков. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата культурологии. Ярославль, 2004.
- Завьялова 2014 – Завьялова А. Н. Социокультурный код как системообразующий фактор структурирования и функционирования города // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 9 (28). С. 139–140.
- Мкртчян 2017 – Мкртчян Н. В. Миграция молодёжи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.
- Сазиков 2019 – Сазиков А. В. Рыбинский эксперимент: вывески в реконструкции исторической среды старого города // Дизайн-ревью. 2019. № 1–4. С. 130–136.
- Чекмарева, Чекмарева 2019 – Чекмарева Е. В., Чекмарева Т. В. Музеи под открытым небом. Проект музеефикации фрагментов острога Омской крепости // Строительство: наука и образование. 2019. Т. 9. № 4. Ст. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nso-journal.ru/public/journals/1/issues/2019/04/2305-5502.2019.4.5.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

REFERENCES

- Andreeva 2020 – Andreeva A. Yu. History of the List of Historical Settlements (since 1970 to the Present Time). *Problems of Researching the Socio-Cultural Environment of Ancient Cities*. Ryazan, 2020. Pp. 7–15. In Russian.
- Chekmareva, Chekmareva 2019 – Chekmareva E. V., Chekmareva T. V. Open-Air Museums. Project of Museumification of Stockade Fragments in the Omsk Fortress. *Construction: Science and Education*. 2019. Vol. 9. 4. URL: <http://www.nso-journal.ru/public/journals/1/issues/2019/04/2305-5502.2019.4.5.pdf> (date of access: 15.09.2022). In Russian.
- Gudkov, Zhukova 2017 – Gudkov S. A., Zhukova I. E. Cultural Codes as an Instrument of Conflict-Free Renovation of the Urban Environment. *Innovative Project*. 2017. Vol. 2. 1. Pp. 106–111. In Russian.
- Guzhova 2014 – Guzhova I. V. Town Cultural Code Visualization in Image Communication with New Media Technologies Help (Semiotic Approach). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014. 2–2 (40). Pp. 45–49. In Russian.
- Emelyanova 2004 – Emelyanova M. S. Architecture of Rybinsk in the Late 18th – early 20th Centuries. Abstract of PhD in Cultural Studies Thesis. Yaroslavl, 2004. In Russian.

- Mkrtchan 2017 – Mkrtchan N. V. The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. 1. Pp. 225–242. In Russian.
- Sazikov 2019 – Sazikov A. V. Rybinsk Experiment: Signboards in the Reconstruction of the Historical Environment of the Old City. *Design-review*. 2019. 1–4. Pp. 130–136. In Russian.
- Zavyalova 2014 – Zavyalova A. N. The Sociocultural Code as System-Forming the Factor of Structuring and Functioning of City. *International Research Journal*. 2014. 9 (28). Pp. 139–140. In Russian.

Информация об авторах / Information about the authors

Артём Сергеевич Белорусов

магистрант Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования.
Московский педагогический государственный университет, Россия.
E-mail: art.belorusow@yandex.ru

Artem S. Belorusov

Master student at the Institute of Journalism, Communications
and Media Education.
Moscow Pedagogical State University, Russia.
E-mail: art.belorusow@yandex.ru

Елена Александровна Орлова

кандидат психологических наук,
доцент кафедры коммуникационного менеджмента и рекламы, связей
с общественностью.
Московский педагогический государственный университет;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия.
E-mail: pr-orlova@list.ru

Elena A. Orlova

Cand. Sci. (Psychology),
Associate Professor at the Department of Management of Media Communications,
Advertisement and Public Relations.
Moscow Pedagogical State University;
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia.
E-mail: pr-orlova@list.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-39-42>

ВЛИЯНИЕ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ НА БУДУЩЕЕ ГОРОДА

М. Ю. Бизина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
rita_biz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс потери городским пространством функции места для диалога, перенос коммуникаций в виртуальную реальность и влияние сетевых сообществ на будущее развитие города. Затрагиваются вопросы изменения стиля общения, влияния пропаганды и экстремистских идей в сетевых сообществах на формирование политического мышления молодёжи. Указывается необходимость эффективного использования градостроителями киберпространства для позитивного развития города, основанного на сотрудничестве с сетевыми сообществами, имеющими схожие ценности.

Ключевые слова: сетевые сообщества, право на город, молодёжь, развитие города, коммуникации.

SOCIAL NETWORKS' INFLUENCE ON THE FUTURE OF THE CITY

Margarita Yu. Bizina

National Research Tomsk State University, Russia
rita_biz@mail.ru

Abstract. The article discusses how the city space loses its function as area for dialogue, move of communication into virtual reality and the impact of social networks on the future of the city's development. The author considers the issues of changing nature of communication, impact of propaganda and extremist's views within social networks on forming youth's political views. The necessity of effective use of cyberspace by urban planners for the positive development of the city by joining effort with network communities having similar values is indicated.

Keywords: social networks, right to the city, youth, city development, communication.

В настоящее время мы наблюдаем потерю городским пространством функции места для преодоления конфликта и перенос диалога в виртуальную реальность. О своеобразной потере «права на город» писал ещё в 1970-м году Анри Лефевр, поясняя, что урбанизация изменила пространство города, превратив его в городское сообщество [Merrifield 2006, 82], а нерегулируемый капитализм своим спекулятивным финансовым потоком

заставил граждан двигаться за «горячими деньгами» из сёл в города. Город для Лефевра был похож на ракушку, где животное – это человек, а раковина – это город, и при этом каждый не может существовать друг без друга. Органичное единство человека и города было важным фактором его существования, однако в то же время марш прогресса убивал их единство и превращал город в бездушное функциональное пространство. Подобная динамика во всё большей мере проявляется и в настоящее время, когда «горячие деньги» перемещаются из одной страны в другую благодаря развитию современных технологий и сети Интернет, а молодые люди в поисках заработка не всегда имеют возможность следовать по их пути.

Результатом разветвления потоков капитала становится фрустрация молодёжи, не имеющей шансов развивать карьеру в своём городском сообществе. Налицо очередной виток развития радикальных движений, напоминающий о событиях 1968 года во Франции и акцентирующий внимание на экономическом дисбалансе. Так, например, движение «Захвати Уолл-стрит!» или «Мы – 99 процентов» в 2011 году в Северной Америке [Levitin 2015], продлившееся почти без насильственных действий и погромов чуть меньше года, имело глобальный резонанс благодаря участию молодёжи в сетевых сообществах и распространению ими своих идей и лозунгов с помощью социальных сетей.

В киберпространстве транслируется значительное воздействие на неокрепшие умы молодёжи, появляется возможность влиять на политические процессы, что подтверждает ситуация, связанная с беспорядками 6 января 2021 года у Капитолия в США. За несколько недель до бунта в социальных сетях появилось более миллиона упоминаний о штурме столицы, включая призывы к насилию в отношении Конгресса, вице-президента и полиции. Это происходило на «альтернативных» платформах, а также на основных платформах социальных сетей, таких как TikTok. Участники социальных сетей планировали применить насилие; некоторые обсуждали, как избежать полиции на улицах, какие инструменты взять с собой, чтобы взломать двери, и как пронести оружие в город. Ультраправые группы выступили против поддержки правоохранительных органов и опубликовали свои планы по захвату Капитолия с обещаниями «эскалации», если против них будет выступать полиция. Джоан Донован, директор исследовательского центра Гарвардского университета, в интервью Си-Эн-Эн сказала, что ключевые фигуры митинга Unite the Right и онлайн-кампании преследования Gamergate работали над тем, чтобы разжечь ярость в сети накануне нападения [McLaughlin 2021]. Facebook и Twitter также упоминались как сыгравшие роль в разжигании атаки на Капитолий. В результате после случившегося эксперты задумались о том, как обезопасить общественные места, но при этом сохранить к ним открытый доступ в архитектуре города.

В этой связи важно упомянуть, что сетевые сообщества, помимо всего прочего, меняют сам стиль общения горожан. Люди перестают разговаривать культурно, исчезает этика разговора. Возможность прекращения общения посредством блокировки контактов без каких-либо объяснений даёт большую развязность в поведении, обезценивает общение. Игнорирование собеседника также разрушает коммуникационные навыки людей, выяв-

ляет в них наиболее негативные черты, которые могли бы быть скрыты при общении лицом к лицу. Появляется чувство безнаказанности, пропадает чувство ответственности, что особенно негативно для молодёжи, формирующей навыки эффективной коммуникации. В такой среде становится трудно плодотворно обсуждать проекты, если присутствуют разрушающие диалог элементы. Кроме того, опыт общения обедняет и отсутствие невербальной коммуникации, что может приводить собеседников к неправильным выводам, поскольку они, не видя друг друга, иначе воспринимают выражения, чем в естественной обстановке.

Архитектура сетевого сообщества, в свою очередь, представляет собой некую горизонталь ответственности при отсутствии лидера, который в реальном времени мог бы направлять беседу в плодотворное русло. Также немаловажно то, что в киберпространстве территория города уже не привязана к его географии, а политическая борьба, разворачивающаяся в режиме онлайн, происходит с привлечением пропаганды из других регионов. Сетевые сообщества формируются по интересам, а не только по городским районам. Цифровизация таким образом влияет на выборы, общественное мнение, фейковые новости, общественную безопасность и изменения в социальных нормах и этике.

Задача градостроителей в настоящее время состоит в умении использовать киберпространство в своих целях, парировать негативные выпады пропагандистов, вовлекать сетевые сообщества в продуктивное развитие города. Позитивные примеры такого взаимодействия были описаны в исследовании сетевого сообщества «Помоги городу», проведённом И. В. Мирошниченко и Е. В. Морозовой в Краснодаре. Данное сообщество «участвует не только в формировании городской повестки, но и в реализации проектов развития города в рамках данной повестки на основе активного взаимодействия между бизнесом, властью и локальным сообществом в Краснодаре» [Мирошниченко, Морозова 2021, 146].

Успешное развитие города в будущем зависит от степени вовлечённости в сетевые сообщества молодёжи, имеющей те же ценности, что и сообщество, поддерживающее город. Важно единство видения городского пространства, чувство ответственности за территорию проживания, а также истинная горизонтальность взаимодействий между властью и горожанами. При позитивном равноправном развитии социальные сообщества будут улучшать город, тогда как при излишнем негативном потоке цифровой информации они могут стать его палачом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Мирошниченко, Морозова 2021 – *Мирошниченко И. В., Морозова Е. В.* Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу») // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 2. С. 135–149.
- Levitin 2015 – *Levitin M.* The Triumph of Occupy Wall Street // The Atlantic. 2015. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/06/the-triumph-of-occupy-wall-street/395408/> (date of access: 30.06.2022).

- McLaughlin 2021 – *McLaughlin E. C.* Violence at Capitol and Beyond Reignites a debate Over America’s Long-Held Defense of Extremist Speech // *CNN*. 2021, January 19. URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/19/us/capitol-riots-speech-hate-extremist-first-amendment/index.html> (date of access: 20.09.2022).
- Merrifield 2006 – *Merrifield A.* Henri Lefebvre: A Critical Introduction. New York, 2006.

REFERENCES

- Levitin 2015 – Levitin M. The Triumph of Occupy Wall Street. *The Atlantic*. 2015. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/06/the-triumph-of-occupy-wall-street/395408/> (date of access: 30.06.2022).
- McLaughlin 2021 – *McLaughlin E. C.* Violence at Capitol and Beyond Reignites a debate Over America’s Long-Held Defense of Extremist Speech. *CNN*. 2021, January 19. URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/19/us/capitol-riots-speech-hate-extremist-first-amendment/index.html> (date of access: 20.09.2022).
- Merrifield 2006 – *Merrifield A.* Henri Lefebvre: A Critical Introduction. New York, 2006.
- Miroshnichenko, Morozova 2021 – Miroshnichenko I. V., Morozova E. V. Network Communities as Agencies for the Formation of City’s Agenda (the case of “Help the City” movement). *Political Expertise: POLITEX*. 2021. Vol. 17. 2. Pp. 135–149. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Маргарита Юрьевна Бизина

аспирант кафедры политологии.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия.

E-mail: rita_biz@mail.ru

Margarita Yu. Bizina

Postgraduate student at the Political Science Department.

National Research Tomsk State University, Russia.

E-mail: rita_biz@mail.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-43-49>

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДКА В УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

П. Г. Вардеванян

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
vard_p@mail.ru

Аннотация. В статье описаны способы использования визуальной информации при стратегическом планировании пространственного развития малого исторического города Беларуси – Городка. Обращение к фотографиям местных достопримечательностей, которые сделаны независимыми наблюдателями, принципиально меняет ракурс, под которым градостроители обычно рассматривают природное и культурное наследие. Расширение профессиональной оптики позволяет более обобщенно прорисовать урбанистическую перспективу.

Ключевые слова: природное и культурное наследие, пространственное развитие, визуализация, урбанистика.

VISUALIZATION OF THE CULTURAL AND NATURAL HERITAGE OF GORODOK IN THE URBAN PERSPECTIVE

Polina G. Vardevanyan

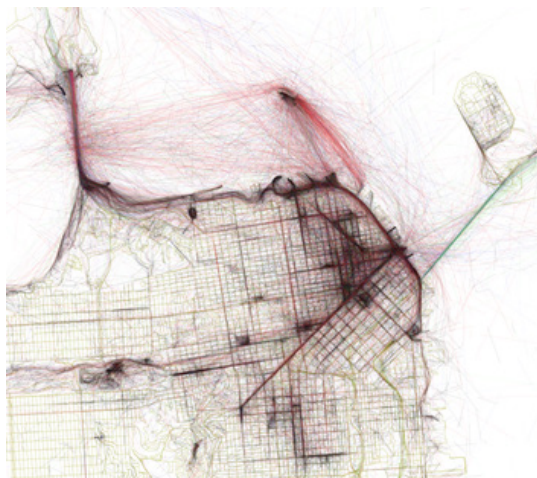
Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
vard_p@mail.ru

Abstract. The article reveals the methods of using visual information during strategy planning for spatial development on the example of a small historical city of Belarus – Gorodok. Referring to photographs of local attractions made by independent observers fundamentally changes the angle from which urban planners usually view natural and cultural heritage. Widening the field of study makes it possible to depict an urban perspective more profoundly.

Keywords: natural and cultural heritage, spatial development, visualization, urban studies.

В 2020 году для Городка был разработан План зелёного градостроительства (далее ПЗГ) – пилотный проект, реализуемый при поддержке ПРООН и ГЭФ, а также Министерства природных ресурсов и окружающей среды Республики Беларусь. По форме ПЗГ представляет собой местную стратегию устойчивого развития, в которой особо выделены вопросы преоб-

разования городского пространства [Городок 2040]. Проходя логические этапы стратегического планирования, команда разработчиков столкнулась с недостатками подходов к природному и культурному наследию, практикуемых в нашей стране. Во-первых, и это главное, в действующем порядке разработки градостроительных проектов отсутствуют механизмы, позволяющие специалистам познакомиться с мнением жителей об архитектурно-исторической среде их города. Во-вторых, даже при анкетировании трудно добиться желаемой объективности и детальности мнений. Люди, не имеющие специальной подготовки, затрудняются в прямой оценке образности городских пейзажей. А уж тем более с ними трудно обсуждать специфические темы, касающиеся условий восприятия культурных ландшафтов. Однако опосредовано, через фотографии, можно получить не только ценную информацию о состоянии природного и культурного наследия, но и прояснить отношение к нему со стороны разных групп населения. За выбором объекта для фотографии и точек обзора, а также за решением о публикации запечатлённых пейзажей в Интернете всегда стоит оценочное суждение. Рассматривая чужие фотографии, профессиональный исследователь, не вмешиваясь в процесс восприятия городского пространства, становится на место «виртуального» попутчика независимых наблюдателей. В некоторых случаях наблюдение дополнено эмоционально окрашенным авторским текстом, что делает материалы ещё более ценными. Поэтому изучение фотоматериалов и постов, размещённых в свободном доступе в Интернете, сыграло важную роль в разработке ПЗГ.

Ил 1. Расположение всех фотографий Сан-Франциско Flickr за последние 10 лет.
Источник: [Buczowski 2015]

Безусловно, количество фотографий Городка не так велико, чтобы на основе этих визуальных данных можно было составить карту излюбленных маршрутов, как в работе Эрика Фишера (ил. 1) [Buczowski 2015]. Но даже при меньшем наборе снимков можно судить о некоторых антропологических особенностях восприятия архитектурно-исторической среды

города. Так, например, когда проводился анализ фотографий по Поставам – другому малому историческому городу Витебской области, то удалось выявить следы историко-культурного каркаса, проступающие через градостроительную ткань [Вардевянян 2017]. Изучение же визуализации объектов природного и культурного наследия Городка привело исследователей к другим, не менее интересным выводам.

Ил. 2. Республиканский гидрологический заказник «Корытгенский мох», Городокский район

Ил. 3. Вид на озеро Ореховое и легендарный Бас-остров в Городке

Первый вывод касается преобладания естественных ландшафтов в общем массиве достопримечательностей, зафиксированных на фотографиях. Это значит, что независимые наблюдатели высоко ценят уникальную природу Поозерья. Малоизмененная – «дикая» – природная красота региона продвигается в Беларуси в качестве туристического продукта под слоганом «манящая глушь» (ил. 2, ил. 3).

Отсутствие людей на большинстве фотографий может свидетельствовать об определённой сдержанности характера людей, которые живут в суровых условиях. Но лишь отчасти. В целом же за этой особенностью визуализации просматриваются более сложные проблемы малонаселённых регионов.

Оформление передовиц местной газеты отражает официальную позицию районной администрации. Подборка фотографий, которые были размещены на первой странице «Гарадоцкага весніка» за последние три года, показывает чередование пейзажей и портретов. При этом портреты, как правило, сделаны крупным планом вне городской среды. Группы людей, присутствующие на редких снимках, являются фотоотчётом о проведении культурно-массовых мероприятий. Подобные фотографии выполнены в ограниченном числе локаций на фоне памятников истории и культуры. Снимки о религиозных паломничествах подтверждают общее правило. Из анализа подборки официальных фотографий вытекает второй вывод. Он заключается в обнаружении настойчивого стремления районной администрации дополнить визуальный образ города. В отдельных случаях такое дополнение является продуманным и художественно выразительным (ил. 4). Но чаще дизайнерские решения оформления фотозон выполнены на примитивном уровне. Они не вписываются в природное окружение (ил. 5). В целом отсутствие снимков, фиксирующих повседневное взаимодействие жителей с архитектурно-исторической средой города, а также тяготение к самым простым формам театральной постановки фотографий (символам, декорациям и костюмам) указывает на заниженную оценку привлекательности природного и культурного наследия в глазах «человека из газеты» с фотоаппаратом.

Ил. 4. Профсоюзные туристы ВГМУ посетили памятник Тарасу на Парнасе – главному герою поэмы Константина Вереницына

Ил. 5. Тематическая интерактивная зона, организованная на Бас-острове во время проведения фестиваля «Городокский Парнас»

Фотографии помогли сделать ещё один существенный вывод. Пренебрежение к культурному контексту ведёт к заброшенности мест, отмеченных в памяти горожан. Новые же общественные пространства, «сдвинутые» со своих мест, приобретают привлекательность с трудом. Поэтому они вынуждены имитировать «genius loci».

Это видно при сравнении фотографий заросшего берега Святого озера, овеянного легендами, и деревянной скульптуры русалки на Бас-острове.

Сам Бас-остров и урочище «Воробьевы горы» в целом представляют собой хрестоматийный образец геологического комплекса, сформированного в период последнего оледенения: озовая гряда, возвышающаяся над цепочкой озер и одетая в сосновый бор [Вардеванян 2021]. Эти места, расположенные в непосредственной близости к Городку, до последнего времени оставались труднодоступными, что придавало их образу таинственность; иногда романтическую, иногда – мрачную. Сегодня здесь создана лыже-роллерная трасса и периодически разворачиваются фестивальные площадки. Новый вид градостроительного использования территории угрожает разрушением «заповедной» атмосферы, если не будет найден инновационный способ для решения данной проблемы.

Ещё одним примером опасного пренебрежения культурным контекстом является участок улицы, мощёный булыжником. Следует особо отметить, что так называемая «брукованка» постоянно всплывала при обсуждении перспективных путей передвижения по Городку. Оказалось, что ещё живы люди, которые помнят мастера, мостившего улицу. Покрытие камнем асфальтом оборвало ещё одну нить «живой» памяти, связывающую Городок с его историей в качестве еврейского местечка.

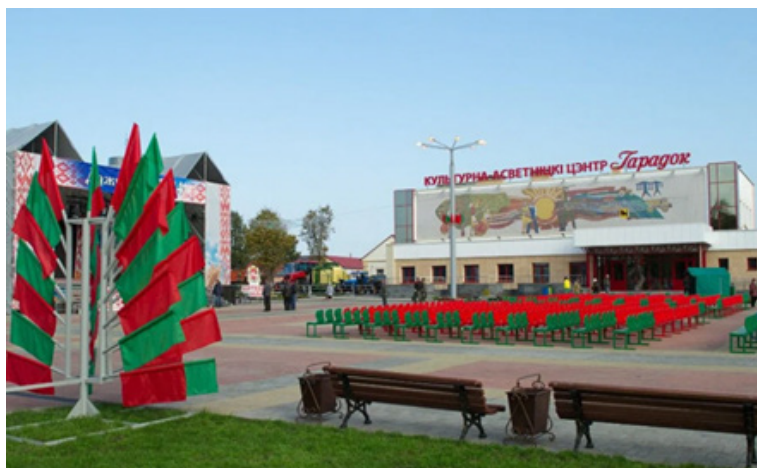

Ил. 6. Исторический центр Городка, сохранивший регулярную планировку XVIII века

Интересно, что подобные факты обнаруживаются и в более глубокой ретроспективе. Главная площадь Городка была создана в XVIII веке на месте соединения трёх планировочных лучей, пролегающих по возвышенностям мимо топких болот в направлении крупных древних городов – Пскова, Полоцка и Витебска. Значимые памятники архитектуры в Городке потому и не сохранились, что его стратегическое положение во все времена приводило к разрушению зданий и сооружений. Несмотря на то, что регулярная сетка улиц практически не изменилась и официально признана

историко-культурной ценностью, современным генеральным планам так и не удалось наполнить жизнью исторический центр (ил. 6).

Градостроительная политика невмешательства в существующую застройку усугубляет проблему, а активное расселение жителей по окраинам Городка продолжает снижать демографический потенциал центра (ил. 7).

Ил. 7. Пустынная главная площадь, подготовленная к массовым мероприятиям

Таким образом, в ходе изучения фотографий Городка была обнаружена недооценка ресурсного потенциала природного и культурного наследия. Старые и новые снимки залитых паводком кварталов, размещённых вдоль обычно тихой реки Усыса, напоминают о том, насколько опасно игнорировать влияние ландшафтного фактора на планировку города. А визуализация чрезвычайных ситуаций, в которых оказывались объекты природного и культурного наследия Городокского района, помогла обратить внимание на недостатки «силосного» мышления. Перечисленные и иные выявленные при помощи фотографий проблемы подтвердились при проведении комплексной стратегической оценки устойчивого развития Городка.

Визуальные материалы стали важным звеном в коммуникации местных и внешних экспертов, разрабатывающих ПЗГ. Благодаря фотографиям стало понятно, что при конструировании урбанистической перспективы Городка следует «учиться у природы, подражать экологическим системам, включать органические формы и образы в свои здания и городские пейзажи, а также разрабатывать и планировать своё градостроительное развитие в сочетании с природой» [Городок 2040].

БИБЛИОГРАФИЯ

Городок 2040 – Городок 2040: возможности белорусского «Севера» // Гарадоцкі Веснік. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garadvest.by/2020/07/gorodok-2040-vozmozhnosti-belorusskogo-severa/> (дата обращения: 14.07.2022).

- Buczowski 2015 – *Buczowski A.* The Map Shows Locations of All Flickr Photos from Last 10 Years // Geoawesome. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://geoawesomeness.com/the-map-shows-location-of-all-flickr-photos-from-last-10-years/> (дата обращения: 03.07.2022).
- Вардевянян 2017 – *Вардевянян П. Г.* Использование поисковых систем интернета в задачах по выявлению образа малого города // *Архитектура.* 2017. № 10. С. 73–78.
- Вардевянян 2021 – *Вардевянян П. Г.* Стратегия пространственного развития города Городок // *Архитектура и строительство.* 2021. № 2. С. 20–25.

REFERENCES

- Gorodok 2040 – Gorodok 2040: Opportunities of the Belarusian «North». *Gorodok Gazette.* URL: <http://www.garadvest.by/2020/07/gorodok-2040-vozmozhnosti-belorusskogo-severa/> (date of access: 14.07.2022).
- Buczowski 2015 – Buczowski A. The Map Shows Locations of All Flickr Photos from Last 10 Years. *Geoawesome.* URL: <https://geoawesomeness.com/the-map-shows-location-of-all-flickr-photos-from-last-10-years/> (date of access: 03.07.2022).
- Vardevanyan 2017 – Vardevanyan P. G. The Use of the Internet Search Engines in Identification of the Image of Small Towns. *Architecture.* 2017. 10. Pp. 73–78. In Russian.
- Vardevanyan 2021 – Vardevanyan P. Spatial Development Strategy of Gorodok. *Architecture and Construction.* 2021. 2. Pp. 20–25. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Полина Генриховна Вардевянян

старший преподаватель архитектурного факультета.

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь.

E-mail: vard_p@mail.ru

Polina G. Vardevanyan

Senior lecturer at the Architecture Faculty.

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus.

E-mail: vard_p@mail.ru

МЕТОДИКА СОЦИАЛЬНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО МОНИТОРИНГА

В. В. Вашкевич

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
vlent71@mail.ru

Аннотация. В статье излагается методика социально-градостроительного мониторинга, предназначенная для оценки эффективности землепользования в населённых пунктах в Республике Беларусь. Впервые разработано универсальное кадастровое деление территорий городов, посёлков городского типа и сельских поселений, которое позволяет проводить мониторинг условий проживания вне зависимости от величины населённого пункта. Предложенное автором кадастровое структурирование является основой для оценки качества городской среды и территорий сельских поселений с помощью системы индикаторов. В социально-градостроительном мониторинге предлагается отслеживать следующие аспекты развития населённых пунктов: социальная инфраструктура, места приложения труда, ландшафтно-рекреационные территории, инженерно-транспортная инфраструктура, жилая застройка.

Ключевые слова: социально-градостроительный мониторинг, эффективность землепользования, градостроительный кадастр, геоинформационные системы.

METHODOLOGY OF SOCIAL AND URBAN PLANNING MONITORING

Valentin V. Vashkevich

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
vlent71@mail.ru

Abstract. The article describes the methodology of social and urban monitoring, designed to assess the effectiveness of land use in settlements in the Republic of Belarus. For the first time, a universal cadastral division of the territories of cities, townships and rural settlements was developed, which allows monitoring of living conditions regardless of the size of the settlement. The cadastral structuring proposed by the author is the basis for assessing the quality of the urban environment and territories of rural settlements with a system of indicators. In social and urban planning monitoring it is proposed to track the following aspects of development of settlements: social infrastructure, places of employment, landscape and recreational areas, engineering and transport infrastructure, residential development.

Keywords: social and urban planning monitoring, land use efficiency, urban cadastre, geographic information systems.

В рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2020–2025 гг. на кафедре «Градостроительство» Белорусского национального технического университета выполняются исследования теоретических основ создания системы оценки эффективности землепользования в населённых пунктах, предназначенной для мониторинга процессов градостроительного развития. Авторами разработана концепция проведения государственного социально-градостроительного мониторинга, выявляющего условия проживания населения на определённой территории и способствующего повышению эффективности градорегулирования.

Основы градостроительного анализа с учётом социальных данных изложены в работе К. Хачатрянц и З. Яргина, в которой обобщена методология предпроектных исследований реконструкции и нового строительства городов [Яргина, Хачатрянц 1990]. В настоящее время градостроительная деятельность в Республике Беларусь опирается на цели ООН по устойчивому развитию общества и переходит к использованию количественных методов оценки качества пространственной организации городов, оцениваемой с помощью рейтинговых систем (индекс устойчивого развития городов; индекс городского процветания; индекс качества городской среды). В Республике Беларусь с 1998 г. проводятся ежегодные смотры благоустройства и санитарного состояния населённых пунктов, которые оцениваются по единой методике, включающей разнообразные критерии – от количества детских и спортивных площадок, удельного веса отремонтированных фасадов зданий до качества дорожного покрытия. Подобные индексы рассчитываются для города в целом и не предполагают оценку качества планировочных единиц городов [Энгельгардт и др. 2018].

С развитием геоинформационных технологий активизировались исследования по созданию тематических кадастровых карт и совершенствованию методологии оценки землепользования в городах [Лелюхина 2008; Семенюк 2022]. Отечественные и зарубежные разработки в этой сфере направлены на всестороннее выявление качества жизни в городах и не всегда учитывают специфику архитектурно-градостроительной деятельности, которая локализована конкретными границами планировочных единиц.

В Беларуси информационное обеспечение градостроительной деятельности на уровне местных исполнительных органов государственной власти отстаёт в развитии, так как методология градостроительного мониторинга – системы наблюдения за состоянием объектов градостроительной деятельности и средой обитания в целях контроля градостроительного использования территорий и прогнозирования результатов реализации градостроительных проектов – не разработана.

В исследовании впервые была поставлена задача разработки универсального кадастрового деления территорий городов, посёлков городского типа, а также сельских поселений, позволяющего проводить мониторинг условий проживания вне зависимости от величины населённого пункта. Ключевым показателем для кадастрового районирования является количество жителей, проживающих на территории. В стране установлена следующая типология городов: крупнейшие (свыше 700 тыс. жит.); крупные

(250–700 тыс. жит.); большие (75–250 тыс. жит.); средние (20–75 тыс. жит.); малые (5–20 тыс. жит.) [Постановление 2021]. Крупнейший город в стране один – это столица Минск (около 2 млн. жит.). На втором месте по количеству жителей находится Гомель (535 тыс. жит.), численность населения остальных областных центров (Брест, Витебск, Гродно, Могилев) составляет 340–360 тыс. жителей. Численность населения сельских поселений Республики Беларусь колеблется от 50 до 5000 человек. Очевидно, что сравнивать параметры крупнейшего города «миллионника» с остальными городами некорректно. Поэтому самый крупный объект для кадастрового структурирования ограничивается территорией, на которой проживает не более 250 000 человек. Указанное количество жителей в крупнейшем городе ориентировочно соответствует понятию планировочного района, в котором должен обеспечиваться баланс мест приложения труда, жилых и рекреационных территорий.

Предлагаемая методика анализа среды населённых пунктов предполагает следующее кадастровое структурирование:

– кадастровый округ (75–250 тыс. жит.): планировочный район крупного/крупнейшего города, большой город, сельские населённые пункты в границах группы районов;

– кадастровый район (20–75 тыс. жит.): жилой район крупного/крупнейшего города, средний город, сельские населённые пункты в границах группы районов, густонаселённого сельского совета;

– кадастровый квартал (0,5–20 тыс. жит.): микрорайон крупного/крупнейшего города, малый город, сельские населённые пункты в границах сельского совета, района.

Принятое структурирование позволяет проводить оценку качества городской среды и территорий сельских поселений с помощью системы индикаторов. В социально-градостроительном мониторинге предлагается отслеживать следующие пять аспектов развития населённых пунктов:

- социальная инфраструктура;
- места приложения труда;
- ландшафтно-рекреационные территории;
- инженерно-транспортная инфраструктура;
- жилая застройка.

Эти факторы развития городов и поселков оцениваются для каждого из уровней кадастрового структурирования с учётом градостроительных требований. В масштабе кадастрового округа необходимо обеспечить средовое разнообразие, заключающееся в возможности выбора объектов мест приложения труда, типов жилой застройки (индекс разнообразия). На уровне кадастрового района ведущим критерием эффективности использования территории является требование комплексности, заключающееся в наличии базового комплекса общественных услуг периодического пользования (поликлиника, предприятия торговли и культурно-бытового обслуживания) и мест приложения труда (индекс комплексности).

На уровне кадастрового квартала основным критерием качества среды проживания выступает индекс комфортности, определяемый по наличию объектов приближенного к жилью культурно-бытового обслуживания

(школ, детских садов, продовольственных магазинов, аптек), а также детских, спортивных площадок и зелёных насаждений.

Социальная эффективность градостроительной организации территории определяется по доле населения, имеющего доступ к перечисленным объектам с учётом нормативной пространственной доступности. Расчёт индексов осуществляется по методике интегральной балльной оценки территории по факторам градостроительной ценности с учётом веса каждого фактора. Эффективность градостроительного освоения территории оценивается по соответствию нормативным требованиям, выделяются следующие градации: ниже нормативов, в рамках нормативов, сверхнормативные. В сельской местности, малых и средних городах пространственная доступность рассчитывается как время поездки на общественном пассажирском транспорте в режиме межселенного движения (2 часа – кадастровый округ; 1 час – кадастровый район; 0,5 часа – кадастровый квартал). На территории больших и крупных городов пространственная доступность определяется как время поездки на общественном транспорте в режиме движения по городу (20–30 мин. – кадастровый округ) или пешеходное движение (10–20 мин. – кадастровый район; 5–10 мин. – кадастровый квартал). Радиус оптимальной доступности до объектов определяется по изохронограммам транспортно-пешеходной доступности и позволяет оценить площадь необслуживаемых территорий с учётом непрямолинейности путей передвижения. Доля населения, проживающего на необслуживаемых территориях, определяется из усреднённых данных по плотности населения, проживающего в различных типах жилых образований.

Площади кадастровых единиц при городской форме расселения значительно уступают сельским территориям, поэтому сравнительная оценка может проводиться только между кадастровыми единицами одного типа (сельского или городского).

Внедрение разработанной методики социально-градостроительного мониторинга в населённых пунктах Беларуси позволит решить следующие научные и практические вопросы:

- объединение социальной и градостроительной информации;
- локализация социальной информации применительно к территориальным образованиям;
- проведение сравнительного анализа условий проживания населения и эффективности использования территорий населённых пунктов.

Внедрение единой методики социально-градостроительного мониторинга в территориальные подразделения архитектуры и градостроительства может способствовать обоснованности проектных и административных решений по их трансформации и существенно улучшить условия проживания населения.

Библиография

- Лелюхина 2008 – *Лелюхина А. М.* Разработка и исследование методов создания тематических кадастровых карт: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата технических наук. Москва, 2008.

- Семенюк 2022 – Семенюк А. С. Геоинформационное картографирование интегральной геосистемы города Молодечно для оценки благоустроенности городской среды: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата географических наук. Минск, 2022.
- Постановление 2021 – Постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 27 ноября 2020 г. № 94 «Об утверждении и введении в действие строительных норм СН 3.01.03–2020» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 30.03.2021. 8/36480. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://primaline.by/assets/files/w22136480p_1617051600.pdf (дата обращения: 04.08.2022).
- Энгельгардт и др. 2018 – Энгельгардт А. Э., Липовка А. Ю., Федченко И. Г. Международный опыт индексирования качества городской среды // Урбанистика. 2018. № 4. С. 77–88.
- Яргина, Хачатрянц 1990 – Яргина З. Н., Хачатрянц К. К. Социальные основы архитектурного проектирования. Москва, 1990.

REFERENCES

- Decree 2021 – Decree of the Ministry of Architecture and Construction of the Republic of Belarus dated November 27, 2020 No. 94 “On approval and enforcement of building codes SN 3.01.03–2020”. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. 30.03.2021. 8/36480. URL: https://primaline.by/assets/files/w22136480p_1617051600.pdf (date of access: 04.08.2022). In Russian.
- Engelhardt et al. 2018 – Engelhardt A. E., Lipovka A. Yu., Fedchenko I. G. International Experience of Indexing the Quality of the Urban Environment. *Urbanistics*. 2018. 4. Pp. 77–88. In Russian.
- Lelyukhina 2008 – Lelyukhina A. M. Development and Research of Methods for Creating Thematic Cadastral Maps. Abstract of PhD in Technical Sciences Thesis. Moscow, 2008. In Russian.
- Semenyuk 2022 – Semenyuk A. S. Geo-information Mapping of the Integrated Geo-System of Molodechno to Assess the Livability of the Urban Environment. Abstract of PhD in Geographical Sciences Thesis. Minsk, 2022. In Russian.
- Yargina, Khachatryants 1990 – Yargina Z. N., Khachatryants K. K. Social Foundations of Architectural Design. Moscow, 1990. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Валентин Валентинович Вашкевич

кандидат архитектуры, доцент,
зав. кафедрой «Градостроительство».

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь.

E-mail: vlent71@mail.ru

Valentin V. Vashkevich

Cand. Sci. (Architecture), Associate Professor,

Head of the Department “Urban Planning”.

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus.

E-mail: vlent71@mail.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-55-60>

**«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ...»:
ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРОДА
В ЕГО НАЗВАНИИ**

Р. М. Вульфович

СЗИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия
vulfovich-rm@ranepa.ru

Аннотация. В течение своей истории городá проходили сложный путь: развивались экономически, менялись визуально, становились более комфортными и безопасными. Сложными были протекавшие в них политические процессы. Происходившие изменения отражались, в том числе, и в изменении имени города. Трижды менялось название основанной Петром Великим столицы Российской империи: получивший имя Святого Петра при основании город был переименован в Петроград в 1914 году, затем – в Ленинград в 1924 и вернул историческое имя в 1991. Каждый раз переименование было связано с радикальными политическими изменениями в стране. Значимость названия города для его эволюции органично связано с восприятием города как текста, включающего устойчивые элементы, объединённые множеством разнообразных связей. Политическое и социальное пространство, образуемое ими, модифицируется в ходе различных, в том числе и политических процессов, и в ряде случаев отражается в изменении имени города.

Ключевые слова: политический процесс, город как текст, политическое и социальное пространство, переименование, Санкт-Петербург.

**“SO, WHAT THEN IS MY NAME TO YOU?..”:
REFLECTION OF THE POLITICAL HISTORY
OF THE CITY IN ITS NAME**

Revekka M. Vulfovich

North-West Institute of Management – branch of RANEPa, St. Petersburg, Russia
vulfovich-rm@ranepa.ru

Abstract. Throughout its history, cities have gone through a difficult path: they developed economically, changed visually, became more comfortable and safer. The political processes that took place in them were complicated. The changes that happened were reflected, among other things, in the change of the city’s name. The name of the capital of the Russian Empire founded by Peter the Great was changed three times: the city, which received the name of St. Peter at the foundation, was renamed Petrograd in 1914, then Leningrad in 1924 and returned its historical name in 1991. Each time the renaming was associated with radical political changes in the country. The significance of the city’s name for its evolution is organically linked to the perception of the city as a text that includes

stable elements united by a variety of diverse connections. The political and social space formed by them is modified during various, including political processes, and in some cases is reflected in the change of the city's name.

Keywords: political process, city as a text, political and social space, renaming, St. Petersburg.

В истории человечества роль города как особого явления и артефакта трудно переоценить. На это указывали теоретики разных периодов: знаменитая книга Льюиса Мамфорда «Город в истории» [Mumford 1989] идентифицировала этапы развития городов как основные вехи экономической, политической и социальной истории. Будучи центрами преимущественного развития, городá, как люди, проходили все основные стадии эволюции: появлялись, росли, приобретали исключительное влияние, угасали и исчезали по разным причинам, как объективного, так и субъективного свойства, стремительно расширялись, вбирая в себя окружающее пространство, конструировали его как социальную общность [Бурдьё 2005; Лефевр 2015], единую экономическую и политическую систему.

Восприятие города как текста, написанного особым языком, достаточно распространено в исследованиях учёных, представляющих различные отрасли научного знания: философию, архитектуру, синергетику, лингвистику, культурологию. Определение языка как семантической системы, сформулированное Людвигом Витгенштейном [Wittgenstein 1953], позволяет нам выделить в таком тексте название города, как и название текста, определяющее его основное содержание.

По мнению Кристофера Александера, город как текст можно формировать искусственно из стандартных шаблонов, к которым он относит и крупные метрополии, то есть наиболее значимые для конкретных регионов города-центры [Александр и др. 2014]. Однако эта точка зрения опровергается всей историей выдающихся городов – настоящих произведений искусства, имеющих собственный образный строй, не сравнимый с образом другого города.

Обобщая многочисленные подходы к анализу структуры городов и выявлению их общих и особенных черт, Ювал Португали [Portugali 2000, 12–13] подчёркивает сходство современного города эпохи постмодерна (а мы можем уже оперировать и понятием «пост-постмодерн») с текстом исключительно изменчивым, постоянно включающим в себя новые элементы и меняющим структуру и содержание под воздействием различных процессов, в том числе и политических. Подчёркнём, что в этой изменчивой среде название города, если оно сохраняется, помогает ему не потерять свою идентичность. Для российского города настоящей «надеждой и опорой» в изменчивом мире остаётся «великий и могучий русский язык», даже для города с нерусским названием. Подобный тезис, высказанный известным лингвистом и культурологом академиком Ивановым, приобретает при этом особую актуальность [Иванов 2012].

На пути истории городá ждали взлёты и падения, невиданные достижения и трагические катастрофы. В их пространстве складывался уникальный

«текст», формировался особый язык, понятный горожанам и служивший средством самоидентификации. Город менял человека, а человек, в свою очередь, формировал городскую среду, устанавливал правила её функционирования, менял их в зависимости от воздействий окружающей среды и импульсов среды внутренней.

Политическое гиперпространство города [Вульфович 2001] меняло конфигурацию и соотношение политических сил, взрывалось революциями, деформировалось и реформировалось в результате войн и захвата «пришельцами» из других стран и с других континентов. В городе могли радикально меняться власть, политические взгляды и религиозные верования, язык и виды деятельности, законы и негласные правила. Город часто терял своих жителей: они покидали его, спасаясь от голода, преследований, в поисках лучшей, более сытой жизни или возможностей для творчества и самореализации, а иногда погибали, защищая его, и умирали от голода, холода и болезней. На их место приходили другие люди и формировали новое городское сообщество вместе с оставшимися. В «сильных» городах «новые жители», как правило, быстро усваивали правила, господствовавшие в городе, его ценности и культуру. Город менял их мышление и образ жизни, и часто уже второе, а тем более третье поколение «пришельцев» мало отличалось от коренных жителей города. Однако не всегда городу это удавалось, и тогда его образ приобретал новые черты, противоречившие его социокультурной сущности. Путь «символического» города от момента возникновения через период процветания к упадку и исчезновению описал в своей притче немецкий писатель Герман Гессе [Гессе 2022].

На долгом пути развития города меняли имена, что отражало не просто определённые временные отрезки, но и сущностные изменения, происходившие в пространстве города, а в XX–XXI вв. и на прилегающей к нему территории крупного урбанизированного региона.

В знаковой системе города-текста «имя» играло особую роль, выявляя его социальную, культурную и политическую сущность. Одним из наиболее сложных примеров, в связи с многократным переименованием в течение XX века, может служить Санкт-Петербург – второй по величине и значимости город России. Каждое изменение его имени было связано с тектоническими изменениями в российской истории, происходило на историческом «разломе» и отражало новую политическую и социально-экономическую реальность.

Мы точно знаем дату рождения города и получения им имени Санкт-Петербург – город Святого Петра, небесного покровителя создателя новой столицы Российской империи. Это произошло в 1703 год в разгар Северной войны, вернувшей России земли Господина Великого Новгорода на побережье Финского залива и берегах реки Невы. «Иностранное» имя города, по замыслу Петра Великого, должно было стать символом, знаком поворота в истории его государства: от расположенного на окраине Европы Московского царства к величию Российской империи – морской державы, активно встраивавшейся в двигавшуюся к индустриальному развитию цивилизацию. Новый город строился по заранее разработанному плану и не был похож ни на один из русских городов.

Своё имя город сохранял позже в течение более чем двухсот лет. Представление о том, что его переименование в 1914 году в начале Первой мировой войны было просто отражением антигерманских настроений, представляется упрощённым и не отражающим сущность происходивших тогда процессов. Поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. и революция 1905 года оказали драматическое воздействие на российское общество. Начало политического поворота было ознаменовано Манифестом Николая II 19 октября 1905 года и избранием в 1906 году Первой государственной думы. Ещё раньше отмена крепостного права и ряд других реформ Александра II создали почву для притока в Санкт-Петербург значительного количества сельских жителей, которым предстояло сформировать пролетариат самого экономически развитого города в России как локомотив социальных и политических изменений, опору большевиков. Их лозунги не могли звучать органично в городе Святого Петра, но были тесно связаны с новым именем – «Петроград». Временное правительство не оставило в истории Петрограда особого следа, оказавшись актором промежуточного этапа между историей имперской столицы и социалистического промышленного центра второго уровня. Новое имя не было простым переводом старого: оно стало символом радикальных изменений, в том числе в роли города в масштабах страны. Петроград уже в 1918 году перестал быть столицей и превратился, как это часто формулировали впоследствии, в город «с областной судьбой». С экономической точки зрения он потерял свои сырьевые базы и тоже оказался на вторых ролях.

Ситуация в целом не изменилась и через 10 лет после присвоения городу имени Владимира Ильича Ленина. Новое имя хорошо сочеталось с образом «города трёх революций», но противоречило интеллектуальной насыщенности и политической оппозиционности городской жизни. Ленинград жил не благодаря влиянию новой власти, а вопреки ему. Ему предстояло пройти через страшные испытания ленинградской блокады, неотделимой от того имени, которое город носил в это время. Не случайно и сегодня на въезде в город через Среднюю рогатку и на здании аэропорта Пулково мы видим рядом оба имени – Санкт-Петербург и город-герой Ленинград. И на Пискаревском мемориальном кладбище на памятнике погибшим написано: «Здесь лежат ленинградцы...», что не изменяет того факта, что они как раз были истинными петербуржцами, не терявшими человеческое достоинство даже в самые страшные дни 900-дневной блокады города. В этом ничего не меняют и жуткие картины жизни блокадного города в книге Солсбери [Солсбери 1994].

Исторический цикл переименования Санкт-Петербурга завершился в 1991 году, когда городу было возвращено его историческое имя. Это событие было символом нового этапа в истории города. Начавшийся с перестройкой этап развития оказался непростым и полным противоречий, конфликтов, ошибок и попыток создать новую реальность великого города, возродить его коренные ценности и выработать новые ориентиры развития. Он будет оценён следующими поколениями. Остаётся надеяться, что в дальнейшем Санкт-Петербург будет достоин своего имени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александр и др. 2014 – *Александр К., Ишикава С., Силверстайн М.* Язык шаблонов: города, здания, строительство / Пер. с англ. И. Сыровой. Москва, 2014.
- Бурдьё 2005 – *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с фр. Санкт-Петербург, Москва, 2005.
- Вульфович 2001 – *Вульфович Р. М.* Управление в метрополитенских регионах в XXI столетии: политический аспект. Санкт-Петербург, 2001.
- Гессе 2022 – *Гессе Г.* Город / Пер. с нем. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libking.ru/books/sf/sf/18906-german-gesse-gorod.html> (дата обращения: 24.08.2022).
- Иванов 2012 – *Иванов Вяч. Вс.* Языки большого города в истории человечества // *Метаслов.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://metaslov.blogspot.com/2012/04/blog-post_24.html (дата обращения: 28.08.2022).
- Лефевр 2015 – *Лефевр А.* Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. Москва, 2015.
- Солсбери 1994 – *Солсбери Г.* 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. с англ. И. Вольской. Москва, 1994.
- Mumford 1989 – *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London, 1989.
- Portugali 2000 – *Portugali J.* Self-Organization and the City. Berlin, New York, 2000.
- Wittgenstein 1953 – *Wittgenstein L.* The Philosophical Investigations. Oxford, 1953.

REFERENCES

- Alexander et al. 2014 – Alexander K., Ishikawa S., Silverstein M. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. Transl. into Russian by I. Syrova. Moscow, 2014.
- Bourdieu 2005 – Bourdieu P. Sociologie de l'espace social. Transl. into Russian. St. Petersburg, Moscow, 2005.
- Hesse 2022 – Hesse H. Die Stadt. Transl. into Russian. URL: <https://libking.ru/books/sf/sf/18906-german-gesse-gorod.html> (date of access: 24.08.2022).
- Ivanov 2012 – Ivanov V. V. Languages of the Big City in the History of Mankind. *Metaslov.* http://metaslov.blogspot.com/2012/04/blog-post_24.html (date of access: 28.08.2022). In Russian.
- Lefebvre 2015 – Lefebvre H. La production de l'espace. Transl. into Russian by I. Staf. Moscow, 2015.
- Mumford 1989 – Mumford L. The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London, 1989.
- Portugali 2000 – Portugali J. Self-Organization and the City. Berlin, New York, 2000.
- Salisbury 1994 – Salisbury G. E. The 900 Days. The Siege of Leningrad. Transl. into Russian by I. Volskaya. Moscow, 1994.
- Vulfovich 2001 – Vulfovich R. M. Management in Metropolitan Regions in the 21st Century: Political Aspect. St. Petersburg, 2001. In Russian.
- Wittgenstein 1953 – Wittgenstein L. The Philosophical Investigations. Oxford, 1953.

Информация об авторе / Information about the author

Ревекка Михайловна Вульфович
доктор политических наук, профессор,

профессор кафедры государственного и муниципального управления.
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru

Revekka Mikhailovna Vulfovich

Dr. Sci. (Political Science), Professor,
Professor at the State and Municipal Administration Department.
North-West Institute of Management – branch of RANEPa,
St. Petersburg, Russia.

E-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-61-66>

СКУДЕЛЬНИЦЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ

Г. П. Геров

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород
Государственный институт искусствознания, Москва, Россия
gpgerov@yahoo.com

Аннотация. В Средневековье на Руси скудельницами называли места для массовых захоронений. Этимология этого слова связана 1) с кладбищем для нищих и паломников в находившемся недалеко от Иерусалима местечке Акелдама, 2) со средневековым представлением о человеческом теле, вместилище души, как о «скудели» – сосуде из глины. Анализируются упоминания в летописях о новгородских скудельницах XIII–XV вв., их местоположение, время возникновения и т.д. Рассматривается категория лиц, которые их обслуживали. Отмечается важная роль монастырей, возле которых находились скудельницы, и рассматривается пример возникновения монастыря возле скудельницы – Свято-Троицкий Данилов монастырь в Переславле-Залесском.

Ключевые слова: скудельница, кладбище, массовое захоронение, Акелдама, монастырь, тело, душа.

SKUDELNITSES IN MEDIEVAL NOVGOROD

Georgi P. Gerov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod
The State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
gpgerov@yahoo.com

Abstract. In the Middle Ages in Russia places for mass graves were called skudelnit-ses. The etymology of the word is linked 1) with a cemetery for beggars and pilgrims in the place of Akeldama, located not far from Jerusalem 2) with the medieval idea of the human body – receptacle of the soul, with a “skudel” – clay vessel. The author analyses mentioning of skudelnit-ses of the 13th-15th centuries (its location, time of occurrence, etc.) in the ancient chronicles. The category of persons who served them is considered. The important role of monasteries, near which there were skudelnit-ses, is noted. The Holy Trinity Danilov Monastery in Pereslavl-Zalessky is an example for the formation of a monastery near the skudelnitsa.

Keywords: skudelnitsa, cemetery, mass grave, Akeldama, body, soul.

Круг вопросов, связанных с существованием скудельниц в Великом Новгороде, возник в ходе предпринятого мною изучения росписи церкви

Симеона Богоприимца новгородского Зверина монастыря. Как известно, эта церковь была срублена в конце сентября 1466 г. как обыденная возле находившейся рядом скудельницы [ПСРЛ 2000 в, стб. 220].

В периоды повышенной смертности, независимо от того, какие для этого были причины, хоронить умерших в отдельных могилах было трудно, иногда невозможно. Тела погребали в общих могилах, которые называли скудельницами [Энциклопедия 2006; Снегирев 1826; Сорокин 2015]. На первый взгляд называть могилу для общего захоронения скудельницей кажется странным – древнерусское слово «скудель» означает горшок, глиняный сосуд [Богатова 2000, 34]. Однако если продолжить поиски этимологии, то обнаруживаются как минимум две причины такого именования. Согласно апостолу Матфею (Мф 27:6–9), на возвращённые Иудой серебряники первосвященники иерусалимского храма купили возле города *«землю горшечника для погребения странников; посему и называется земля та “землею крови” до сего дня»*. В Апостольских деяниях есть и другая версия, основанная на свидетельстве апостола Петра о том, что на этом месте повесился сам Искарriot: *«Он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего; но приобрёл землю неправедную мздою, и когда низринулся, расселось чрево его; и это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть земля крови»* (Деян 1:15–19).

Это местечко находилось недалеко от Сиона. Земля там была красноватого цвета и ассоциировалась с кровью. В древние времена горшечники использовали её в качестве сырья – отсюда Матфеевы *«земля горшечника»* и утверждение, что *«называется земля та “землею крови” до сего дня»*. В Средние Века в Акелдаме существовало кладбище для странников, которое возникло, по-видимому, в раннехристианские времена. Согласно апостолу Матфею, первосвященники купили село горшечника *«для погребения странников»*. Паломник Антонин из Плаценции около 570 г. упоминает об акелдамаском кладбище: *«По выходъ отъ Сиона, мы пришли на поле, купленное на цѣну Господа и называемое Ахелдамакъ, т.е. поле крови, на которомъ погребаются всѣ чужестранцы»* [Антонин 1895, 13, 39]; Даниил Паломник пишет в начале XII в.: *«...тут погребаются пришлые странники бесплатно»* [Лихачёв 1997, 64–65]. Существует и иная связь с гончарным делом – идеологического характера. Согласно христианскому мировоззрению, сотворённое Богом из земли человеческое тело является «скуделью», освящённой Божественной благодатью, – вместилищем бесмертной души.

Память о типологической связи русских скудельниц с кладбищем в Акелдаме сохранялась вплоть до XIX в. Недалеко от Москвы имелось кладбище, известное как «село скудельничье», о котором упоминает, ссылаясь на Н. М. Карамзина, И. М. Снегирев [Снегирев 1826, 237, 253].

Слово «скудельница» встречается впервые во времена новгородского архиепископа Антония. Оно использовано в тексте под 1214/15 г. о тогдашнем голодном море: *«поставиша скуделничю и наметоша полну»* [ПСРЛ 2000 а, 253; ПСРЛ 2000 в, стб. 48]. Предположительно, именно Антоний установил обычай называть места для массовых захоронений «скудель-

ницами» и таким образом связывать их с иерусалимским «селом скудельничим» и гончарным производством [Сорокин 2015, 252–253], что представляется вполне возможным: как известно, будучи ещё мирянином Добрыней Ядрейковичем, Антоний, движимый особым интересом к христианским святыням и достопримечательностям, совершил паломничество в Константинополь, описанное в его «Книге Паломник». И хотя неизвестно, посещал ли Добрыня Святую землю, вероятно, он знал, что в селе скудельничьем, упомянутом русским паломником в Святую Землю Даниилом, было устроено кладбище для паломников.

Слово «скудельница», которым на Руси стали обозначать места для массовых захоронений, быстро приобрело популярность. Под 6738 г. (1229/30 г.) отмечено, что за два года в Смоленске были поставлены четыре скудельницы [ПСРЛ 1856, 137; ПСРЛ 2000 в, стб. 50]. В том же году, когда в Новгороде свирепствовал голодный мор, скудельницу распорядился поставить близ церкви Св. Апостолов архиепископ Спиридон. Там, в конце Прусской улицы, существовала яма [ПСРЛ 2000 а, 277], которая, как считает А. Н. Сорокин, образовалась в результате добычи глины [Сорокин 2015, 241–242]. Если до появления захоронения здесь действительно добывали глину, то скудельница эта была устроена не только для экономии труда по созданию сооружения, но и поскольку раньше яма была связана с гончарным производством, что напоминало о акелдамаском кладбище. Из-за голодного мора 1229/30 г. количество трупов было так велико, что эта скудельница оказалась мала для всех захоронений, и вскоре пришлось делать ещё. В Летописи Авраамки под тем же 6738 г. помимо упомянутой скудельницы при церкви Св. Апостолов, где было похоронено 3030 трупов, называются ещё две, поставленные весной – в конце Чудинцевой улицы и на Красном поле «за Рождеством» [ПСРЛ 2000 в, стб. 50].

Первоначальные скудельницы «ставили», т.е. они, по-видимому, представляли собой ограждённые частоколом углубления. В XV–XVII вв. их уже выкапывали, т.е. это были специально вырытые ямы или траншеи [Сорокин 2015, 238–240]. Местоположение сооружений выбиралось так, чтобы тление множества трупов не заражало воздух. За исключением скудельницы, выкопанной в 1421 г. за алтарём Св. Софии [ПСРЛ 2000 а, 414; ПСРЛ 2000 в, стб. 177], места выбирались за пределами городской застройки и даже вне Окольного города. Выше было отмечено, что на Софийской стороне Новгорода скудельницы существовали в концах Прусской и Чудинцевой улиц; а на Торговой стороне – за «святым Рождеством», т.е. возле монастыря Рождества Христова на Красном поле. В конце Людогощей улицы «на скудельницы» в 6898 г. (1389/90 г.), когда в очередной раз свирепствовала чума, был основан монастырь Св. Николы [ПСРЛ 2000 а, 383; ПСРЛ 2000 б, 367], что и отразилось в его наименовании. Располагался этот монастырь (а значит и скудельница) приблизительно там, где сегодня находится новгородский железнодорожный вокзал [Петрова и др. 2000, 108–110; Секретарь 2011, 518–519]. В связи с голодным мором 1421 г. на Красном поле были выкопаны ещё две скудельницы [ПСРЛ 2000 а, 414; ПСРЛ 2000 в, стб. 177]. Характерно, что псковские скудельницы, устроенные в 1465 г., также были расположены вне городской

застройки. Летопись уточняет: «...во всякомъ концы по позаде скудельницы ископаша» [ПСРЛ 1848, 231]. Моровое поветрие 1465–1467 гг. привело к появлению ещё одной скудельницы за чертами новгородского Окольного города – в Зверине монастыре.

Собирать многочисленные мёртвые тела было тяжкое, но богоугодное дело. Сведений о людях, занимавшихся им, сохранилось немного. Распорядившись в конце 20-х г. XIII в. создать вторую новгородскую скудельницу, архиепископ Спиридон благословил некоего Станилу собирать тела умерших: «...пристави мужа блага и смирена, именем Станилу, брат Домажировъ, иконного писца, возити мертвица на конь, гдѣ обидуше по граду» [ПСРЛ 2000 а, 277]. Судя по имени, Станило мирянин. Почему владыка определил ему столь тяжелое послушание – остаётся загадкой; позже собиранием трупов занимались преимущественно люди церковные. Прежде всего, забота о телах мёртвых выпадала на долю монахов. По поводу мора, последовавшего за разгромом Новгорода войсками Ивана Грозного, упоминается Иоанн Жгальцо, *нищий старец, который въ техъ скудельницахъ погребает* [Карамзин 1818, гл. III; Снегирев 1826, 251]. То обстоятельство, что многие скудельницы соседствовали с монастырями – Рождества Христова на Красном поле, Св. Николы «на скудельницы», Звериным – указывает, что монахи этих монастырей заботились, дабы мёртвые тела не оставались непогребёнными. Пример, как возле скудельницы возникает монастырь, даёт житие преподобного Даниила Переяславского [Даниил 1908; Энциклопедия 2006, 56–62]. В конце XV в. он задумал воздвигнуть церковь возле скудельницы, куда под покровом ночи «относил мертвыя повержены зверем на съедание». В 1508 г. одновременно с этой деревянной церковью был основан монастырь. Идею дал некий Фёдор – пожилой купец, который в 1488 г. повелением Ивана III был переведён со прочими многими из Великого Новгорода в Переславль-Залесский. На его малой родине практика основывать обители рядом со скудельницами существовала уже давно. Под именем Феодосия он стал постриженником Свято-Троицкого Данилова монастыря.

Ныне массовые смерти от голода и эпидемий бывают редко, скудельниц уже не ставят. Во времена пандемии коронавируса, однако, нашему современнику, вероятно, любопытно узнать, каким образом поступали в средние века, когда смертность принимала гигантские размеры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонин 1895 – Путник Антонина из Плаценции конца VI века / Изд., пер. и объяснил И. Помяловский // Православный палестинский сборник. Вып. 39. Санкт-Петербург, 1895.
- Богатова 2000 – Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 25 / Под ред. Г. А. Богатовой. Москва, 2000.
- Даниил 1908 – Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца. Повесть о обретении мощей и чуда его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. – 15 июля 1908 г.) / Изд. и предисл. С. И. Смирнова. Москва, 1908.

- Карамзин 1818 – *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12 томах. Т. 9. Санкт-Петербург, 1818.
- Лихачёв 1997 – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва и др. Санкт-Петербург, 1997.
- Петрова и др. 2000 – *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). Санкт-Петербург, 2000. С. 95–157.
- ПСРЛ 1848 – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 4: IV, V. Новгородская и Псковская летописи. Санкт-Петербург, 1848.
- ПСРЛ 1856 – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. Санкт-Петербург, 1856.
- ПСРЛ 2000 а – Полное собрание русских летописей. Т. III: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Москва, 2000.
- ПСРЛ 2000 б – Полное собрание русских летописей. Т. IV, часть первая: Новгородская Четвертая летопись. Москва, 2000.
- ПСРЛ 2000 в – Полное собрание русских летописей. Т. XVI: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Москва, 2000.
- Секретарь 2011 – *Секретарь Л. А.* Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. Москва, 2011.
- Снегирев 1826 – *Снегирев И. М.* О скудельницах, или убогих домах в России // Труды и записки Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. Ч. III. Кн. 1. Москва, 1826. С. 235–263.
- Сорокин 2015 – *Сорокин А. Н.* Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2015. № 2 (3). С. 236–262.
- Энциклопедия 2006 – Православная энциклопедия. Т. XIV. Москва, 2006.

REFERENCES

- Antonin 1895 – Traveler Antonin from Placentia at the end of the 6th century. Ed., transl. and explain by I. Pomyalovsky. *Orthodox Palestinian Collection*. Iss. 38. St. Petersburg, 1895.
- Bogatova 2000 – Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th Centuries. Iss. 25. Ed. by G. A. Bogatova. Moscow, 2000. In Russian.
- CCRC 1848 – Complete Collection of Russian Chronicles, Published by the Highest Order of the Archaeographic Commission. Vol. 4: IV, V. Novgorod and Pskov Chronicles. St. Petersburg, 1848. In Russian.
- CCRC 1856 – Complete Collection of Russian Chronicles, Published by the Highest Order of the Archaeographic Commission. Vol. 7: Chronicle According to the Resurrection List. St. Petersburg, 1856. In Russian.
- CCRC 2000 а – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3: Novgorod First Chronicle of the Older and Younger Editions. Moscow, 2000. In Russian.
- CCRC 2000 б – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 4, Part One: Novgorod Fourth Chronicle. Moscow, 2000. In Russian.

- CCRC 2000 c – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 16: Chronicle Collection, Called the Annals of Abraham. Moscow, 2000. In Russian.
- Daniel 1908 – Life of St. Daniel, Miracle Worker of Pereslavl-Zalessky. The Story of the Finding of Relics and His Miracles. To the 400th Anniversary of the Trinity Danilov Monastery in Pereslavl-Zalessky (July 15, 1508 – July 15, 1908). Ed. by S. I. Smirnov. Moscow, 1908. In Russian.
- Encyclopedia 2006 – Orthodox Encyclopedia. Vol. 14. Moscow, 2006. In Russian.
- Karamzin 1818 – Karamzin N. M. History of the Russian State in 12 volumes. Vol. 9. St. Petersburg, 1818. In Russian.
- Likhachev 1997 – Library of Ancient Rus' Literature. Vol. 4: 12th Century Ed. by D. S. Likhachev. St. Petersburg, 1997. In Russian.
- Petrova et al. 2000 – Petrova L. I., Ankudinov I. Yu., Popov V. A., Silaeva T. V. Topography of the Suburban Monasteries of Veliky Novgorod. *Novgorod Historical Collection*. Iss. 8 (18). St. Petersburg, 2000. Pp. 95–157. In Russian.
- Secretar' 2011 – Secretar' L. A. Monasteries of Veliky Novgorod and his Environs. Moscow, 2011. In Russian.
- Snegirev 1826 – Snegirev I. M. About Skudelnitses or Miserable Houses in Russia. *Proceedings and Notes of the Society of Russian History and Antiquities, Established at the Imperial Moscow University*. Part 3. Book 1. Moscow, 1826. Pp. 235–263. In Russian.
- Sorokin 2015 – Sorokin A. N. Skudelnitses of Ancient Novgorod (to the Question of the Features of the Ancient Russian Funeral Rite in Emergency Situations). *History Studies. Journal of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University*. 2015. 3. Pp. 236–262. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Георги Петров Геров

доктор искусствоведения,
ведущий научный сотрудник НОЦ «Гуманитарная урбанистика».
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород;
Государственный Институт искусствоведения, Москва, Россия.
E-mail: gpgerov@yahoo.com

Georgi Petrov Gerov

Dr. Sci (Art History),
Leading Researcher at the Scientific and Educational Center
“Humanitarian Urbanism”.
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod;
The State Institute for Art Studies, Moscow, Russia.
E-mail: gpgerov@yahoo.com

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-67-74>

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-МУНИЦИПАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КАК ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА

В. П. Голованов

Институт изучения детства, семьи и воспитания
Российской академии образования, Москва, Россия
golovanov@institutdetstva.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема реализации воспитательного потенциала дополнительного образования детей в условиях территории региона и муниципалитета. Представлены основные концептуальные подходы территориально-муниципальной воспитательной модели дополнительного образования детей. Автор обращает внимание на основные векторные точки, раскрывающие социокультурный потенциал региона, муниципалитета и микрорайона. Показывается, что центральным показателем и критерием реального качества жизни на определённой территории является состояние «пространства детства» как основы и залога достойного будущего страны и жизни на данной территории. Создание персонифицированного, комфортного, безопасного и счастливого пространства детства позволяет решить проблему формирования личности человека как жителя, хранителя и созидателя социокультурных ценностей и традиций конкретной местности.

Ключевые слова: воспитание, дополнительное образование детей, социум, детство, ребенок, традиции.

TERRITORIAL-MUNICIPAL COMPONENT OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN AS AN EDUCATIONAL SPACE OF CHILDHOOD

Viktor P. Golovanov

Институт изучения детства, семьи и воспитания
Российской академии образования, Москва, Россия
golovanov@institutdetstva.ru

Abstract. This article examines the problem of realizing the educational potential of additional education for children in the region and municipality. The main conceptual approaches to the territorial and municipal model of additional education for children are presented. The author draws attention to the main vector points revealing the socio-cultural potential of the region, municipality and microdistrict. It shows that the central indicator and criterion of the real quality of life in a particular territory is the state of the

“space of childhood” as the basis and guarantee of a decent future of the country and life in the territory. The creation of a personified, comfortable, safe and happy space of childhood allows to solve the problem of forming a personality as a resident, a keeper and creator of socio-cultural values and traditions of a particular area.

Keywords: education, additional education of children, society, childhood, child, traditions.

Мир стремительно изменяется: политические, экономические и военные вызовы, а также пандемия кардинально изменили актуальные ещё вчера проблемы, рынок труда, социальные нормы поведения. Происходят глубочайшие изменения во всех сферах общества современной России, трансформируется общественное сознание, пересматривается система ценностей и смыслов. Меняются и приоритеты отечественного образования, и одна из самых сложных сфер образовательной деятельности, входящая в круг государственных приоритетов, – *воспитание и современное дополнительное образование детей*. Да, 30 лет назад, в 1992 году, благодаря принятию в России Закона Российской Федерации «Об образовании» появился особый вид образования – *дополнительное образование*. Закон стал системообразующим документом для этой сферы образования, так как создал нормативно-правовые предпосылки для перехода от системы внешкольного воспитания к дополнительному образованию детей и взрослых, положил начало эволюционному процессу видоизменения системы внешкольной работы, внешкольного воспитания в новое качественное состояние – дополнительное образование детей и взрослых.

Актуальность обращения к проблеме организации пространства детства связана с изучением детской повседневности, взаимодействия взрослого и детского миров, а также практик защиты и безопасности современного детства. Актуальность определяется и наличием региональных, территориально-муниципальных, культурно-исторических традиций, реализацией единой социокультурной и образовательной политики, а также системы образовательного менеджмента, определяющего содержательные линии, принципы и направления развития педагогической деятельности на конкретной территории региона, муниципалитета и микрорайона, где особую роль играет современное дополнительное образование детей. Это в современных социокультурных условиях становится для ребёнка очень важным фактором влияния, который поднимет его на новый уровень развития, обеспечивая позитивную социализацию, воспитание и, главное, личностный рост растущего человека.

К сожалению, современное дополнительное образование детей [Мельникова 2016] начинает терять свою территориально-муниципальную составляющую. Считаю, что эту тенденцию необходимо устранять, так как территория, где проживает семья, растёт и развивается ребёнок, должна быть территорией перспективного, успешного, безопасного, а самое главное, счастливого и комфортного детства. Вот почему усиление региональной и муниципальной составляющей дополнительного образования детей

является ответом на длительный процесс гиперунификации и сверхстандартизации образования и образовательной политики, приведший к тому, что сфера дополнительного образования детей перестала быть предметом самостоятельной творческой активности регионов и муниципалитетов как на уровне субъектов управления, так и на уровне непосредственных участников образовательной деятельности [Голованов 2022 б].

Когда-то во второй половине XIX века огромное значение имели земства, при их участии и поддержке проходило своё становление внешкольное образование, как предтеча внешкольного воспитания и современного дополнительного образования детей. Сегодня важно осуществить переход от задачи обеспечения доступности «массового» образования к задаче проектирования пространства для самореализации личности, цель которого – личный успех в условиях благоприятствующего социума, муниципалитета и региона.

Важно помочь ребёнку на конкретной территории, где он живёт, учится и отдыхает, использовать ресурс детства в интересах развития собственной личности и сделать так, чтобы личность затем не приходила в противоречие с интересами общества и государства. В приоритете именно дополнительное образование детей превращает жизненное пространство растущего человека в мотивирующее к познанию, творчеству, к ценностям и традициям многонациональной культуры российского народа. Все организации дополнительного образования детей, будучи государственными, реализуют социально-воспитательную территориально-муниципальную миссию – формировать воспитательное пространство детства и осуществляют процесс долговременного формирования и развития человеческой личности, процесс её сущностного развития. Человек (личность) – смысл и цель современного воспитания и дополнительного образования детей.

Как здесь не вспомнить Алексея Константиновича Бруднова, одного из тех, кто стоял у истоков современного дополнительного образования детей, благодаря которому дополнительное образование детей обрело в 90-е годы прошлого века определённую статусность, стабильность, перейдя из разряда досуговых внешкольных учреждений в разряд образовательных учреждений дополнительного образования детей. «Сфера дополнительного образования – говорил, давая интервью, Алексей Константинович Бруднов, – не должна походить на школьную. Какой бы ни была школа, почти каждый ребенок хочет вырваться за её пределы. И каждому ребенку до полного образования помимо школьного курса необходимо широкое эстетическое и физическое воспитание. При обязательной свободе выбора» [Голованов 2022 а].

Растущий человек должен обладать непреходящими человеческими качествами: интеллигентностью, высоким уровнем образованности и культуры, необходимыми для сознательного и активного участия в общественном прогрессе; быстрой приспособляемостью, адаптивностью к непрерывным социальным изменениям; потребностью в непрерывном образовании и совершенствовании в избираемой профессии (общая и профессиональная обучаемость); умением владеть собой в сложных ситуациях, обладать самодисциплиной, самоконтролем; воспитанностью, благожелательным восприятием всех целесообразных внешних воздействий (социальных требований,

техники безопасности, требований трудового коллектива и др.); диалектическим мировоззрением, необходимым для ориентации в мире и себе; высокой работоспособностью (здоровье, опыт труда, культура отдыха и др.).

В соответствии с принятым в 2012 году Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» в дополнительном образовании осуществляется программный подход, когда в основе лежит *дополнительная общеобразовательная программа*. Статус организации дополнительного образования детей значительно ослаблен, так как дополнительные общеобразовательные программы могут реализовывать и другие образовательные организации и учреждения. Безусловно, это сказалось на атмосферности дополнительного образования, на комфортности для ребёнка территории, среды и пространства организации дополнительного образования.

Вот почему следует обратить внимание на основные векторные точки, раскрывающие социокультурный потенциал территории региона, муниципалитета и микрорайона [Байбородова и др. 2020]: во-первых, весь ход развития человеческой цивилизации, в том числе и педагогической мысли, свидетельствует о том, что взрослеющий человек готовится не к жизни вообще, а к жизнедеятельности в определённых социокультурных условиях; во-вторых, быть Человеком – это единственный путь сохранения и развития цивилизации. И дополнительное образование детей – это особый социальный институт, обеспечивающий воспитательный процесс и реальную интеграцию различных субъектов воспитания, который должен действовать в условиях настоящего, учитывать прошлое, но формировать будущее; в-третьих, особую важность приобретает социализация взрослеющего человека, под которой понимается приобщение индивида к культуре, её ценностям и нормам, что обеспечивает выполнение человеком своих социальных ролей – *семьянина, профессионала, гражданина* и т.д.; в-четвёртых, воспитание в дополнительном образовании является, прежде всего, процессом формирования отношения ребенка к самому себе, к окружающему миру, к своему месту в этом мире, к своей роли в жизни этого мира.

Особая педагогическая миссия принадлежит сегодня городу, который в том или ином контексте всегда был предметом активного внимания со стороны специалистов разных научных и практических областей – культурологии, философии, истории, психологии, педагогики и т.д. Город как социум, как территория детства может рассматриваться в качестве уникального культурно-образовательного пространства, в качестве фактора личностного развития человека [Бочкарева 2016].

Центральным показателем и критерием реального качества жизни на конкретной территории является состояние и, в первую очередь, перспективность детства как основы и залога достойной будущности страны и жизни на данной территории. Основная нагрузка в реализации реальных социальных запросов в области дополнительного образования детей ложится, прежде всего, на регион и муниципалитет, то есть на ту территорию, как мы уже отмечали, где проживает конкретный ребёнок и его семья. Важно сохранить и прирастить территориально-муниципальную составляющую современного дополнительного образования детей, так как реализация способностей растущей личности зависит не только от тех возможностей

и данных, которыми она обладает, но и от условий и качества среды, в которой растет ребёнок.

В последнее десятилетие в научном обороте педагогики проявляется всё возрастающая приверженность авторов к термину «пространство»: единое образовательное пространство, воспитательное пространство, культурно-образовательное пространство, пространство детства и т.д. (С.К. Болдырева, Н.Л. Селиванова, Е.В. Бондарская, И.Д. Демакова и др.) [Косарецкий и др. 2020]. Каждый из терминов представляет собой реально существующий феномен, включающий в себя определённый перечень элементов, характеризующий ту или иную сферу человеческой деятельности. Однако считаем, что необходимо введение таких новых понятий, как «образовательный социум», «территория детства», «пространство детства», «воспитательное пространство детства»; их введение оправдано, поскольку позиции педагогики характеризуют существенную совокупность социумов, в которых решаются социально-образовательные задачи применительно к различным группам населения, индивидам.

Город представляется во многих ракурсах, преимущественно с использованием понятий «образовательное пространство», «образовательная среда» и «воспитательное пространство». Так, например, трактовки понятия «образовательное пространство» могут рассматриваться в трёх основных аспектах: место в социуме, где субъективно задаётся множество отношений и связей; целостный многофункциональный комплекс возможностей окружающей среды с педагогически целесообразной организацией для развития, образования и воспитания человека; определённый результат освоения субъектом окружающей среды, степень познания и присвоения им возможностей среды на основе её субъективного восприятия.

«Пространство детства» – пространство начала поиска смысла жизни, определяющее реальное развитие ребёнка, может рассматриваться как совокупность разных пространств: социальной среды (включая мир семейных отношений); культурной среды (включая систему образования); информационной среды; природного мира; пространства чувств ребёнка. В микро-среде, окружающей детей вне официальных, государственно учреждённых институтов воспитания (открытая, неинституциональная среда) и особенно в наиболее стабильном её звене – семейно-бытовой среде с её ближайшим окружением (социокультурной среде по месту жительства), заложены особые социально-педагогические возможности. Пространство детства строится на следующих гуманистических принципах: признание самоценности Детства; признание прав ребёнка; признание свободы ребенка в воспитательном пространстве.

При анализе феномена дополнительного образования детей можно выделить несколько уровней: а) пространственный; б) временной; в) содержательный. Дополнительное образование детей – это практически единственное на сегодняшний день полноценное «пространство детства». Актуальнейшая современная задача – проектирование образовательного пространства детства как пространства персонального образования для самореализации личности и создание новых возможностей для развития современной сферы дополнительного образования детей, что подтвержда-

ется и принятой Концепцией развития дополнительного образования детей в РФ до 2030 г.

Дополнительное образование детей выступает сегодня, прежде всего, как территориально-муниципальное пространство, как пространство социальной практики; детские сообщества – как пространство самостоятельности; семья – как пространство доверия и взаимодействия; детско-взрослые отношения – как пространство «реверсивной» проницаемости поколений: доверия, сотрудничества, взаимодействия, помощи, поддержки и сопровождения.

Территориально-муниципальная составляющая дополнительного образования детей – это уникальная роль муниципальной территории, ориентированной на перспективу детства. Существует объективная необходимость использования потенциала муниципального сообщества, которое и должно определять качество, доступность и динамику развития дополнительного образования детей как личностно-персонифицированного, комфортного, безопасного, перспективного, счастливого, воспитательного, социокультурного пространства детства. Тем самым решается проблема формирования личности взрослого человека как жителя конкретного региона, муниципалитета и микрорайона, как хранителя, рачительного пользователя и умелого созидателя социокультурных ценностей и традиций конкретной территории. А главное – в сфере дополнительного образования детей каждый ребёнок получает знания, обеспечивающие ему успешную социализацию в масштабах как своего муниципалитета, города и региона, так и страны. Кроме того, благодаря этому происходит формирование познавательной, коммуникативной, нравственной, трудовой и эстетической культуры детского и взрослого населения региона и муниципалитета.

Любые концептуальные идеи общественного воспитания, обусловленные знанием психологических особенностей молодого поколения, трансформируются в соответствии с социокультурными особенностями образовательно-воспитательного пространства [Голованов 2021]. Это, в свою очередь, создаёт ситуацию успеха для воспитанника и содействует определению его жизненных планов, что крайне необходимо для его профессионального самоопределения и в конечном итоге для создания целостного воспитательного пространства дополнительного образования детей сельского социума [Асафова 2006].

Таким образом, именно дополнительное образование детей делает реальную социальную политику детства на уровне микрорайона, муниципалитета и региона более осознанной и научно обоснованной, оформляет её в качестве методологически, институционально и технологически обеспеченного процесса, в котором детство рассматривается как базовый этап социализации и самореализации личности, как главный фактор развития современного цивилизационного общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асафова 2006 – Асафова Т. Ф. Модели повышения доступности дополнительного образования детей в сельском социуме // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2006. № 2. С. 163–168.

- Байбородова и др. 2020 – Байбородова Л. В., Зеленова Д. А., Пополитова О. В. Развитие сельских образовательных организаций в условиях реализации национального проекта «Образование» // Непрерывное образование: XXI век. 2020. Вып. 2 (30). С. 56–68. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2020.5695> (дата обращения: 05.09.2022).
- Бочкарева 2016 – Бочкарева Т. Р. Педагогические принципы трансформации воспитания школьников в современной культурно-идеологической системе сельского социума // Молодой учёный. 2016. № 16 (120). С. 325–329.
- Голованов 2021 – Голованов В. П. Воспитательная модель современного дополнительного образования детей // Про_ДОД. Информационно-методический журнал. 2021. № 4 (34). С. 5–14.
- Голованов 2022 а – Голованов В. П. К вопросу о стратегии и тактике современного дополнительного образования детей: через призму тридцатилетнего юбилея // Про_ДОД. Информационно-методический журнал. 2022. № 1 (37). С. 6–15.
- Голованов 2022 б – Голованов В. П. Муниципальная территория – личное пространство дополнительного образования детей // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2022. № 1 (82). С. 38–42.
- Косарецкий и др. 2020 – Косарецкий С. Г., Павлов А. В., Мерцалова Т. А., Анчиков К. М. Дополнительное образование: изменения в контексте реализуемых приоритетов государственной политики // Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2020. Выпуск 17.
- Мельникова 2016 – Мельникова Г. Т. Дополнительное образование детей: актуальные проблемы и пути решения // Мир педагогики и психологии. 2016. № 5 (5). С. 18–22.

REFERENCES

- Asafova 2006 – Asafova T. F. Models for Increasing Availability of Additional Education of Children in Rural Society. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2006. 2. Pp. 163–168. In Russian.
- Bayborodova et al. 2020 – Bayborodova L. V., Zelenova D. A., Popolitova O. V. Development of Rural Educational Organizations in the Context of the National Project «Education». *Lifelong Education: The XXI Century*. 2020. 2 (30). URL: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2020.5695> (date of access: 05.09.2022). In Russian.
- Bochkareva 2016 – Bochkareva T. R. Pedagogical Principles of Transformation of Schoolchildren Education in the Modern Cultural and Ideological System of Rural Society. *Young Scientist*. 2016. 16 (120). Pp. 325–329. In Russian.
- Golovanov 2021 – Golovanov V. P. Educational Model of Modern Additional Education for Children. *Pro_DOD. Informational and Methodical Journal*. 2021. 4 (34). Pp. 5–14. In Russian.
- Golovanov 2022 а – Golovanov V. P. To the Question of the Strategy and Tactics of Modern Additional Education of Children: Through the Prism of the 30th Anniversary. *Pro_DOD. Informational and Methodical Journal*. 2022. 1 (37). Pp. 6–15. In Russian.
- Golovanov 2022 б – Golovanov V. P. Municipal Territory – A Personal Space for Additional Education of Children. *Mynizipalnoe Obrazovanie: Innovation And Experiment*. 2022. 2 (83). Pp. 38–42. In Russian.

- Kosaretsky et al. 2020 – Kosaretsky S. G., Pavlov A. V., Mertsalova T. A., Anchikov K. M. Additional Education: Changes in the Context of Implemented State Policy Priorities. *Information and Analytical Materials on the Results of Statistical and Sociological Surveys*. National Research University “Higher School of Economics”. 2020. Iss. 17.
- Melnikova 2016 – Melnikova G. T. Additional Education of Children: Problems and Solutions. *World of Pedagogy and Psychology*. 2016. 5 (5). Pp. 18–22. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Виктор Петрович Голованов

доктор педагогических наук, профессор,
главный научный сотрудник лаборатории
фундаментальных и прикладных научных исследований.
Институт изучения детства, семьи и воспитания
Российской академии образования, Москва, Россия.
E-mail: golovanov@institutdetstva.ru

Viktor P. Golovanov

Dr. Sci. (Pedagogical Sciences), Professor,
Chief Researcher at the Laboratory of
Fundamental and Applied Scientific Research.
Institute for the Study of Childhood, Family and Upbringing of
the Russian Academy of Education, Moscow, Russia.
E-mail: golovanov@institutdetstva.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-75-79>

«ОПТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ» В ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ ГОРОДА*

Г. В. Горнова

Университет ИТМО, Санкт-Петербург

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия

gornovagv@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется трансляция культурных кодов города. Используется метод аналогии для поиска закономерностей трансляции кодов городской культуры. Проанализированы оптические метафоры урбанистического дискурса: метафоры зеркала, отражения, оптического зума. Определены онтологическая, техническая и антропологическая причины искажения значений при трансляции культурных кодов города.

Ключевые слова: культурный код города, трансляция культуры, оптические эффекты, идентичность города.

«OPTICAL EFFECTS» IN THE TRANSLATION OF THE CITY'S CULTURAL CODES

Galina V. Gornova

ITMO University, St. Petersburg

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia

gornovagv@yandex.ru

Abstract. The article investigates the translation of urban cultural codes. The method of analogy is used to find patterns of translation of urban culture codes. The article analyses optical metaphors of urban discourse: metaphors of mirror, reflection, optical zoom. The ontological, technical and anthropological reasons for the distortion of meaning in the translation of the cultural codes of the city are determined.

Keywords: cultural code of the city, translation of culture, optical effects, identity of the city.

Культурный код города – это концентрация смыслов, материальных и духовных ценностей города, конституирующих его идентичность и транс-

* Статья подготовлена в рамках исполнения проекта «Методика и программное обеспечение оптимального планирования полицентрической системы общественных пространств досуга подростков как объектов массового обслуживания» при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-21-20081).

лирующих её в мировую культуру. В идентичности города история сплавляет воедино материальные и духовные ценности так, что слова становятся равны камням: «Прекрасные города создают архитекторы, великие – писатели, и вторые, пожалуй, важнее первых, ибо описанное долговечнее построенного...» [Генис 2020]. Описанное или изображённое позволяет нам в воображении построить образ города, в котором мы никогда не бывали, но понимаем значения его культурного кода и можем почти безошибочно определить близки они нам или нет.

Для понимания процесса передачи смыслов городской культуры воспользуемся нестройной аналогией из области физики (оптики), которая позволит, опираясь на устойчиво существующие в культуре метафоры, обнаружить некоторые закономерности и сбои в трансляции культурного кода города. Представляется, что многослойность культурного кода в процессе передачи совокупности значений может порождать своеобразные «оптические эффекты», что связано, с одной стороны, со спецификой существования материальных и духовных ценностей, а с другой – с особенностями расшифровывающего эти значения конкретного человека.

Европейская визуальная культура оперирует множеством оптических метафор, поясняющих то, как выстраивается картина мира человека, – это метафоры отражения, зеркала, двойничества, тени, иллюзий, увеличения или уменьшения масштаба воспринимаемого объекта. Самая известная оптическая метафора европейской культуры – метафора зеркала – породила оптическую парадигму «познание как отражение». Применительно к городам можно продемонстрировать примеры отражений: земные города являются несовершенными отражениями Небесного Иерусалима; имена городов Нового Света отзеркаливают названия городов Старого Света, добавляя себе морфему «новый» (Нью-Йорк, успевший побывать и Новым Амстердамом, Нью-Орлеан, Нью-Вестминстер, Нуэво-Ларедо, Нуэво-Херона и др.) [Горнова, Федяев 2022, 17–18]; идеологема «Москва – Третий Рим», подкрепляющая имперский код России, определяет Москву как третье отражение Рима [Аванесов 2017] и при этом показывает, как объект и его отражение меняются местами в иерархии. Культурные коды Петербурга насыщены мотивами отражения и двойников. Петербург отзеркаливает Рим (Ватикан) в своем гербе: два скрещённых якоря, морской и речной, перекликаются с двумя ключами апостола Петра – от города и от рая; в этом отражении «вшит» код наследования Риму и одновременно ясное указание на то, где теперь находится столица империи.

В этих примерах надо отметить искажение (искривление) изображений, имеющее либо онтологическую природу – ни один город не достигнет совершенства рая, либо намеренно сконструированное изменение значения, как в имперском коде Москвы и Петербурга, отражающем Рим. В первом случае всё происходит в полном соответствии с законами физики: поверхность качественно отражающего реальность зеркала должна быть идеально ровной и прозрачной, высоки требования к амальгаме, но ведь невозможно в несовершенной земной реальности отобразить эталон рая. Во втором случае – зеркало культуры изначально технически конструируется таким образом, чтобы в зрительной проекции человеческого восприятия фиксировался

сдвиг значения. Есть ещё один важный для культурных кодов города случай искажения отражения, который обуславливает разницу в трансляции смысла – восприятие кода города «своими» и «чужими». «Свои» – граждане этого города, любящие его люди, будут чутки к таким значениям и сигналам города, которые «чужие» – равнодушные к городу жители, гости, воспринявшие его поверхностно, просто не заметят.

Исходя из этих различий в трансляции культурных кодов города, можно в первом приближении разделить коды на универсальные и локальные на основании того, что универсальные коды считаются большим количеством людей и с меньшими искажениями, а локальные культурные коды города могут быть расшифрованы не всеми и не всегда точно.

К универсальным кодам можно отнести код столичности, особенно явно считающийся в столицах империй как в приведённом выше духовном измерении – соперничество Москвы и Петербурга, отзеркаливающих Рим, так и в материальной культуре города, например, в сталинском генплане Москвы 1935 года, в котором образец коммунистической утопии создавался в соответствии с культурным кодом империи по правилам политической организации пространства и в котором была произведена деконструкция символов христианства и православия и замена их образами коммунистической утопии, к чему Москва была частично подготовлена как старая религиозная столица [Росман 2014, 197–199].

Одним из универсальных кодов Великого Новгорода является код народности, республики, демократических институтов (уничтоженных вследствие жёсткой имперской централизации), выраженный в представлениях о Новгородском вече и имеющий понятные проекции в пространстве города. Необходимо сделать важную оговорку: универсальный культурный код передаёт комплекс значений в самом общем виде и зачастую далеко не во всём совпадает с более точными интерпретациями исторической науки. Код вече, безусловно, идеализирует эту вольную форму народности и не может служить точным отражением того, что происходило на самом деле в средневековом Новгороде.

Локальные коды могут быть уникальными, передающими дух *genius loci* (как правило, они тесно связаны с историей города), а могут порождаться массовой культурой и отражать какой-нибудь из модных трендов, компилятивно соединяя его с образом города. В качестве примера локальных уникальных кодов можно привести: «город ангелов и львов» (львы, стерегущие Петербург, и его ангелы-хранители), вечевой колокол и валдайские колокольцы (Великий Новгород). Примером массового коммерчески тиражируемого кода могут служить «петербургские коты», так как образ города в данном случае вторичен, чего не скажешь о принятом «своими» культурном коде «петербургской старушки» от скульптора Романа Шустрова, создателя грустного ангела.

Во взаимодействии универсального и локального кодов можно выделить эффект оптического зума – увеличения или уменьшения масштаба объекта, который поддерживает равновесие между кодами. Впечатляющий, величественный и зачастую достаточно безжалостный имперский код дополняется трогательной фигурой маленького человека русской литературы

(Евгений из «Медного всадника», Акакий Акакиевич, Мармеладов – и этот ряд можно продолжать долго...). В современном Петербурге код империи вызывает к жизни код «питерской милоты» с его котами, пледями, чашкой горячего какао, лёгкой задумчивостью, это коммерчески эксплуатируемый тренд хюгге/лагом и других разновидностей «маленького счастья». Такая «милота» может быть одной из форм самозащиты частной жизни маленького человека от пугающего имперского кода, чётко транслируемого городским пространством.

За рамками этого обсуждения «оптических эффектов» трансляции культурного кода остаётся ещё много материала, объясняющего затруднения в расшифровке культурных кодов городов и сбоях в трансляции этих кодов, – это разного рода оптические феномены и метаморфозы, а также особенности восприятия смыслов городской культуры человеком.

Воспользуемся композиционным приёмом обрамления для того, чтобы добавить оптический эффект логике изложения материала и сделать кольцевой композицию рассмотрения настроений оптических аналогий в исследовании культуры. Началом наших рассуждений служил тезис о метафизическом равенстве слов и камней, в заключении поддержим его зарисовкой из романа А. Житинского: «Весь наш город наполовину из камня и железа, наполовину же из хрупких словесных сочетаний. “Спящие громады пустынных улиц” – что это? Четыре слова, которые заменяют сотни домов на Невском и Измайловском, на бывшей Гороховой и Моховой. Ленинград насквозь литературен. Время переплавляет его грубую плоть в неосязаемый, но не менее прекрасный поэтический эквивалент – плоть постепенно умирает, и душа города в виде бессмертных творений возносится над ним, образуя легкое сияние в небесах, наподобие полярного. Ни один город в мире не имеет такого литературного ореола, как наш» [Житинский 1989, 288].

Александр Житинский сравнивает «культурную ауру» Ленинграда/Петербурга с северным сиянием – атмосферным оптическим явлением, которое возникает, когда солнечный ветер входит в верхние слои земной атмосферы. Однако, кажется, что это описание больше напоминает другое природное оптическое явление – гало – возникновение вторичного свечения вокруг источника света, происходящее из-за дисперсии солнечного света в кристалликах льда – тот самый ореол, о котором пишет А. Житинский.

Оптические эффекты порождаются распространением света в различных средах и его взаимодействием с другими субстанциями. И тогда остаётся, наверное, главный вопрос при использовании этой физической аналогии: что же является источником света при трансляции культурного кода города?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2017 – Аванесов С. С. Сакральная топика русского города (3). Семантика интерьера Софийского собора // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 2 (12). С. 30–78.
- Генис 2020 – Генис А. А. Кожа времени. Книга перемен. Москва, 2020.

- Горнова, Федяев 2022 – Горнова Г. В., Федяев Д. М. Город в лабиринте отражений: от ремесленного образца к образу города // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 1 (31). С. 12–23.
- Житинский 1989 – Житинский А. Потерянный дом, или Разговоры с милордом. Ленинград, 1989.
- Росман 2014 – Росман В. В поисках Четвертого Рима: Российские дебаты о переносе столицы. Москва, 2014.

REFERENCES

- Avanesov 2017 – Avanesov S. S. Sacred Topics of Russian Cities (3). Semantics of the Interior of the Saint Sophia Cathedral. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 2017. 2 (12). Pp. 30–78. In Russian.
- Genis 2020 – Genis A. A. Skin of Time. The Book of Changes. Moscow, 2020. In Russian.
- Gornova, Fedyaev 2022 – Gornova G. V., Fedyaev D. M. The City in a Labyrinth of Reflections: From a Craft Sample to an Image of the City. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 2022. 1 (31). Pp. 12–23. In Russian.
- Rossmann 2014 – Rossmann V. In Search of the Fourth Rome: The Russian on the Relocation of the Capital. Moscow, 2014. In Russian.
- Zhitinsky 1989 – Zhitinsky A. The Lost House, or Conversations with My Lord. Leningrad, 1989. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Галина Владимировна Горнова

доктор философских наук,
доцент Института дизайна и урбанистики,
доцент НОЦ «Гуманитарная урбанистика».

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург;
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Россия.

E-mail: gornovagv@yandex.ru

Galina V. Gornova

Dr. Sci. (Philosophy),
Associate Professor at the Institute of Design & Urban Studies,
Associate Professor at the Scientific and Educational Center
“Humanitarian Urbanism”.

ITMO University, St. Petersburg;

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

E-mail: gornovagv@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МОСКВЫ

А. И. Емельянов

Московский государственный лингвистический университет, Россия

anton.politolog@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления реализации стратегии развития города Москвы, разработанной Правительством Москвы с учётом актуальных проблем и вызовов. Важную роль при формировании данной стратегии играют политические аспекты, так как при принятии решений, касающихся городского планирования и развития городского пространства столицы, большое значение имеют состав представительных органов власти, векторы оппозиционных течений, поддержка со стороны населения города, его протестный потенциал. Анализ процессов, происходящих в городе Москве, позволяет выделить главные аспекты развития современного мегаполиса, среди которых – цифровизация, информатизация, ориентация на удовлетворение запросов граждан, жизне- и природосбережение, экологичность, эффективное использование открытого городского пространства, а также вовлечённость граждан в управление городом. Детальное рассмотрение преобразований в социальной, политической и экономической сферах жизни столицы, а также в инфраструктуре города и городском ландшафте позволяет автору дать в целом положительную оценку действиям городских властей, которые в последние годы привели к повышению уровня жизни населения, улучшению имиджа города и сделали возможной модернизацию столицы с сохранением её культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: Москва, политика, градостроительство, стратегия, урбанистика, столица.

POLITICAL ASPECTS IN THE MOSCOW STRATEGY FOR DEVELOPMENT

Anton I. Emelianov

Moscow State Linguistic University, Russia

anton.politolog@ya.ru

Abstract. The article focuses on the main directions of the implementation of the strategy for development of the city of Moscow, worked out by the Government of Moscow taking into account current problems and challenges. Political aspects play an important role in the development of this strategy, because the structure of the representative bodies of the city, opposition movements, support from the city's population, and its protest potential are of great importance in urban planning decisions. The analysis of the processes taking place in the city of Moscow makes it possible to determine the main aspects of the

development of a modern metropolis, which include digitalization, informatization, meeting the needs of citizens, life and nature saving, environmental friendliness, efficient use of open urban space, as well as the involvement of citizens in city management. A detailed examination of the transformations in the social, political and economic spheres, as well as in the infrastructure and the urban landscape of Moscow allows the author to give a generally positive assessment of the actions of the city authorities, which in recent years have led to an increase in the standard of living of the population, an improvement in the image of the city and made it possible to modernize the capital with the preservation of its cultural and historical heritage.

Keywords: Moscow, politics, urban planning, strategy, urbanism, capital.

Как и любой другой мегаполис, Москва развивается по своим законам, но при этом следует общим мировым трендам по цифровизации и совершенствованию городского ландшафта. Москва, которой в 2022 году исполнилось 875 лет, поддерживает имидж современного города с сохранением культурно-исторического наследия, в то же время находясь в поиске новых городских архитектурных форм. В рамках подобных, как может показаться, разноректорных целей столица является одним из флагманов международных рейтингов по качеству жизни.

Одновременно с этим город Москва является не только одной из культурных столиц, но и политическим центром нашей страны, в котором во многом формируется повестка дня, определяются векторы оппозиционных течений, что важно учитывать при формировании стратегии развития города. В подобных условиях процессы принятия решений проходят обязательные слушания в общественных палатах и на других площадках. В результате таких общественных дискуссий вносятся существенные предложения, которые отрабатываются городскими органами власти и находят своё отражение в проектных документах и стратегиях городского планирования.

В соответствии с указаниями мэра города Москвы и нормативными актами Москва декларировала свою трансформацию в статус общественно-ориентированного мегаполиса с широким спектром услуг, прежде всего информационного характера [Постановление 2018]. Так, в рамках целей построения «Умного города» Правительство Москвы придерживается политики поддержки предпринимательства и упрощения налоговой отчётности, создания системы управления городом на базе Больших данных и искусственного интеллекта, что должно в итоге привести к повышению эффективности расходования средств из городского бюджета. Эта политика уже приносит свои плоды, что подтверждает успешность использования целеполагания при планировании городского пространства более 10 лет назад [Закон 2010].

Главным аспектом всех документов является ориентация на удовлетворение запросов граждан, высвобождение времени для активной деятельности, саморазвитие для всех групп населения. Это и другие положения отражены в стратегии развития города, которая дополняется с учётом обще-

признанных практик городской агломерации как в России, так и за рубежом [Постановление 2007]. Особенно интересным представляется создание медиаповодов об улучшении качества жизни в округах города при непосредственной деятельности префектур и управ города.

Основной своей целью местные органы власти видят социальную сферу, которую в том числе широко освещают муниципальные депутаты. Среди важнейших трендов можно выделить жизнесбережение и рекреацию, а также экологичность и природосбережение. Именно эти аспекты привлекают внимание городских активистов и правозащитников, которые используют столь актуальные темы для самопиара и продвижения своих интересов в рамках города.

В сфере жизнесбережения политика города направлена на создание дополнительных заграждений от автотранспортных средств, а также создание зон, свободных от природозагрязняющих средств передвижения. На открытых пространствах города организуются станции проведения профилактической диспансеризации населения. Свободное пространство города на регулярной основе используется для проведения ежегодных ярмарок, создания площадок для малого бизнеса и самозанятых. Подобная эргономика, с одной стороны, оказывает благоприятное влияние на поддержку политики Правительства города со стороны населения и служит для привлечения туристов; с другой стороны, создание парковых зон на месте парковочных зон и пустых открытых пространств позволяет минимизировать количество территорий, на которых возможно проведение незаконных и несогласованных общественных акций, организуемых, как правило, иностранными агентами или агентами влияния с целью дестабилизации общественной обстановки.

В рамках экологической повестки политика города направлена на увеличение числа станций по переработке мусора для его вторичного использования, увеличение количества общественного транспорта, использующего двигатели внутреннего сгорания, введение льгот для владельцев электромобилей. Большое внимание уделяется также сохранению и увеличению числа зелёных насаждений, зон для выгула домашних животных. Стоит отметить, что в рамках градостроения упор делается на создание полностью автономных микрорайонов со всеми необходимыми объектами инфраструктуры.

Безусловно, политика города Москвы является прогрессивной по ряду показателей, что становится возможным благодаря поступлению значительного числа налогов в городскую казну, а также за счёт активного участия населения в управлении своим городом. В городской среде существует множество приложений по управлению общедомовым и городским пространством, доступных для скачивания даже в общественных местах за счёт бесплатной беспроводной сети. Подобные приложения позволяют властям города эффективно реагировать на проблемы и вызовы. Такая вовлечённость горожан позволяет им реализовывать свой протестный потенциал и получать обратную связь от городских коммунальных служб и других ответственных органов.

В результате анализа процессов в городе Москве по реализации стратегии по развитию города можно дать справедливую оценку изменениям.

Целеполагание и решение задач в рамках проектных узлов позволяет оперативно и комплексно решать стоящие перед городом проблемы, а также действовать в превентивной манере относительно новых рисков. Опираясь на общественную оценку происходящих явлений, справедливо отметить, что результаты выборов в представительные органы власти в Москве показали, что действия властей за последние годы привели к повышению уровня жизни населения и улучшению имиджа города [Официальная статистика 2022]. Приход к власти представителей провластных партий также демонстрирует снижение протестного потенциала, который был явно замечен по результатам проходивших ранее выборов, когда советы муниципальных депутатов были представлены в основном теми, кто стал объектом поддержки так называемого «умного голосования».

Несмотря на происходящие в городе Москве процессы, можно говорить, что градостроительная политика и действия правительства города по цифровизации и развитию городского пространства оправданы и приносят свои плоды как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе. Подобный опыт может и должен быть исследован более пристально как с точки зрения юридических формальностей на предмет соблюдения федеральных законодательных актов и юридических практик, так и с точки зрения психологов, так как жизнь в большом городе является причиной стрессов, которые могут создать дискомфорт в рамках такого большого организма как Москва.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Закон 2010 – Закон города Москвы от 5 мая 2010 года № 17 «О Генеральном плане города Москвы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/3719130> (дата обращения: 09.08.2022).
- Официальная статистика 2022 – Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mosstat.gks.ru/> (дата обращения: 11.08.2022).
- Постановление 2007 – Постановление Правительства Москвы от 26.06.2007 № 513-ПП «О стратегии развития города Москвы на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/24206220/> (дата обращения: 10.08.2022).
- Постановление 2018 – Постановление Правительства Москвы от 27.03.2018 № 243-ПП «О внесении изменения в постановление Правительства Москвы от 09.08.2011 № 349-ПП». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/49627744/> (дата обращения: 09.08.2022).

REFERENCES

- Decree 2007 – Decree of the Government of Moscow dated June 26, 2007 No. 513-PP “On the development strategy of the city of Moscow for the Period up to 2025”. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/24206220/> (date of access: 10.08.2022).
- Decree 2018 – Decree of the Government of Moscow dated March 27, 2018 No. 243-PP “On Amendments to Decree of the Government of Moscow dated August 9, 2011 No. 349-PP”. URL: <https://base.garant.ru/49627744/> (date of access: 09.08.2022).

Law 2010 – Law of the City of Moscow dated May 5, 2010 No. 17 “On the General Plan of the City of Moscow”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3719130> (date of access: 09.08.2022).

Official statistics 2022 – Office of the Federal State Statistics Service for Moscow and Moscow Region. URL: <https://mosstat.gks.ru/> (date of access: 11.08.2022).

Информация об авторе / Information about the author

Антон Игоревич Емельянов

кандидат политических наук, доцент,

заведующий кафедрой зарубежного регионоведения.

Московский государственный лингвистический университет, Россия.

E-mail: anton.politolog@ya.ru

Anton I. Emelianov

Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor,

Head of the Department of Foreign Regional Studies.

Moscow State Linguistic University, Russia.

E-mail: anton.politolog@ya.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-85-89>

ВОЕННОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

О. Н. Забузов

Московский государственный лингвистический университет
Институт социально-политических исследований Российской академии наук, Россия
zabuzov@mail.ru

Аннотация. В исторической ретроспективе рассмотрено разноплановое содержание понятия «город». Проанализирована его полифункциональность, выражающаяся в проявлении военных, политических и иных функций. Наиболее крупные средневековые русские города выступали важными звеньями феодальной иерархии. Показана противоречивая роль городов в период феодальной раздробленности, когда наблюдалось противостояние городов и княжеской власти. Особое место отведено значению древних городов Руси в период татаро-монгольского ига. В этот период в городах утрачивались собственно военные и политические функции и возрастали административно-фискальные функции – в большей мере необходимые татаро-монголам. Показывается, что избавление от татаро-монгольского порабощения трансформировало взгляд на сущность и предназначение городов на Руси. Анализируется место и роль средневековых западных городов в системе общественной жизни. Опираясь на работы М. Вебера, исследовавшего древние итальянские и английские города, автор приводит примеры военно-политических функций западных городов.

Ключевые слова: древний город, средневековый город, развитие, политическая функция, военная функция, центр.

MILITARY AND POLITICAL SIGNIFICANCE OF THE CITY: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Oleg N. Zabuzov

Moscow State Linguistic University
Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Russia
zabuzov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical retrospective and the diverse content of the concept of “city”. It analyzes its polyfunctionality, expressed in the manifestation of military, political and other functions. The largest medieval Russian cities were important links in the feudal hierarchy. The contradictory role of cities during the period of feudal fragmentation, when there was a confrontation between cities and princely power, is shown. A special place is given to the importance of the ancient cities of Russia during the period of the Tatar-Mongol yoke, when the cities lost their military and political functions, and the administrative-fiscal function increased, which was more necessary for the Tatar-Mongols. Getting rid of the Tatar-Mongol enslavement, of course, transformed the view of the essence

and purpose of cities in Russia. The place and role of medieval western cities in the system of public life is analyzed. Based on the work of M. Weber, who studied the ancient Italian and English cities, the author gives examples of similar processes in a number of Western cities regarding the military and proto-political functions of the ancient cities in Russia.

Keywords: ancient city, medieval city, development, political function, military function, center.

События последнего времени в различных уголках мира подтверждают тезис о важности и значимости городов в многоаспектном спектре. Вне всяких сомнений такая важность проявляется как в военном, политическом значениях, так и в экономическом, финансовом, логистическом и других выражениях [Вирт 2018, 7–10; Амин, Трифт 2017, 67]. Обращение к исторической ретроспективе военного и политического значения городов в настоящее время представляется чрезвычайно актуальным.

Так, учёный из Московского государственного университета В. В. Карлов, исследуя средневековые источники относительно сущностного содержания понятия «город», пришёл к выводу о его разнонаправленности. Такая разноплановость характеризовала древний город в проявлении его функций оборонительного центра, центра торговли и ремесла, центра феодального господства и управления [Карлов 1976]. А исследователи В. Л. Янин и М. Х. Алешковский, занимаясь анализом происхождения городов, пришли к выводу о том, что определённая роль в этом принадлежала политическим культовым местам (крупным капищам, захоронениям, местам вечевых собраний), вокруг которых и возникали поселения [Янин, Алешковский 1971, 60].

Все перипетии династических споров, феодальных усобиц, войн и захватов можно рассматривать как непрекращающийся процесс формирования и переформатирования иерархической политической структуры Древней Руси, где города и «городовые волости» были составляющими её звеньями, основными ячейками, но не возникшими вдруг, разом, на «пустом» месте, а складывавшимися постепенно, по мере исторического развития феодальных отношений. В таком свете утверждение историка А. Е. Преснякова о том, что процесс создания «городовых волостей», «земель-волостей» происходит в глазах истории, можно отнести не только к X–XII вв., но и к более позднему времени – «продлить» его почти до самого образования единого Русского централизованного государства, до конца «удельных времен».

Наиболее крупные древнерусские города были важными звеньями в феодальной иерархии, развитыми ремесленными и торговыми центрами, выполняли политические, экономические и военно-оборонительные функции. Однако в таком сочетании уже само собой содержится известное противоречие. Нередко города эпохи феодальной раздробленности оказывали активное сопротивление княжеской власти, могли изгонять и призывать князей, навязывать им свою волю, что отразилось в «рядах» князей с городами. Закрывающий «ряд» город выглядел иногда как единый социально-политический организм, но едва ли он был таким. В политической борьбе главенствовали те или иные группы местного боярства, видная роль могла

принадлежать, вероятно, и представителям крупных торговых кругов, с которыми феодалы, видимо, были связаны как посредники в реализации получаемой ренты с сельскохозяйственного населения. В моменты наибольшего обострения политической обстановки, взрывов народного недовольства на первый план выдвигались городские низы. В анализируемых источниках такое сословие практически никак не характеризовалось, иногда лишь именовалось как «людые», «люди градские» или по названию города проживания – «суздальцы», «владимирцы» и т.п.

Если суммировать все известные факты о городах домонгольской поры, представляется оправданным мнение М. Н. Тихомирова о том, что «русские города Киевской поры жили полнокровной жизнью. Они шли по пути развития “городского строя”, как и города в соседних странах Западной Европы» [Тихомиров 1956, 231]. Этот путь развития зиждился на «неустойчивом равновесии» между признаками города как экономического, так и политического центра феодального общества. Укрепление экономической мощи городских сословий в конечном итоге привело к складыванию и стабилизации в городах Западной Европы городского строя в тех или иных его конкретных формах.

Татаро-монгольское нашествие превратило города в большей степени в административные центры своих земель, нивелировав их политические и военные функции. Завоевателям города Руси нужны были в первую очередь именно как центры, реализующие фискальную политику поработителей, то есть для сбора дани. С конца XIII – начала XIV в. такого рода деятельность русских князей не способствовала развитию прочих городских функций, таких как военные и политические, а выражалась в развитии исключительно административно-фискальных функций.

Освобождение русских земель от татаро-монгольского ига трансформировало саму городскую сущность с позиции военного и политического значения. Вот как об этом писал профессор Н. Курганов в главе «Повесть о военной архитектуре» своей «Книги о науке военной»: «Наука укреплять выдумана для соблюдения права и спокойствия народного. Общее добро соблюдалось только незлобием человеческим: а как скоро пророки овладели их сердцем, то принуждено было чинить разделы, корыстолюбие и зловредная зависть родила несогласие и ненависть; сильной сделался жаден к чести; а скудные пришедше во изнеможение стали себе делать убежища или ограждение места. Вот начало городов и укрепления оных» [Курганов 1777, X]. Иными словами, по мнению профессора Н. Курганова, наука укрепления городов была обусловлена развитием правовых отношений в обществе и обеспечением социального спокойствия жителей.

Немецкий социолог М. Вебер в произведении «Город», акцентируя внимание на Италии того времени, исследует плебейский город. Он заключает, что вслед за становлением подеста¹ произошло становление *popolo*². Основу такого слоя образовывали предприниматели. Их деятельность заключа-

¹ Подеста (итал. *podesta*, от лат. *potestas* – власть) – высшее административное лицо (глава исполнительной и судебной власти) во многих городах-коммунах Италии XII – начала XVI вв.

² *Popolo* (в переводе с итальянского) – народ, нация, население города.

лась главным образом в борьбе со знатью, что можно интерпретировать как политическое явление. Более того, заключал автор, у ророло внутри города были свои финансы и военные силы. Иначе говоря, в трактовке Вебера это было государство в государстве, или, если быть точнее, «город в городе». Ророло, по сути, было «первым осознанно иллегитимным и революционным политическим союзом». Причина возникновения этого феномена заключалась в развитии экономического и политического значения городской знати и в возрастании, как следствие этого, притока в город родов, ведущих рыцарский образ жизни [Вебер 2017, 146].

М. Вебер, рассуждая о ранних этапах развития городов-крепостей в Англии, подмечал их развитие в качестве особого политического образования, которое он тесно связывал с бургом. Во времена англосаксов каждому графству принадлежал «бург», по которому оно получало своё имя, причём несение сторожевой и гарнизонной службы (как наиболее ранняя специфически «городская» повинность) было обязанностью владельцев земельных наделов. Наименование «burgenses» происходит от того, что его политическое правовое положение, а также связанная с ним правовая природа обусловлены обязательством поддержания и защиты крепости. Таким образом, можно констатировать, что М. Вебер, рассматривая средневековые города, выделяет у них не только экономические, но и военно-политические функции. Более того, он отмечает, что некоторые города проводили свою автономную политику, имея собственные военные силы.

Можем заметить, что М. Вебер и Н. Курганов отчасти сходились в выводах о протополитических функциях древних городов. Естественно, более позднее и социализированное исследование М. Вебера раскрывает не только военные функции городов, но в большей мере политические и социальные аспекты их развития.

Таким образом, получается, что в течение нескольких веков военное и политическое значение городов являлось важным и стратегически значимым. Конечно, развивались общественные отношения, видоизменялся общественный уклад, менялись сами города, трансформировалась вооружённая борьба. Реалии сегодняшнего времени говорят о возрастающей значимости современных городов в военном и политическом значении, но в то же время детерминируют важность иных общественных сфер современной деятельности (экономики, логистики, безопасности и других областей).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амин, Трифт 2017 – Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское / Пер. с англ. В. Николаева. Нижний Новгород, 2017.
- Вебер 2017 – Вебер М. Город / Пер. с нем. М. Левиной. Москва, 2017.
- Вирт 2018 – Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Пер. с англ. В. Николаева. Москва, 2018.
- Карлов 1976 – Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху Средневековья (к постановке вопроса) // Русский город (историко-методологический сборник). Москва, 1976. С. 32–69.

- Курганов 1777 – *Курганов Н.* Книга о науке военной. Санкт-Петербург, 1777.
Тихомиров 1956 – *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. Москва, 1956.
Янин, Аleshковский 1971 – *Янин В. Л., Аleshковский М. Х.* Происхождение Новгорода
(к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

REFERENCES

- Amin, Thrift 2017 – Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the Urban. Transl. into Russian by V. Nikolaev. Nizhny Novgorod, 2017.
Karlov 1976 – Karlov V. V. On the Factors of Economic and Political Development of the Russian City in the Middle Ages (to the formulation of the question). *Russian City (Historical and Methodological Collection)*. Moscow, 1976. Pp. 32–69. In Russian.
Kurganov 1777 – Kurganov N. A Book about Military Science. St. Petersburg, 1777. In Russian.
Tikhomirov 1956 – Tikhomirov M. N. Ancient Russian Cities. Moscow, 1956. In Russian.
Yanin, Aleshkovsky 1971 – Yanin V. L., Aleshkovsky M. H. The Origin of Novgorod (to the formulation of the problem). *History of the USSR*. 1971. 2. Pp. 32–61. In Russian.
Weber 2017 – Weber M. Die Stadt. Transl. into Russian by M. Levina. Moscow, 2017.
Wirth 2018 – Wirth L. Urbanism as a Way of Life. Transl. into Russian by V. Nikolaev. Moscow, 2018.

Информация об авторе / Information about the author

Олег Николаевич Забузов

Кандидат политических наук, доцент,
старший научный сотрудник.

Московский государственный лингвистический университет;
Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: zabuzov@mail.ru

Oleg N. Zabuzov

Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor,
Senior Researcher.

Moscow State Linguistic University;
Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: zabuzov@mail.ru

REGIONAL BRANDING – IMMIGRATION POLICIES NEXUS

Sanaz Karimivala

National Research Tomsk State University, Russia
karimivala@stud.tsu.ru

Abstract. In the current realm of ideas, values and perceptions, positive perception of region may guarantee and assure investment, tourism, and security to the place. A successful regional brand symbolically helps to identify and represent a positive perception of the region that is constructed by all the stakeholders including immigrants. Immigrants are important contributors to regional branding process as well as its economic development, though they are often neglected or excluded. However, harnessing the benefits of international migration for regional sustainable and authentic brand needs ensuring equal access to work, housing, education, health, and citizenship rights. Otherwise, in case of adopting discriminatory policy against immigrants and violating their basic human rights, no branding strategy or program will likely to enhance the image of the region and make any significant transformation. In fact, regions must create a positive perception to show that diversity, equality, and social inclusion are fabrics of its immigration policy. The policy should aim to ensure the social inclusiveness and cohesion in the branding process of the region.

Keywords: immigration policy, regional branding, diversity, social inclusion, integration, representation.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

С. Каримивала

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
karimivala@stud.tsu.ru

Аннотация. В современном мире идей, ценностей и представлений позитивное восприятие региона может обеспечить инвестиционные и туристические потоки на данную территорию, а также её безопасность. Успешный региональный бренд помогает символически идентифицировать и репрезентировать положительное восприятие региона, которое создаётся всеми заинтересованными сторонами, включая мигрантов. Мигранты вносят значимый вклад в процесс регионального брендинга, а также в его экономическое развитие, хотя их часто игнорируют или исключают из данных процессов. Однако использование преимуществ международной миграции для создания устойчивого и аутентичного регионального бренда требует обеспечения равного доступа всех жителей к работе, жилью, образованию, здравоохранению и гражданским правам. В противном случае, в случае принятия дискриминационной политики в отношении мигрантов и нарушения их основных

прав человека, никакая стратегия или программа брендинга не сможет улучшить имидж региона и произвести какие-либо значительные преобразования. Регионы должны создавать позитивное восприятие, чтобы показать, что разнообразие, равенство и социальная интеграция являются основой их миграционной политики. Такая политика должна быть направлена на обеспечение социальной инклюзивности и сплочённости в процессе брендинга региона.

Ключевые слова: миграционная политика, региональный брендинг, разнообразие, социальная инклюзивность, интеграция, репрезентация.

Migration is not a recent phenomenon; it has been an inherent feature of human history. Humans have always migrated whether in groups or individuals to escape from poverty, political instability or religious intolerance and to find new economic opportunities and employment. However, over the past five decades the estimated number of international migrants has increased significantly. As the United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA) has estimated the number of international migrants in 2020 around 281 million, which equates to 3.6% of the global population [Report 2021]. Although it may seem not a very big proportion, but actually migration shifts host countries' demographics patterns or social and economic approaches. So, understanding the effects of international migration can help us make sense of the changing world we live in and make sustainable plan for the future.

Immigrants are valuable (but vulnerable) members of the community that are often unheard in various processes including regional branding. While, inclusiveness of all residents in regions as “carriers of meaning” [Wooliscroft et al. 2014] help their brand to be larger and more sustainable rather than regions with ensuring inequality attitudes. Actually, a successful regional brand demands real representation, the community should take care of all stakeholders regardless of their color, religion or ethnicity. As, Kavatzis, Giovanardi and Lichrou argue that simply showing an image of the region that represents the different ethnicities, nationalities is not enough. Instead, they have called to examine the different faces of inclusive place branding, that likewise includes perceptions and participation of neglected and the non-powerful stakeholders such as immigrants [Karavatzis et al. 2017].

Actually, regions are socio-spatial entities that constantly being transformed by the interaction with the people and the power relations that are held [Madanipour 2003]. Obviously, regions do not respond to increasing diversity, associated with immigration in the same way. Some regions consider diversity as an opportunity for new social cooperation, social and solidarity in society. Therefore, they enact integration strategies to assure the presence of all residents including immigrants in the region's branding process. On the other hand, others may define immigration as a challenge and be more reluctant to acknowledge migration-related diversity as part of their collective identity [Belabas et al. 2020]. They may believe that diversity within regions can create problems, such as feelings of discomfort, clashing values and norms and conflicts over public space that can irreversibly damage the homogeneous region's brand.

Admittedly, local people (especially immigrants) should identify favorably with a region and become brand ambassadors rather than its critics to successfully implement long-term branding [Zenker, Petersen 2014]. In this regard, immigration policy principally may become a competitive advantage and helpful asset for the regional economy and its brand, ensuring equal access to work, housing, education, health, and citizenship. In these circumstances, these policies act as an effective tool to create a pleasant environment for the residents and immigrants as well, which subsequently makes the region attractive for foreign investment, tourism, and increased consumption [Hadj Abdou 2019]. Otherwise, in case of discrimination or exclusion, it will be very challenging to attract skilled workforce and investment to a region with high level of inequality, conflict or intolerance toward religious, social and ethnical diversity.

The nexus between international migration politics and regional branding contributes to redefine citizenship, social tolerance, and humanistic discourse and understand the authenticity of region's brand. So, in case of adopting discriminatory policy against immigrants and the repercussions on the human rights, no branding strategy or program will likely to enhance the image of the region. In fact, the brand must carve a vision of how that region should be perceived by its target audience; a region where diversity, equality, and social inclusion are parts of its immigration integration policy [Teixeira 2020] and works to support the well-being of immigrants against discrimination, exploitation and abuse. Otherwise there will be a region with an uncertain future and criminal environment for violation of basic human rights.

REFERENCES

- Belabas et al. 2020 – Belabas W., Eshuis J., Scholten P. Re-Imagining the City: Branding Migration-Related Diversity. *European Planning Studies*. 2020. 28 (7). Pp. 1315–1332.
- Hadj Abdou 2019 – Hadj Abdou L. Immigrant Integration: The Governance of Ethno-Cultural Differences. *Comparative Migration Studies*. 2019. 7. URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0124-8> (date of access: 26.08.2022).
- Karavatzis et al. 2017 – Inclusive Place Branding: Critical Perspectives on Theory and Practice. Ed. by M. Karavatzis, M. Giovanardi, M. Lichrou. Routledge, 2017.
- Madanipour 2003 – Madanipour A. Public and Private Spaces of the City. Routledge, 2003.
- Report 2021 – World Social Report 2021: Reconstructing Rural Development. United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2021. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2021-2.html> (date of access: 04.08.2022).
- Teixeira 2020 – Teixeira C. Networked Technopolitics: Immigrant Integration as City Branding. *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*. 2020. 12 (1). Pp. 67–82.
- Wooliscroft et al. 2014 – Wooliscroft B., Ganglmair-Wooliscroft A., Noone A. The Hierarchy of Ethical Consumption Behavior: The Case of New Zealand. *Journal of Macromarketing*. 2014. 34 (1). Pp. 57–72.
- Zenker, Petersen 2014 – Zenker S., Petersen S. An Integrative Theoretical Model for Improving Resident-City Identification. *Environment and Planning A*. 2014. 46 (3). Pp. 715–729.

Information about the author / Информация об авторе

Sanaz Karimivala

Postgraduate student at the Political Science Department.

National Research Tomsk State University, Russia.

E-mail: karimivala@stud.tsu.ru

Саназ Каримивала

аспирант кафедры политологии.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия.

E-mail: karimivala@stud.tsu.ru

К ВОПРОСУ О РОЖДЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЫ

А. А. Клестов

независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия
a.klestoff@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию темы рождения христианской Европы, которая получила обоснование в школе «Анналов» Марка Блока и Люсьена Февра и благодаря усилиям Жака Ле Гоффа стала одним из фундаментальных направлений в современной исторической науке. Автор иллюстрирует предпосылки возникновения идеи о становлении Европейской цивилизации, опираясь на работы А. Журдена и Ч. Х. Хаскинса, а затем на ранние работы Л. П. Карсавина. Автор стремится раскрыть в карсавинских трудах значение и характерные особенности понятий «вера» и «религиозность», а также определить, почему Франциск из Ассизи и Анджела из Фолиньо выделены Карсавиным в качестве ведущих деятелей эпохи конца Средиземноморской и начала Европейской цивилизаций.

Ключевые слова: Европейская цивилизация, Средиземноморская цивилизация, Франциск Ассизский, Анджела да Фолиньо, Санкт-Петербургская школа истории И. М. Гревса, Л. П. Карсавин, Российская империя.

ON THE BIRTH OF CHRISTIAN EUROPE

Alexander A. Klestov

Independent researcher
St. Petersburg, Russia
a.klestoff@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the formation of European civilization. The topic was substantiated by the *Annales* school of M. Bloch and L. Febvre and by virtue of J. Le Goff's efforts it has become one of the fundamental directions in modern historical science. The author illustrates the premises of the topic of the formation of a new civilization by the works of Amable Jourdain, Charles H. Haskins and defines the premises further in the early works of Leo P. Karsavin. The author seeks to reveal the characteristic features of the concepts of faith and religiosity in Karsavin's writing, and to decide why Francis of Assisi and Angela da Foligno are singled out by Karsavin as leading Christian figures of the era of the 12th – 14th centuries, end of Mediterranean and beginning of European civilization.

Keywords: European civilization, Mediterranean civilization, Francis of Assisi, Angela da Foligno, I. M. Grevs St. Petersburg's school of the History, L. P. Karsavin, Russian Empire.

Введение

Наше исследование основывается на идее становления Европейской цивилизации в Средние Века, сформулированной М. Блоком и Л. Февром, далее пролонгированной Жаком Ле Гоффом в книге «Рождение Европы» (*L'Europe est-elle née au Moyen Âge?* Seuil, 2003). Эта идея становится сейчас одной из обсуждаемых в мировой исторической науке. Многие учёные ещё в XIX веке сходились на мысли, что решающим периодом рождения христианской Европы являются XII–XIV века; эта мысль была отчётливо декларирована в 30–40-е годы XX века в школе «Анналов». «Европейский мир в той мере, в какой он является европейским, является средневековым творением, – писал, например, Марк Блок, – когда практически одним махом он разрушил относительную целостность средиземноморской цивилизации. <...> Так с тех пор этот европейский мир охвачен общими течениями». В первой лекции, прочитанной им в Коллеж-де-Франс в 1944–1945 гг., Люсьен Февр заявил, говоря о роли христианства в образовании Европы: «На протяжении Средних веков <...> христианская цивилизация, теперь оторванная от своих корней, проецировала непрерывные волны влияния через неопределённые границы калейдоскопа королевств» [Le Goff 2005, 2].

В таких и сходных концептуальных пределах складывается идея о становлении Европейской цивилизации. Можно добавить, что в монографии «Рождение Европы» Ле Гофф описал уже результат многих предпосылок, приведших к идее становления новой цивилизации. Нам же важно ответить на вопросы:

– каким образом рождение христианской Европы сочетается с христианской историей, начало которой лежит в иной, Средиземноморской цивилизации;

– какие авторские труды явились предпосылкой постановки проблемы рождения Европы и как способствовали они её выдвиганию на первую линию современных исследований?

Начнем с последнего. Безусловно, самой значительной предпосылкой к постановке темы о рождении новой цивилизации был знаменитый труд Амабля Журдена «*Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines d'Aristote, et sur des commentaires grecs ou arabes employés par les docteurs scholastiques*» (Критические исследования о возрасте и происхождении латинских переводов Аристотеля и о греческих или арабских комментариях, использованных учёными схоластами) [Jourdain 1843, 4–5]. Этот прорыв в неизведанный мир Средневековья напрочь отринул наши представления о «тысячелетии тьмы и мракобесия» и явился поворотным моментом в исследовании данного периода истории. Кроме Журдена, автором, оказавшим большое влияние на постановку проблемы становления европейской цивилизации, является американский историк-медиевист Чарльз Гомер Хаскинс и его произведение «Ренессанс двенадцатого века» [Haskins 1928]. В завершении нашего обзора мы вновь обращаемся к книге «Рождение Европы», где в главе о христианстве Ле Гофф даёт определение периоду XII–XIII веков: «Я определяю этот период как время, когда люди стали осознавать великий скачок Средних веков и изменения ценностей, как время, когда небесные ценности спустились на землю» [Le Goff 2005, 150].

Итак, попытаемся развить тезис Ле Гоффа и выяснить, когда «небесные ценности спустились на землю» на материале магистерской и докторской диссертаций Льва Карсавина и его перевода «Откровений блаженной Анджелы из Фолиньо» под общим названием «Рождение христианской Европы». Речь пойдёт о последних десятилетиях существования Российской империи, об историке Императорского Санкт-Петербургского университета проф. Л. П. Карсавине.

В Российской империи Карсавин был историком средневековой Европы *par excellence*, открывшим период религиозной активности народов на континенте. И, подобно Журдену и Хаскинсу, Карсавин является предшественником идеи рождения Европейской цивилизации в Средние века. Этот тезис мы хотим конкретизировать. В статьях и диссертациях мы наблюдаем стремление Карсавина опереться на идею о «генетических сцеплениях» (по Гревсу) элементов христианских и языческих; попытки обосновать религиозность Средних веков на примере романизированных магнатов [Карсавин 1911, 41, 62]. В магистерской диссертации «Очерки религиозной жизни XII–XIII веков» Карсавин обозревает текстуальный ландшафт религиозной жизни, формирует «религиозный фонд» в «генетических сцеплениях», переливах движения «масс верующих» [Карсавин 1912]. В докторской диссертации «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии» [Карсавин 1915] он определяет понятия «религиозность», «вера», «мистика» и описывает их бытование. Он исследует явления религиозности и веры «среднего человека», «масс» верующего народа, исходя из текстуального ландшафта «Очерков религиозной жизни...». Его перевод «Откровений блаженной Анджелы» на русский язык [Карсавин 1918] – неожиданное событие в литературе уходящей Российской империи, завершающий этап деятельности Карсавина в Санкт-Петербурге.

Религиозность «масс верующих» и явление веры «среднего человека»

Карсавин определяет веру, как «совокупность положений и догм, принимаемых верующим за истину». Религиозность есть та же вера, взятая со стороны сознания и душевных переживаний верующего; Карсавин выделяет в этом случае «не то, во что он [человек] верит, а то, что он верит, или то, как он верит». Религиозность – «то душевное состояние или тот душевный строй, – определяет Карсавин, – в связи с которым находятся субъективно важные для человека положения его веры, делающиеся таким путём положениями его религиозности. Религиозно в вере то, что связано с жизнью человека в религии, без чего он не может обойтись, что проявляется во всей его мысли и деятельности, а не только принимается или предполагается, как истина» [Карсавин 1915, 5].

В динамике изменений Карсавин выделяет личности и группы «религиозного фонда». Носителей средне-пропорциональных элементов он называет «средним человеком», «средней группой» и т.д. общего религиозного фонда, где ряд средних людей с такой «живой верой» являются как бы рядом построенных на различных основах систем, частью из тех же элементов [Карсавин

1915, 12]. Личностью, определившей среднюю величину и духовно-этическую меру, в этой системе оказывался Франциск из Ассизи и его Орден. Живая вера Франциска выступает как высшая точка религиозно-нравственных чувствований и исканий всей эпохи. Подражание и следование за Христом было для него не столько идеей, сколько свободным проявлением воли к благу в смиренности, в проявлении милосердия, в любви и духовной радости. Карсавин подчеркивает: «Франциск – исключительно религиозная натура. Но все стили его природы не трудно найти в современности. Поэтому он приводит нас к религиозной жизни масс, позволяет почувствовать могучую силу традиционной веры и традиционного культа» [Карсавин 1912, 302].

Поставленный у Карсавина вопрос о природе религиозной жизни, развёрнутый в проблему, «правильно ли сближение ортодоксального и еретического течений», обретает вполне положительное решение для данного периода становления европейской цивилизации на примере группы верующих св. Франциска. Другая сторона проблемы – «во взаимоотношениях крайнего и умеренного религиозно-моральных идеалов» [Карсавин 1912, XIX–XX], где «умеренный идеал» предполагает умеренную или среднюю меру при оценке деяний верующего, то есть, по Карсавину, предполагает «среднего человека» как религиозно и морально обоснованную норму.

Понятие «середины» – категории в «Никомаховой этике» Аристотеля – известно по Иоанну Кассиану и Максиму Исповеднику через Бернарда Клервоского, а с начала XIII в. – по переводам «Никомаховой Этики» на латинский язык. Так что источником понятия «середины» для Карсавина могли быть как Бернард, труды которого он хорошо знал и много цитировал, так и высказывания отцов Церкви на этот предмет. Кроме того, коллега Карсавина по университету и научным сборникам 1918–1922 гг. петербургский профессор Э.Л. Радлов был признанным переводчиком «Никомаховой этики» Аристотеля (1908) в учёных кругах Петербурга.

Франциск – *homo simplex et idiota*¹, вера которого традиционна, венцом деяний которого выступает *sequela Christi*²; он и его Орден Меньших Братьев – верующие с исключительно выраженными религиозно-моральными качествами. Они соединяют Европейскую цивилизацию с античным Средиземноморьем.

«Откровения блаженной Анджелы да Фолиньо»

Проблема религиозности определялась у Карсавина не только временем (XII–XIII вв.), но и местом (Италия), где она проявилась с наибольшей глубиной в судьбах мистиков в самых неожиданных ракурсах и прихотливых религиозных формах. В свете этих суждений мистическая фигура Анджелы из Фолиньо выглядит не столь необычной, и перевод её «Откровений» кажется даже вполне обоснованным.

Определяя религиозную мистику как «чувствования таинств и Божьих откровений, порывы веры и переливы метафизических и мистических сил,

¹ «Человек необразованный и простой» (лат.).

² «Следование за Христом» (лат.).

восхищений и сладость благодатного присутствия Божья», Карсавин приходит к выводу, что такая вот религиозность в её общем понимании не даёт гармонии веры и разума: «Религиозность XII–XIII века – предел средневековой религиозности, встаёт перед нами, как хаос вечно борющихся сил, – писал он в докторской диссертации в 1915 году. – Он [хаос] вечно волнуется, пытается вылиться в одну систему и выливается во множество противоречивых – “oportet et haereses esse”³ – он верный показатель напряжённости религиозного сознания. Но где найти руководящее начало, как уравновесить и примирить борющиеся силы?» [Карсавин 1915, 290].

На подобные вопросы учёного наталкивала не только религиозность в истории, но и действительность XX в. в Российской империи. Это полная недееспособность имперской власти, приведшая к поражению в мировой войне, революционные брожения в народе, медленные реформы в государстве и набирающая обороты поляризация общественной жизни, нищета масс и разгул преступности в Санкт-Петербурге. А потом в 1918 году, в момент окончания перевода «Откровений бл. Анджелы», действительность опрокинулась в варварство, в дикий хаос гражданской войны и красного террора, хлынувших на поверхность общественной жизни. Как захват и разграбление Рима в 410 г. перед глазами Августина отринули его уверенность в силе и величии Вечного Города и вызвали непреодолимое желание обратить взор к небу и искать гармонию в *Civitas Dei*, так обращение к «Откровениям бл. Анджелы» и перевод “*Liber Lelle*”⁴ на русский язык – это, пожалуй, свидетельство такого же потрясения и осознания поражения, а также стремления Льва Карсавина обратить взор к небу в канун падения европейских начал в России.

Итак, францисканский мистицизм, тяготеющий к идеалу *ecclesia primitiva*⁵ с идеей подражания и следования за Христом, буквальным исполнением заповедей послужил питательной средой для первого, да и для второго поколений мистиков, к которым следует отнести Бонавентуру и неучёную Анджелу из Фолиньо. Это был новый взгляд на мир, резко отличный от взглядов св. Бернарда на Божественное и земное творение. Мы находимся в моментах рождения Европы и приближаемся к эпохе Ренессанса в литературе, философии и искусствах. В небольшом очерке идей Карсавина на эту тему, надеемся, нам удалось сделать набросок признаков и особенностей рождения Европы, трансформации христианства из Средиземноморской в новую цивилизацию, что кажется важным для всех христиан в период становления глобальных перспектив жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

Карсавин 1911 – *Карсавин Л. П.* Магнаты конца римской империи (Быт и религия) // К двадцатипятилетию учёно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса. Санкт-Петербург, 1911. С. 1–62.

³ 1 Кор 11:19 (лат.).

⁴ «Книга Лелле» – другое название «Откровений блаженной Анджелы» по недавно найденной древнейшей латинской рукописи нач. XIV века.

⁵ «Простая церковь» (лат.).

- Карсавин 1912 – *Карсавин Л. П.* Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Часть СХII. Санкт-Петербург, 1912.
- Карсавин 1915 – *Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии // Записки историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета. Часть СХХХV. Петроград, 1915.
- Карсавин 1918 – Откровения блаженной Анджелы / Пер. с лат. Л. П. Карсавина. Москва, 1918.
- Haskins 1928 – Haskins C. H. *The Renaissance of the Twelfth Century.* Harvard, 1928.
- Jourdain 1843 – Jourdain A. *Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines d'Aristote, et sur des commentaires grecs ou arabes employés par les docteurs scolastiques.* Paris, 1843.
- Le Goff 2005 – Le Goff J. *The Birth of Europe.* Transl. into English by J. Lloyd. Blackwell, 2005.

REFERENCES

- Jourdain 1843 – Jourdain A. *Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines d'Aristote, et sur des commentaires grecs ou arabes employés par les docteurs scolastiques.* Paris, 1843.
- Haskins 1928 – Haskins C. H. *The Renaissance of the Twelfth Century.* Harvard, 1928.
- Karsavin 1911 – Karsavin L. P. *Magnates at the End of the Roman Empire (Life and Religion). To the Twenty-fifth Anniversary of Ivan Mikhailovich Grevs' Scholarly and Pedagogical Activities.* St. Petersburg, 1911. Pp. 1–62. In Russian.
- Karsavin 1912 – Karsavin L. P. *Essays on Religious Life in Italy in the 12th-13th Centuries. Notes of the History and Philology Department of the Imperial St. Petersburg University.* Part 112. St. Petersburg, 1912. In Russian.
- Karsavin 1915 – Karsavin L. P. *The Foundations of Medieval Religiosity in the 12th-13th Centuries, Primarily in Italy. Notes of the History and Philology Department of the Imperial Petrograd University.* Part 135. Petrograd, 1915. In Russian.
- Karsavin 1918 – *Il libro della Beata Angela da Foligno.* Transl. into Russian by L. P. Karsavin. Moscow, 1918.
- Le Goff 2005 – Le Goff J. *The Birth of Europe.* Transl. into English by J. Lloyd. Blackwell, 2005.

Информация об авторе / Information about the author

Александр Анатольевич Клецов

кандидат философских наук,
независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: a.klestoff@mail.ru

Alexander A. Klestov

Cand. Sci. (Philosophy),
Independent Researcher, St. Petersburg, Russia.
E-mail: a.klestoff@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ СМЫСЛОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ПЕРМИ

В. Ю. Козлова

Исторический парк «Россия – Моя история. Пермский край», Пермь, Россия
veronikakozlova2011@yandex.ru

Аннотация. В статье приведены результаты исследования кодов городской идентичности Перми, в ходе которого были выявлены основные смыслы и символы, отражающие специфику развития города. Приведён анализ того, как символические объекты представляют ключевые смыслы города в его пространстве. Рассмотрено то, каким образом в городе представлена история, экономика и культура. Показано, что возникновение города слабо визуализировано, а Великая Отечественная война наиболее ярко, причём не только в центре, но и во всех районах. Экономика города – это транспорт и промышленность, а культура – театр + университет + наследие края. Прежде всего эти смыслы представлены архитектурными памятниками. Кроме того, проанализирована визуализация такого смысла, представляющего образ жизни горожан, как природа + культура. Он отражается в сочетании культурных учреждений и парковых зон, а также представлен на старейшем городском некрополе. Важнейшим смыслом Перми является Кама, которая сама себя и визуализирует. Этот смысл представлен на городской набережной, реконструкцию которой планируют завершить к 300-летию города.

Ключевые слова: городская идентичность, смыслы, символы, архитектура, природа, Кама.

FEATURES OF VISUALIZATION OF KEY MEANINGS IN THE SPACE OF PERM CITY

Veronika Yu. Kozlova

Historical Park “Russia – My History. Perm Krai”, Perm, Russia
veronikakozlova2011@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a code research of Perm’s urban identity, during which the main meanings and symbols reflecting the specifics of the city’s development were identified. The article analyzes how symbolic objects represent the key meanings of the city in its space. The author considers how history, economy and culture are represented in the city. The author shows that the appearance of the city is poorly visualized, but the Great Patriotic War is visualized vividly, and not only in the center. The economy of the city is transport and industry, and its culture – theater + university + heritage of the region. First of all, these meanings are represented by architectural monuments. In addition, the article analyzes the visualization of such a meaning reflecting the nature + culture lifestyle of citizens. It is reflected in the combination of cultural institutions and

park areas, and is also represented on the oldest city necropolis. The most important meaning of Perm is Kama, which visualizes itself. This meaning is presented on the city embankment, the reconstruction of which ends on the 300th anniversary of the city.

Keywords: urban identity, meanings, symbols, architecture, nature, Kama.

В 2023 году Пермь отмечает 300-летие, однако до сих пор нет ясного понимания, что это за город, в чём его особенности и преимущества. Для выявления основных смыслов Перми был проведён цикл проектных семинаров с экскурсоводами города, в ходе которого выявлено несколько ключевых смыслов, раскрывающих особенности его развития и созданы предварительные схемы смысловых систем. В ходе следующего цикла были определены все символы, создающие визуальный образ города, применительно к четырём историческим эпохам развития города: Егошихинский завод, Губернская Пермь, Советская Пермь и Современная Пермь. Среди них – архитектурные задания и сооружения, городские пространства, памятники и визуальные образы. Сопоставление полученных результатов позволило выявить особенности визуализации ключевых смыслов Перми в городском пространстве [Козлова 2020]. Стоит отметить, что данные смыслы слабо читаются в городской среде, хотя почти на каждый смысл приходится большое количество символов.

Несмотря на то, что в следующем году Пермь готовится отметить своё 300-летие, до сих пор не утихли споры о дате основания города. Одни считают начало города от основания Егошихинского медеплавильного завода, другие – от момента преобразования его указом Екатерины II в губернский город. От Егошихинского завода почти не осталось символов. Самым наглядным из сохранившихся объектов является памятник Василию Никитичу Татищеву как основателю завода и города. Место, где находился завод, расположено сейчас в логу реки Егошихи и никак не обозначено как историческое. Уникальное событие российской истории – превращение заводской слободы в губернскую столицу – представлено сегодня только Петропавловским собором, старейшим каменным зданием города. Но и он не восстановлен после разорения окончательно – нет колокольни. Одна из важнейших проблем города состоит в том, что практически нельзя показать место, откуда он начинался.

Сложная история административного статуса города, прошедшего путь от губернской столицы через районный центр Свердловской области до столицы Пермского края, отражена в основном через здания, в которых в разное время размещались органы власти. Наиболее насыщенным с точки зрения смыслов является здание Пермской городской думы. Оно было построено как Казённая палата, и именно в нём находилась квартира императора Александра I во время его пребывания в Перми. Это здание уцелело после разрушительного пожара 1842 года. В советское время здесь находился Горисполком, а с 1990-х годов Городская дума. Наиболее заметным в городском пространстве является бывший Дом Советов, построенный на городской эспланаде. Это здание было построено в начале 1970-х годов

и является ярким образцом поздней советской архитектуры. Оно как бы нависало над городом, демонстрируя власть. Здание видело митинги времён перестройки, здесь выступал Б.Ельцин, а сейчас размещается законодательное собрание Пермского края. С момента проведения перед ним фестиваля «Белые ночи» и размещения ледового городка оно стало терять доминантное положение и превращаться в декорацию городских событий.

Наибольший след в развитии города оставили две войны – Гражданская и Великая Отечественная. Первая была единственной, когда боевые действия велись непосредственно в городе, который брали сначала колчаковцы, затем Красная армия. Но эти трагические события почти не видны в городе: единственным местом, где они представлены, является сквер имени Решетникова, в котором находится монумент «Героям Гражданской войны». В июне 2022 года на территории сквера появился памятник Михаилу Александровичу Романову, расстрелянному в Перми в 1918 году. Таким образом в одном пространстве визуализирована трагедия Гражданской войны. Из сквера виден железнодорожный мост через Каму – тоже жертва войны. Он был взорван колчаковцами при отступлении. Это, вместе с затоплением камского флота и разорением Мотовилихинского завода, привело к уничтожению экономики города.

Великая Отечественная война, несмотря на то, что это было тяжелейшее время, когда город принял сотни тысяч эвакуированных, десятки заводов, учреждения и деятелей культуры и образования, стала импульсом для дальнейшего развития. Это единственный смысл, визуализированный большим количеством памятников, главным среди которых является «Единство фронта и тыла». Боевой подвиг пермяков отражает монумент в память об Уральском добровольческом танковом корпусе, а подвиг труженников тыла соответствующий памятник. В архитектуре визуализирована культурная эвакуация в квартале у Оперного театра: сам театр представляет собой символ эвакуации в город Ленинградского театра оперы и балета, поскольку пермские артисты уступили единственный театр ленинградцам, а сами работали в городах области. Рядом расположено здание гостиницы «Центральной», где, кроме артистов театра, жили в эвакуации многочисленные композиторы, писатели, художники и другие лучшие деятели культуры страны. Они называли гостиницу «Семиэтажка». Жители «семиэтажки» давали концерты и встречались с горожанами в здании областной, сейчас городской, библиотеки. Это было культурное сердце города.

Экономический смысл Перми также не однозначен. Принято называть Пермь промышленным центром, однако с исторической точки зрения это не совсем верно. В губернский период основой экономического роста был транспорт. Город появился благодаря удобному месту, где сходились сухопутные пути и главный речной путь – Кама. В дальнейшем добавилось железнодорожное сообщение. Символом Перми как транспортного центра может служить современная площадь, где расположены железнодорожный вокзал Пермь I и здание бывшего Речного вокзала. Это историческое место, откуда начиналась Пермь, и именно здесь находилась самая удобная на Каме пристань и гостиный двор, где велась бойкая торговля

ещё в Егошихинском заводе. Вместе с Сибирским трактом это стало одним из основных важнейших факторов превращения поселения в губернский город. После строительства железнодорожного вокзала площадь стала самым удобным в России местом пересадки с речного транспорта на железнодорожный. Построенный в 1940 году Речной вокзал считался вторым после Московского по архитектурным достоинствам и удобству. В годы Великой Отечественной войны оба вокзала стали основными эвакуационными пунктами, в которых были эвакуогоспитали. В послевоенные годы в Перми очень активно развивался речной транспорт, однако в 1990-е речное судоходство было фактически ликвидировано, Речной вокзал стал разрушаться. Первой попыткой вдохнуть в него новую жизнь стало размещение в нём Музея современного искусства ПЕРММ. Здание функционировало, но не ремонтировалось и стало разрушаться, как и вокзал Пермь I. К открытию в зданиях Исторического парка «Россия – Моя история» в 2017 году оба здания были отреставрированы.

Транспортная составляющая была представлена и предприятиями по строительству и ремонту речных судов и железнодорожных составов. Крупнейшими из них были железнодорожные мастерские, расположенные рядом с вокзалом Пермь I. До 2018 года здесь работал вагоноремонтный завод, а затем территория была выкуплена правительством Пермского края для размещения культурного кластера. Таким образом, несмотря на то, что визуальный облик площади во многом сохранён, назначение зданий кардинально поменялось, что способствует размыванию смысла.

Промышленные предприятия играли важную роль в развитии города. Жители города знают, прежде всего, два завода. Первый – Мотовилихинский. Это старейшее предприятие города, основанное ещё в 1736 году как медеплавильный завод. До середины XIX века он был казённым горным заводом, затем стал крупнейшим артиллерийским предприятием, каким и оставался до конца 1990-х годов. Главный визуальный символ завода – музей под открытым небом, где представлена основная продукция. Главным экспонатом является пермская царь-пушка 1878 года выпуска, которая почти на тонну тяжелее московской. В годы Великой Отечественной войны здесь была выпущена каждая четвёртая пушка, которая била по врагу. Второе важнейшее предприятие – Пермские моторы. Оно строилось при помощи всей страны в начале 1930-х годов как одно из крупнейших в мире. В военные годы здесь было изготовлено более половины моторов для военных самолётов. Сегодня завод производит известные российские двигатели ПД-14 для самолётов МС 21. Символом предприятия является памятник «Миг на взлёте», расположенный перед проходными завода.

Если говорить о том, что такое культура в представлении пермяков, то первым всегда называют театр, что имеет своё объяснение. В середине XIX века пермяки влюбились в театр, их даже называли «опероманами». Чтобы построить каменное здание театра, горожане собрали две трети необходимой суммы. Именно здание Театра оперы и балета является основным символом культуры города, несмотря на то, что оно было перестроено в 1957 году. Ещё одним важным театральным зданием является здание Драматического театра.

Второй составляющей пермской формулы культуры является университет. Образование и образованность были важной чертой города во все времена [Аванесов 2019, 269–270; Филимонова 2020, 84], но открытие в городе первого на Урале университета стало ключевым событием, которого город добивался более 20 лет. Университет стал квинтэссенцией городской науки и образования, прародителем почти всех высших учебных заведений города. Не случайно, что сейчас уже они являются университетами – педагогическим, медицинским, аграрно-технологическим. Их главными зданиями стали сооружения, которые были отданы под университет в 1916 году, или здания бывших гимназий. Семью университетов дополнил появившийся в 1960-е годы Политехнический университет.

Безусловно, вся культура Перми не исчерпывается этими смыслами, но они помогают понять особенность города. Ещё одна важнейшая черта культуры Перми – это сохранение и представление древней культуры Пермского края. Основным примером здесь можно считать Пермскую художественную галерею, которая сама по себе является одним из самых узнаваемых символов города. Нередко именно силуэт этого здания, которое было кафедральным собором Пермской епархии и преемником древнего Пыскорского монастыря, представляет Пермь. Хранящуюся в галерее уникальную коллекцию пермской деревянной скульптуры нередко ассоциируют с историей города, хотя она была собрана из храмов со всего края. Горожане не всегда различают культуру самого города и культурные явления древней Пермской земли, например, пермский звериный стиль.

Ещё одна черта пермской культуры – наследие Пермской культурной революции, прежде всего различные арт-объекты. Какие-то из них пропали с улиц города (например, красные человечки), какие-то остались, но продолжают вызывать споры (например, Пермские ворота), какие-то были приняты пермяками и стали известны за пределами города (например, «Счастье не за горами»). Такая непростая ситуация сложилась с визуализацией пермской культуры.

Нами был выявлен смысл, характеризующий образ жизни пермяков, – «природа + культура». Он полностью относится к губернской Перми. Данный смысл, в частности, выражается в высказывании «летом Кама – зимой опера»: рубежом смены сезонов служил ледоход, после которого горожане устремлялись на пароходы и на дачи. В советское время тенденция сохранилась. Сегодня лето – это время, когда жители города активно посещают природные достопримечательности края. Удивительным образом этот смысл отразился в городском пространстве, поскольку почти перед всеми учреждениями культуры расположены скверы. Эталоном стал Театр оперы и балета, рядом с которым разбили парк на месте разрушенного в 1929 году гостиного двора. Затем, когда в районах города строили дворцы культуры, почти перед каждым разбивали скверы и парки. Этот смысл также визуализирован в старейшем городском кладбище – Егошихинском некрополе. Здесь были похоронены почётные горожане и руководители города XVIII–XIX веков, известные россияне, умершие в Перми. Здесь же находится одна из старейших церквей, воинское захоронение и памятник Скорбящей, а также памятный знак

жертвам политических репрессий. Есть намерение превратить некрополь в парк, тем более что через него можно попасть в долину реки Егошихи – фрагмент дикой природы в центре города.

Важнейшим смыслом Перми является Кама, которая сама себя и визуализирует. Сложность в актуализации данного смысла состоит в том, что Кама делит город на две части почти по прямой, поэтому, чтобы увидеть Каму, нужно ехать на набережную. Но ещё в начале XX века было построено препятствие на пути к реке – полотно железной дороги, которое до сих пор приходится преодолевать. Вторая сложность заключалась в том, что состояние набережной долгое время являлось плачевным. Обустроенная в конце 1960-х годов, к началу 90-х она пришла в полный упадок. Более 20 лет город ждал, когда центральная набережная станет удобной и современной. К 300-летию это состоится. Набережная – это основное городское пространство Перми; ещё в XIX веке излюбленным делом пермяков было любоваться на Каму, на её просторы. В центре города представлены два разных берега, из центра виден городской пляж, леса, незначительная застройка, с правого берега – основной открыточный вид города. Вид на левый берег, где расположен исторический центр, всегда был визитной карточкой города.

Хотя почти все символы, раскрывающие ключевые смыслы Перми, находятся в пределах исторического центра, их логика и взаимосвязь размыты, что не позволяет сложиться единому городскому тексту.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2019 – Аванесов С. С. Университет и формирование урбанистической реальности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3 (21). С. 268–276.
- Козлова 2020 – Козлова В. Ю. Проблемы визуализации пермских смыслов в городском пространстве Перми // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Великий Новгород, 2020. С. 239–248.
- Филимонова 2020 – Филимонова О. Ф. Городская идентичность: пространственные и ментальные измерения // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Великий Новгород, 2020. С. 80–90.

REFERENCES

- Avanesov 2019 – Avanesov S. S. University and Formation of Urban Reality. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 3 (21). Pp. 268–276. In Russian.
- Filimonova 2020 – Filimonova O. F. Urban Identity: Spatial and Mental Dimensions *Visual Anthropology – 2019. City-University: Living Space and Visual Environment*. Veliky Novgorod, 2020. Pp. 80–90. In Russian.
- Kozlova 2020 – Kozlova V. Yu. Problems of Visualization of the Permian Meanings in Perm Urban Space. *Visual Anthropology – 2019. City-University: Living Space and Visual Environment*. Veliky Novgorod, 2020. Pp. 239–248. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author**Вероника Юрьевна Козлова**

кандидат исторических наук,

главный научный сотрудник.

Исторический парк «Россия – Моя история. Пермский Край»,

Пермь, Россия.

E-mail: veronikakozlova2011@yandex.ru

Veronika Yu. Kozlova

Cand. Sci. (Historical Sciences),

Chief Researcher.

Historical Park «Russia – My History. Perm Krai», Perm, Russia.

E-mail: veronikakozlova2011@yandex.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-107-113>

РИСОВАНИЕ КАК АНТРОПОПРАКТИКА: ОБРАЗЫ И ЗНАКИ В МИРЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ

В.Л. Круткин

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

krutkin1@yandex.ru

Аннотация. Изменение мира включает в себя и практики трансформации человека. В антропопрактике субъектом и объектом преобразований является одно и то же существо. В этих практиках можно выделить материальные и символические составляющие, последние можно подразделить на образы и знаки. Визуальные образы даются в форме изображений. В статье рассматривается способность человека создавать изображения и рассматривать их. Все окружающие нас артефакты, прежде чем они были созданы, должны были быть нарисованы. Рисование имеет древние корни, но в гуманитарных исследованиях эта способность оказалась мало востребованной. В статье рисование рассматривается как часть процесса одомашнивания пространства и времени. Процессы мимесиса (порождение образов) и семиозиса (порождение знаков) участвуют в формировании значимых антропологических качеств человека. Рассматриваются когнитивные и экзистенциальные функции изображений. Опираясь на знаки, человек познаёт мир. Опираясь на образы (а они входят в образ жизни), человек живёт в этом мире. Освоение социальных пространств в форме образов происходит путём их расширения, это выводит за границы «чтения образов». Исследования Номо pictor – это не узкая область эстетического опыта или художественного воспитания, это проблема философской онтологии и антропологии.

Ключевые слова: мимесис, семиозис, образ, знак, рисунок, доместикация пространства презентация, репрезентация.

DRAWING AS AN ANTHROPOLOGICAL PRACTICE: IMAGES AND SIGNS IN THE WORLD OF PICTURES REPRESENTATIONS

Victor L. Krutkin

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

krutkin1@yandex.ru

Abstract. Changing the world also includes the practices of human transformation. In anthropopractices, the subject and object of transformations are the same being. In these practices, material and symbolic components can be distinguished, the latter can be divided into images and signs. Visual images are given in the form of pictures. The article examines the ability of a person to create images and view them. All the artifacts surrounding us had to be painted before they were created. Drawing has ancient roots, but this abil-

ity has proved to be in little demand in humanitarian studies. In the article, drawing is considered as part of the process of domestication of space and time. Processes of mimesis (generation of images) and semiosis (generation of signs) participate in the formation of significant anthropological qualities of a man. The cognitive and existential functions of images are considered. Relying on signs, a person learns the world. Relying on images (and they are part of the mode of life), a person lives in the world. The development of social spaces in the form of images takes place by expanding them, this goes beyond the boundaries of “reading images”. Study of Homo Pictor is not a narrow field of aesthetic experience or artistic education, it is a problem of philosophical ontology and anthropology.

Keywords: mimesis, semiosis, image, sign, drawing, space domestication presentation, representation.

Способность людей создавать и рассматривать изображения даёт о себе знать в Европе со времени появления здесь нынешнего вида Homo. Ни одно из эволюционно близких к нам существ не создаёт и не рассматривает изображения. Изображение, по замечанию М. Ямпольского, является посредником между человеком и его миром, это необычное образование, в котором линии и пятна, с одной стороны, способны имитировать формы мира, а с другой стороны, могут превращаться в знаки [Ямпольский 2019, 6]. Изображения занимают важное место в культурном ландшафте, они могут быть как рукотворными, так и техногенными. Это, например, карты, схемы, графики, фотографии, фильмы, комиксы, компьютерные игры, живопись [Maunard 2005]. Они могут следовать за артефактами, а могут их превосходить. Образы и знаки выступают продуктами процессов мимесиса и семиозиса. Если первое охватывает отношения между внутренней и внешней реальностью, то второе относит к отношению между знаками и их референтами. И образы, и знаки вовлечены в коммуникативные процессы. [Аванесов 2013]. Работы, посвящённые истории учений о мимесисе, относительно немногочисленны [Смирнов 2020; Potolsky 2006], однако уже в этих работах были обозначены важные подходы.

Ч. Пирс ввёл понятие иконического знака, особенность которого состоит в его визуальном сходстве с референтом. Это создало возможность трактовать появление изображения как итог трансформации знака. Изображения тогда выступают продуктом эволюции человеческого познания. Я. Дэвидсон считает, что «в семиотических терминах нам нужно искать знаки-индексы, которые могли бы рассматриваться как таковые и трансформироваться в иконические знаки. Именно эта трансформация знаков лежит в основе происхождения изображений» [Davidson 2013, 29].

Цели познания достигаются усилиями интеллекта. Но для создания изображения нужны не просто интеллектуальные усилия, требуются телесные действия. Камень в руке и следы его ударов на скале – вот путь к изображению. Изображение может и напоминать какой-то объект, но цель возникающего изображения отнюдь не копирование объекта. Копировать можно изображение, но не объект. Если мы признаём целью познания истину, то сразу обнаружится, что изображения будут скорее помехой

на этом пути. Изображения всегда избирательны, в них что-то включается, а что-то исключается. Рассматривать изображения как продукт эволюции познания – значит игнорировать его важнейшее свойство: как пишет М. Ямпольский, «неистинность – одно из главных онтологических качеств изображения» [Ямпольский 2019, 21].

Мимесис в античности рассматривался как уподобление, как отношение по вертикали двух вещей, одна из которых выступает в роли образца. У Платона искусство оценивается негативно, ибо художники не приближают нас к истине, они создают лишь копии копий. Но в XXI веке мимесис понимается уже совершенно иначе: он рассматривается как отношение двух деятелей, двух свобод [Зенкин 2020], при этом изображение перестаёт нуждаться в изображаемом предмете.

В этой связи К. Уолтен, например, предлагает рассматривать мимесис не как копирование, но как производство и принятие убеждений, как это происходит, например, в игре. И обязательным правилом горизонтального мимесиса является принятие условных обстоятельств как самых реальных. Детское выражение «понарошку» не будет лишним, и упоминание детского лексикона не будет принижением проблемы [Walton 1990]. В этой связи известен афоризм, который приписывают А. Эйнштейну: «Тайна атома – детская игра по сравнению с тайной детской игры».

Вот как различает образы и знаки Стефан Бейст: «Мы имеем дело с образом, когда воспринимаем нечто там, где на самом деле есть либо нечто другое (например, холст), либо там вообще ничего нет (образы сновидений). <...> Знак – это сенсорная конфигурация, которая функционирует как замена чего-то другого – объекта, идеи, положения вещей и т.д., являющегося референтом или значением; <...> изображение – это то, что хочет быть созерцаемым: мы не реагируем на него иначе, как продолжая смотреть на него. Со знаком дело обстоит совершенно иначе: как только он распознан, мы перестаём его созерцать» [Beyst 2010].

Основанием рукотворных изображений выступает рисунок. В нём представлены два начала – рисунок одновременно факт и акт. Рисунок можно описать как объект, но в то же время рисунок можно описать как действие. Вслед за Ф. Роусоном мы можем сказать, что «рисунок создаётся с помощью движущейся точки», оставляющей след своего перемещения в виде линии. Ф. Роусон считает, что рисование является наиболее субъективным видом визуальной выразительности. Природа может вдохновлять нас цветами ландшафта, побуждать к состязанию, но природа нигде не показывает нашим глазам линии и отношения между линиями, которые являются исходным материалом для рисования» [Rawson 1987, 322]. Работы философов, которые являются ещё и художниками, важны для нашей темы. Так, Д. Бёрджер отмечает, что импульс нарисовать что-то во многом имеет иррациональную природу, что мы часто преувеличиваем интенциональность создателя изображений [Бёрджер 2012, 113–116].

Говорить об изображениях – это обязательно касаться природы того, кто их создаёт. Мари-Жозе Мондзен считает, что эта фигура берёт начало со времён палеолита. Жесты прежнего существа оказываются абсолютно непригодными «с того самого момента, как рука и рот начинают служить

другому голоду, голоду символов и знаков» [Mondzain 2010, 308]. Человек вписывается в мир, считает она, не по законам природы, но посредством символических операций, «операции по созданию образов делают это вписывание возможным». Пещеры с росписями – это не просто филиалы музеев, это своеобразные родильные отделения, где на свет появлялись новые существа. Изобразительные свершения на сводах пещер были условием превращения людей в зрителей с новой ролью говорящих и желающих субъектов.

Принято подчёркивать особую роль инструментов в становлении человека. Андре Леруа-Гуран уточнял эти утверждения: «Человеческая фактичность по преимуществу состоит не столько в создании инструментов, сколько в одомашнивании времени и пространства, т.е. в создании человеческого времени и пространства» [Leroi-Gourhan 1963, 313]. Человек, выбравший вертикальное хождение, освободившее руки, способен отделять инструменты от своего тела. Цепочка операций с предметами является выражением знаний и переживаний, умений, эмоций и чувств, здесь связываются движения и восприятия. Техника – это одновременно инструменты, восприятия и жесты, организованные в определённой последовательности; такой синтаксис придаёт сериям действий как стабильность, так и гибкость [Leroi-Gourhan 1963, 231–233]. Техника рисования опирается на такие действия. А. Гелл развивал идею технологии изображений, которая нацелена на обретение особой доверительности в отношении между людьми и высшими существами. Это “enchantment” – технология обаяния, очарования, магии [Gell 1988].

Практическое преобразование мира даёт начало культуре как программе деятельности. На базе знаков языка формируется разум и познание. На базе визуальных образов формируется другой тип разума, умение которого опирается на действия глаз и рук. Способность различать и обобщать есть уже в зрительном восприятии, умение рук раскрывается в способности видеть на ощупь, порождать линии, приводить их в связь [Ingold 2015]. Способность создавать изображения позволяет вводить абстракцию «человека рисующего» – *Homo pictor*. Ганс Йонас отмечал, что в этой абстракции объединяются черты *Homo sapiens* и *Homo faber*. [Jonas 1962, 218].

Х. Плеснер высказывал идею о способности человека к «эксцентричной позиционности». Человек способен отказаться от ситуации, когда единственной точкой отсчёта выступает ситуация «здесь и сейчас». Человек наделён «способностью фокусироваться на ситуациях, которых в настоящее время нет», в том числе на прошлых или будущих ситуациях, которые могут быть вымышленными, гипотетическими, противоречащими фактам. Но для этого нужна опора, несущая новый контекст: «антропологическая функция изображений состоит в том, чтобы передать первоначальное построение контекста» [Schirra & Sachs-Hombach 2013, 136].

Как пишет Х. Тилли, «быть человеком означает одновременно создавать расстояние между собой и тем, что находится за данными пределами, и пытаться преодолеть это расстояние с помощью различных средств [Tilley 1994, 17]. Изображение как действие – это попытки осуществления такого расширения. Размышление о ритмах и кодах городской жизни должно учи-

тывать связь разных антропопрактик [Розин 2017]. Думать о практиках, где возникают и рассматриваются изображения, следует вместе с такими, казалось бы, маргинальными видами деятельности, как чистописание, танец, мышление, молитва или колдовство [Элкинс 2010, 233]. Рассматривать изображения только как знаки, ставить задачу «чтения образов» – это брать их в неполном объёме, подчинять лингвистическому пониманию.

Г. Бём обращает внимание на эволюционные ступени, которые проходит образ в процессах мимесиса, – это присутствие, презентация и репрезентация. Начальное явление образа, отмеченное Х. Бельтингом [Belting 2005], – это «присутствие отсутствия». Образ складывается в связке «медиа – образ – тело». Образ – не просто ментальная, но живая составляющая опыта; именно это привносит тело. О презентации мы говорим тогда, когда в медиа (изображении) обнаруживают себя как подобие, так и различие с изображаемым объектом. О репрезентации мы говорим не как о возвращении отсутствующего, но скорее как об интенсификации или усилении его. Репрезентация определяет себя своими собственными границами, она уже опирается на рефлексию, не только размечает пространство, но вводит темпоральность [Voehn 2012].

Антропологическая функция изображения состоит в том, что рисующий человек не просто отображает мир, он расширяет его пространство своей версией этого мира, осуществляет его «одомашнивание»; он не просто говорит о реальности, он говорит о мире своей реальности, говорит вслед за своим говорением. Непростым является вопрос о видах рисованных изображений, поскольку сферы данных медиа пересекаются. Тем не менее они характеризуются отличающейся новизной. П. Мейнард отмечает среди них медиа, которые порождают феноменологию новой субъективности, и медиа, которые выступают в роли проективных технологий новых предметов. Кроме того, он выделяет сферу таких медиа, которые выступают прообразами эстетики новых изображений в искусстве [Maunard 2005].

Таким образом, можно заключить, что исследования «человека рисующего» – это не узкая область эстетического опыта или художественного воспитания, это проблема философской онтологии и антропологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2013 – Аванесов С. С. Визуальная антропология: образ, субъект и коммуникация // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (137). С. 229–235.
- Бёрджер 2012 – Бёрджер Дж. Блокнот Бенто: Как зарождается импульс что-нибудь нарисовать? / Пер. с англ. А. Асланян. Москва, 2012.
- Зенкин 2020 – Зенкин С. Н. Аффективный мимесис в искусстве // Миргород. 2020. № 1 (15). С. 137–152.
- Розин 2017 – Розин В. М. Понятие и типы антропопрактик // Человек.RU. 2017. № 12. С. 13–33.
- Смирнов 2020 – Смирнов И. П. Мимесис // Звезда. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/2/mimesis.html> (дата обращения: 13.09.2022).

- Ямпольский 2019 – *Ямпольский М. Б.* Изображение. Курс лекций. Москва, 2019.
- Bailey 1982 – *Bailey G. H.* Drawing and Drawing Activity: A Phenomenological Investigation. London, 1982.
- Belting 2005 – *Belting H.* Image, Medium, Body: A New Approach to Iconology // *Critical Inquiry*. 2005. № 31 (2). Pp. 302–319.
- Beyst 2010 – *Beyst S.* Mimesis and Semiosis. An Inquiry into the Relation between Image and Sign. May 2010. URL: <http://d-sites.net/english/mimesissemiosis.html> (date of access: 27.08.2022).
- Boehm 2012 – *Boehm G.* Representation, Presentation, Presence: Tracing the Homo Pictor // *Iconic Power: Materiality and Meaning in Social Life*. Ed. by J. C. Alexander, D. Bartmański, B. Giesen. New York, 2012. Pp. 15–23.
- Davidson 2013 – *Davidson I.* Origins of Pictures: An Argument for Transformation of Signs // *Origins of Pictures: Anthropological Discourses in Image Science*. Ed. by K. Sachs-Hombach, J. R. J. Schirra. Köln, 2013. Pp. 16–46.
- Gell 1988 – *Gell A.* Technology and Magic // *Anthropology Today*. 1988. Vol. 4. 2. Pp. 6–9.
- Ingold 2015 – *Ingold T.* The Life of Lines. London & New York, 2015.
- Jonas 1962 – *Jonas H.* Homo Pictor and the Differentia of Man // *Social Research*. 1962. Vol. 29. 2. Pp. 201–220.
- Leroi-Gourhan 1993 – *Leroi-Gourhan A.* Gesture and Speech. Cambridge (MA), 1993.
- Maynard 2005 – *Maynard P.* Drawing Distinctions: The Varieties of Graphic Expression. New York, 2005.
- Mondzain 2010 – *Mondzain M.-J.* What Does Seeing an Image Mean? // *Journal of Visual Culture*. 2010. Vol. 9 (3). Pp. 307–315.
- Potolsky 2006 – *Potolsky M.* Mimesis. New York, 2006.
- Rawson 1987 – *Rawson Ph.* Drawing. Philadelphia, 1987.
- Schirra & Sachs-Hombach 2013 – *Schirra J. R. J., Sachs-Hombach K.* Anthropological Function of Pictures // *Origins of Pictures. Anthropological Discourses in Image Science*. Köln, 2013. Pp. 132–159.
- Tilley 1994 – *Tilley C.* A Phenomenology of Landscape: Places, Paths and Monuments. Berg. Oxford (UK), Providence (USA), 1994.
- Walton 1990 – *Walton K.* Mimesis as Make-Believe: On the Foundations of Representational Arts. Cambridge (MA) & London, 1990.

REFERENCES

- Avanesov 2013 – *Avanesov S. S.* Visual Anthropology: The Image, The Subject and Communication. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013. 9 (137). Pp. 229–235. In Russian.
- Bailey 1982 – *Bailey G. H.* Drawing and Drawing Activity: A Phenomenological Investigation. London, 1982.
- Belting 2005 – *Belting H.* Image, Medium, Body: A New Approach to Iconology. *Critical Inquiry*. 2005. 31 (2). Pp. 302–319.
- Berger 2012 – *Berger J. P.* Bento's Sketchbook. How Does the Impuls to Draw Something Begin? Transl. into Russian by A. Aslanyan. Moscow, 2012.
- Beyst 2010 – *Beyst S.* Mimesis and Semiosis. An Inquiry into the Relation between Image and Sign. May 2010. URL: <http://d-sites.net/english/mimesissemiosis.html> (date of access: 27.08.2022).

- Boehm 2012 – Boehm G. Representation, Presentation, Presence: Tracing the Homo Pictor. *Iconic Power: Materiality and Meaning in Social Life*. Ed. by J. C. Alexander, D. Bartmański, B. Giesen. New York, 2012. Pp. 15–23.
- Davidson 2013 – Davidson I. Origins of Pictures: An Argument for Transformation of Signs. *Origins of Pictures: Anthropological Discourses in Image Science*. Ed. by K. Sachs-Hombach, J. R. J. Schirra. Herbert von Halem Verlag, 2013. Pp. 16–46.
- Gell 1988 – Gell A. Technology and Magic. *Anthropology Today*. 1988. Vol. 4. 2. Pp. 6–9.
- Iampolski 2019 – Iampolski M. Image. A Course of Lectures. Moscow, 2019. In Russian.
- Ingold 2015 – Ingold T. The Life of Lines. London & New York, 2015.
- Jonas 1962 – Jonas H. Homo Pictor and the Differentia of Man. *Social Research*. 1962. Vol. 29. 2. Pp. 201–220.
- Leroi-Gourhan 1993 – Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. Cambridge (MA), 1993.
- Maynard 2005 – Maynard P. Drawing Distinctions: The Varieties of Graphic Expression. New York, 2005.
- Mondzain 2010 – Mondzain M.-J. What Does Seeing an Image Mean? *Journal of Visual Culture*. 2010. Vol. 9 (3). Pp. 307–315.
- Potolsky 2006 – Potolsky M. Mimesis. New York, 2006.
- Rawson 1987 – Rawson Ph. Drawing. Philadelphia, 1987.
- Rozin 2017 – Rozin V. M. Concept and Types of Anthropopractices. *Chelovek.RU*. 2017. 12. Pp. 13–33. In Russian.
- Schirra & Sachs-Hombach 2013 – Schirra J. R. J., Sachs-Hombach K. Anthropological Function of Pictures. *Origins of Pictures. Anthropological Discourses in Image Science*. Köln, 2013. Pp. 132–159.
- Smirnov 2020 – Smirnov I. P. Mimesis. *Zvezda*. 2020. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/2/mimesis.html> (date of access: 13.09.2022). In Russian.
- Tilley 1994 – Tilley C. A Phenomenology of Landscape: Places, Paths and Monuments. Berg. Oxford (UK), Providence (USA), 1994.
- Walton 1990 – Walton K. Mimesis as Make-Believe: On the Foundations of Representational Arts. Cambridge (MA) & London, 1990.
- Zenkin 2020 – Zenkin S. N. Affective Mimesis in Art. *Mirgorod*. 2020. 1 (15). Pp. 137–152. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Виктор Леонидович Круткин

доктор философских наук,
профессор кафедры философии.
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия.
E-mail: krutkin1@yandex.ru

Victor L. Krutkin

Dr. Sci. (Philosophy),
Professor at the Philosophy Department.
Udmurt State University, Izhevsk, Russia.
E-mail: krutkin1@yandex.ru

«ПОВОРОТ К (НЕ)УЧАСТИЮ» В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОРОДАХ: ДИЛЕММА РЕАЛИЗАЦИИ «ПРАВА НА ГОРОД»

Е. В. Лебедева

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
elena_lebedeva_bsu@tut.by

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики городского участия в постсоветских городах (на примере Беларуси). Развитие партисипаторных практик городского управления способствует повышению качества городской среды, обеспечивает возможность реализации права граждан на местное самоуправление. Ключевым механизмом формирования локальных сообществ является низовая самоорганизация соседей по таким вопросам, как благоустройство двора, совместная организация местных событий. Ограничения возможностей низовой самоорганизации, а также внешний административный контроль за жизнью сообществ приводит к появлению различных парадоксов партисипации (в частности, формированию «вертикали городского участия»). В свою очередь, данные исследований показывают наличие взаимосвязи между устойчивой доверительной соседской коммуникацией и наличием чувства ответственности за свой город, городской самоидентификацией, а также готовностью предпринимать совместные усилия в случае возникновения трудностей, то есть способствует активизации городского участия. Важными факторами городского участия являются наличие чётких границ дворовой территории (физических или символических), устойчивых соседских сообществ, для которых характерна практика совместного времяпрепровождения, а также простые и понятные механизмы самостоятельного преобразования городской территории.

Ключевые слова: городская социология, постсоветские города, «право на город», городское участие, соседская коммуникация, локальные сообщества.

“(NON)PARTICIPATION TURN” IN POST-SOVIET CITIES: “RIGHT TO THE CITY” DILEMMA

Elena V. Lebedeva

Belarusian State University, Minsk, Belarus
elena_lebedeva_bsu@tut.by

Abstract. The article is devoted to the analysis of the urban participation key features in post-Soviet cities (on the example of Belarus). The development of participatory urban management can help to improve the quality of the urban environment, provides an opportunity to exercise the right of citizens to local self-government. The key mechanism for the local community's formation is the local self-organization of neighbors on issues such as landscaping the yard, joint organization of local events. Restrictions on the local

self-organization possibilities, as well as external administrative control over the community's life, lead to the emergence of various participation paradoxes (in particular, the “vertical of urban participation”). In its turn, the empirical data shows correlation between sustainable trusting neighborly communication and the sense of responsibility for one's city, urban self-identification, as well as willingness to make joint efforts in case of difficulties. Important factors of urban participation are presence of boundaries of the courtyard territory (physical or symbolic), sustainable neighborhood communities that are characterized by the joint spending time together, as well as simple and understandable mechanisms for the independent transformation of the urban territory.

Keywords: urban sociology, post-Soviet cities, “right to the city”, urban participation, neighborhood communication, local communities.

Тенденции по привлечению местного населения к активному участию в благоустройстве и развитию городских территорий в последние годы прослеживаются не только в западных городах, но и в постсоветских. Накопленный исследовательский и практический опыт показывает, что развитие и укрепление городских сообществ способствует не только повышению качества городской среды с меньшими временными и ресурсными затратами, но и становится хорошей альтернативой разрастанию аппарата муниципальной бюрократии, позволяя обеспечить возможность реализации права граждан на местное самоуправление [Mitchell 2003]. И, наоборот, если городские сообщества не проявляют активности в реализации своего права на качественную городскую среду, это ведёт к искажению принципов и целей долговременного развития всего города [Dellenbaugh et al. 2015]. В такой ситуации горожане часто становятся буфером между интересами государства и бизнеса, не имея достаточных сил для того, чтобы повлиять ни на то, ни на другое.

В Беларуси сложилась достаточно противоречивая ситуация с активностью городских сообществ. С одной стороны, как и во многих постсоциалистических городах, тут отмечается достаточно низкий уровень как доверия горожан друг к другу в целом, так и гражданской вовлечённости, в частности. Среди причин этого исследователи называют и специфику архитектурной застройки, которая способствует атомизации жителей, препятствует появлению городских сообществ и заботе горожан о тех пространствах и объектах, что находятся за пределами их частных квартир; и сформированный за долгий период жизни в советской обществе патернализм – привычку во всём полагаться на государство, как на могущественный, но в то же время дистанцированный от общества субъект; и коммуникативные барьеры между обществом, бизнесом и государством, образовавшиеся в сложный переходный период.

С другой стороны, политический кризис 2020 года запустил в Беларуси не встречавшиеся ранее процессы консолидации гражданского общества. В урбанистическом ракурсе это означало формирование и укрепление соседских сообществ, которые довольно активно стали заявлять своё право на управление городом. При этом характерной чертой белорусского акти-

визма 2020 года стал его низовой, децентрализованный характер – наряду с демонстрациями на центральных улицах, горожане стали активно собираться в собственных дворах, устраивать праздники, совместные чаепития. Можно было наблюдать интересную трансформацию локальной активности: начавшись с разного рода арт-интервенций (установка флагов, нанесение граффити и пр.), она быстро приобрела классические черты советского добрососедства – дворовые праздники, самостоятельно организованные спортивные турниры, коллективное благоустройство территории и пр.

Ещё одним важным фактором подъёма гражданской активности стала так называемая «Telegram-революция», пик которой пришёлся на осень 2020 года. Локальные сетевые площадки («соседские чаты») помогли соседям познакомиться друг с другом, скоординировать свои действия, доводить информацию о местных проблемах до коммунальных служб. При этом ключевым механизмом активизации локальных сообществ, закрепившим их границы *не только в онлайн, но и в офлайн среде*, стало участие горожан в различных практиках по благоустройству своего двора, а также организация местных событий («дворовых праздников»). Однако период расцвета Telegram-революции в Беларуси был довольно коротким – менее чем через год многие локальные Telegram-чаты, в том числе и сама интерактивная карта соседских чатов, были запрещены, их организаторы и участники привлечены к ответственности. Всё это происходило на фоне достаточно серьёзного административного контроля за жизнью горожан (запрет на любые самостоятельно организованные массовые мероприятия во дворах, принудительная ликвидация урбанистических инициатив и общественных объединений, активная организация прогосударственных акций по благоустройству с «добровольно-принудительным» вовлечением в них горожан). Такая ситуация привела к формированию довольно парадоксальной ситуации – *формированию «вертикали городского участия»* по линии «городские власти – коммунальные службы – жильцы» без поддержки устойчивых взаимосвязей в горизонтальной плоскости («жильцы – жильцы»).

В связи с этим возникает большое количество исследовательских вопросов о том, какую роль играет соседская коммуникация в реализации собственного «права на город»; какие именно формы горизонтального взаимодействия достаточны для того, чтобы горожане были вовлечены в происходящие социальные процессы; может ли городское участие быть полностью вертикальным, без наличия низовых инициатив, самоуправления и местного лидерства. На некоторые из них будут даны ответы в данной статье.

Эмпирической основой исследования стали результаты анкетного опроса, проведённого в трёх белорусских городах (Минск, Гродно и Бобруйск) в январе–феврале 2022 года. Всего было опрошено 800 человек (400 в Минске, 250 в Гродно и 150 в Бобруйске). Опрос проводился на квотной выборке, квоты определялись по полу, возрасту и уровню образования. Расчётная величина ошибки выборки не превысила 4,8 %. Вопросы анкеты раскрывали такие темы, как городской досуг, доверие горожан друг к другу, возможность участия в развитии города. В качестве дополнения использовался экспертный опрос (февраль 2022 года), в котором при-

няли участие 5 экспертов (специалисты в сфере архитектуры и градостроительства, имеющие опыт работы с локальными сообществами в Минске). Экспертное интервью было ориентировано на более глубокое понимание таких вопросов, как возможные сложности, связанные с благоустройством дворовых территорий, основные тенденции в этой сфере, а также соотношение усилий государства, бизнеса и общественности в решении возникающих проблем благоустройства.

Проведённые ранее исследования (2020–2021 годы) показали *взаимосвязь между состоянием соседской коммуникации и готовностью горожан участвовать в благоустройстве* [Лебедева 2021; Лебедева 2022]. Чем лучше отношения между соседями, чем чаще они общаются друг с другом (в том числе в «соседских чатах»), тем активнее горожане вовлекаются в различные практики по благоустройству своего двора. Так, среди горожан, охарактеризовавших свои отношения с соседями как плохие, никто не участвовал в благоустройстве двора, а 45,5 % отметили, что не планируют делать это в ближайшем будущем. Среди тех, кто не общается в чате со своими соседями, каждый третий не планирует участвовать в благоустройстве, а среди тех, кто общается, только каждый пятый. Следовательно, хорошие отношения между соседями благотворно влияют на мотивацию тратить собственные ресурсы на улучшение окружающей среды (как минимум, в границах собственного двора).

Возникает вопрос, можно ли масштабировать такие выводы на более значительные территории – квартала, района, всего города? Влияют ли доверительные отношения между горожанами на желание принимать активное участие в жизни города, влиять на управленческие решения, нести ответственность за состояние городской среды?

Одной из форм проявления «права на город» является участие в «производстве городского пространства» [Лефевр 2015]. Необходимым условием этого является *ощущение причастности к созданию городской среды*, понимание того, что внешний облик города зависит и от горожан, желание сохранить городское наследие. В ходе опроса респондентам задавался вопрос о том, чувствуют ли они ответственность за благоустройство и привлекательность своего города. Из общего числа опрошенных только 46,3 % горожан ответили на этот вопрос положительно. Однако если взять ответы горожан, которые ощущают поддержку в трудных жизненных ситуациях со стороны своих соседей, то уровень ответственности повышается до 71,9 % (таб. 1).

Таблица 1. Взаимосвязь внутригрупповой поддержки и чувства ответственности за внешний облик города

<i>Я ощущаю свою ответственность за благоустройство и привлекательность своего города</i>	<i>% от общего числа опрошенных</i>	<i>% от тех, кто ощущает поддержку со стороны своих соседей</i>
Да	46,3	71,9
Нет	27,7	9,3
Трудно сказать	25,1	18,7

Из всех респондентов всего 48,6% отметили ощущение гордости за свой город и желание передать это чувство своим детям. Но среди тех, кто чувствует поддержку со стороны своих соседей, гордятся малой родиной и хотят передать любовь к ней по наследству уже 74,0%. Из общего числа опрошенных 52,0% уверены в том, что горожане могут объединиться для решения каких-либо общих проблем, а среди тех, кто ощущает поддержку со стороны своих соседей, такая уверенность свойственна 77,0% респондентов (таб. 2, таб. 3).

Таблица 2. Взаимосвязь внутригрупповой поддержки и чувства гордости за свой город

<i>Я горжусь своим городом и хотел бы передать это чувство своим детям</i>	<i>% от общего числа опрошенных</i>	<i>% от тех, кто ощущает поддержку со стороны своих соседей</i>
Да	48,6	74,0
Нет	29,6	10,5
Трудно сказать	21,7	15,5

Таблица 3. Взаимосвязь внутригрупповой поддержки и возможности самоорганизации для решения возникающих проблем

<i>Жители нашего города могут объединиться для решения какой-либо общей проблемы</i>	<i>% от общего числа опрошенных</i>	<i>% от тех, кто ощущает поддержку со стороны своих соседей</i>
Да	52,0	77,0
Нет	25,4	10,8
Трудно сказать	22,6	12,2

Таким образом, наличие устойчивой доверительной соседской коммуникации оказывает непосредственное влияние и на чувство ответственности за свой город, и на готовность предпринимать какие-либо коллективные действия в случае возникновения трудностей, то есть способствует активизации городского участия. В свою очередь, для городских властей самоорганизация граждан – это «шанс на экономическую разгрузку и стабилизацию существующих систем представительной демократии» [Dellenbaugh et al. 2015].

Эксперты назвали определённые факторы, влияющие на активность горожан:

1. Чёткие границы дворовой территории – когда дворы закрыты, дома объединены в кварталы, есть ощущение границ «своей» территории и пр. Всё это способно значительно повысить уровень ответственности горожан и, следовательно, их мотивацию участвовать в благоустройстве.

2. Наличие устойчивых соседских сообществ – в такой ситуации интерес к вопросам благоустройства дворов, а также контроля за их состоянием формируется и сохраняется без каких-либо внешних воздействий.

3. Практика совместного времяпрепровождения соседей – традиции дворовых праздников, соседских чаепитий, что привлекает внимание горожан к дворовой территории как к потенциальному месту проведения свободного времени (продолжению своей квартиры).

4. Простые и понятные механизмы самостоятельного преобразования дворовой территории – отсутствие непреодолимых бюрократических барьеров для локальной активности, когда горожане знают, как и что они могут официально делать в своём дворе.

Подводя итог, отметим, что одним из ключевых элементов долгосрочного экономического роста, помимо действующих правовых институтов защиты частной собственности, отсутствия конфликта интересов в органах государственного управления, свободной торговли и пр., является солидарное общество как полноценный партнер по открытому диалогу с бизнесом и властью. И низовая городская самоорганизация на уровне собственного двора, квартала или города в целом является первым шагом формирования солидарности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лебедева 2021 – *Лебедева Е. В.* Городские сообщества как субъекты местного самоуправления: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 4. С. 123–139.
- Лебедева 2022 – *Лебедева Е. В.* «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1. С. 44–66.
- Лефевр 2015 – *Лефевр А.* Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. Москва, 2015.
- Dellenbaugh et al. 2015 – *Urban Commons: Moving Beyond State and Market.* Ed. by M. Dellenbaugh, M. Kip, M. Bieniok, A. Müller & M. Schwegmann. Basel, 2015.
- Mitchell 2003 – *Mitchell D.* The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York, 2003.

REFERENCES

- Dellenbaugh et al. 2015 – *Urban Commons: Moving Beyond State and Market.* Ed. by M. Dellenbaugh, M. Kip, M. Bieniok, A. Müller & M. Schwegmann. Basel, 2015.
- Lebedeva 2021 – *Lebedeva E. V.* Urban Communities as Local Government Subjects: A Sociological Analysis. *Research Result. Sociology and Management.* 2021. Vol. 7 (4). Pp. 123–139. In Russian.
- Lebedeva 2022 – *Lebedeva E. V.* “Right to the City”: Experience of Analysis of Courtyard Communities from the Position of Critical Theory (by the example of Minsk). *Bulletin of the Institute of Sociology.* 2022. Vol. 13. 1. Pp. 44–66. In Russian.
- Lefebvre 2015 – *Lefebvre H.* La production de l’espace. Transl. into Russian by I. Staf. Moscow, 2015.
- Mitchell 2003 – *Mitchell D.* The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York, 2003.

Информация об авторе / Information about the author**Елена Викторовна Лебедева**

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью.
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
E-mail: elena_lebedeva_bsu@tut.by

Elena V. Lebedeva

Cand. Sci. (Sociological Sciences), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Communication Technologies and
Public Relations.
Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: elena_lebedeva_bsu@tut.by

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-121-125>

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ

Е. В. Матвеева

Кемеровский государственный институт культуры, Россия
mev.matveeva2020@yandex.ru

А. В. Алагоз

Кемеровский государственный университет, Россия
aliscristall@mail.ru

Аннотация. В статье авторы уделяют внимание рассмотрению интернет-коммуникаций субъектов региональной политики как элемента городского пространства. Город как проект развития от прошлого к будущему представляет интерес в двух аспектах – с точки зрения мифологической составляющей и как институт с характерными для него политическими свойствами. В качестве источника анализа выступили аккаунты в сети ВКонтакте депутатов регионального парламента и отделений политических партий в Кузбассе. Авторы полагают, что интенсивность развития информационных технологий, оказывающая воздействие на динамику развития социальных сетей, приводит к неопределённости в виде возможного появления факторов-рисков, ослабляющих устойчивость политической системы к стрессовым ситуациям. В результате возрастает риск снижения стрессоустойчивости региональной системы власти и как результат этого происходит модификация коммуникаций в городском пространстве. Представленные выводы показывают, что формализация контента и каналов «обратной связи» минимизируют возможности социальных сетей ВКонтакте как коммуникативного ресурса, а выделенные особенности коммуникации в социальной сети демонстрируют высокий уровень «закрытости» субъектов региональной политики в Кузбассе.

Ключевые слова: город как единица измерения региональной политики, городское пространство, стрессоустойчивость, политические интернет-коммуникации, аккаунты субъектов региональной политики, социальная сеть ВКонтакте, Кузбасс.

STRESS RESISTANCE OF URBAN SPACE IN THE FRAMEWORK OF POLITICAL INTERNET COMMUNICATIONS

Elena V. Matveeva

Kemerovo State Institute of Culture, Russia
mev.matveeva2020@yandex.ru

Alice V. Alagoz

Kemerovo State University, Russia
aliscristall@mail.ru

Abstract. The article considers Internet communication of subjects of regional politics as an element of urban space. City as a project from past to future is interesting in two aspects – the mythological component and as an institution with political features. The source base of the analysis includes accounts in the VKontakte network of regional legislature members and branches of political parties in Kuzbass. The authors believe that the intensity of the development of information technologies, which affects the dynamics of the development of social networks, leads to some uncertainty in terms of the possible emergence of risk factors that undermine the resilience of the political system to stressful situations. As a result, there is a higher risk of reducing stress resistance of the regional authorities resulting in the modification of communications in the urban space. The study concludes that the formalization of content and feedback channels minimize the possibilities of social network VKontakte as a communicative resource in the urban space, while the above mentioned features of the social network communication demonstrate a high level of “closeness” among the subjects of regional politics in Kuzbass.

Keywords: city as a unit of measurement of regional policy, urban space, stress tolerance, political Internet communication, accounts of subjects of regional policy, social network VKontakte, Kuzbass.

Интенсивное развитие интернет-коммуникаций в политической сфере находит своё выражение в совершенно разных аспектах жизни человека и всё более активно интегрируется в состав городского пространства. В данном случае под политическими интернет-коммуникациями в городском пространстве авторы предлагают понимать особенности коммуникации субъектов политики в Кузбассе на примере сети ВКонтакте. При этом воздействие политических интернет-коммуникаций в городском пространстве осуществляется через аккаунты депутатов регионального парламента и отделений политических партий в Кузбассе; при этом городское пространство образуется за счёт активности жителей региона как пользователей социальной сети (в частности, ВКонтакте). Сразу необходимо внести уточнения относительно концепта. Под стрессоустойчивостью авторы рассматривают состояние устойчивости, стабильности всех уровней и институтов власти по отношению к стрессовым ситуациям в соци-

альной, экономической, политической сферах общества через поиск возможных факторов-стабилизаторов [Алагоз и др. 2019, 139]. Применительно к нашему исследованию стрессоустойчивость позволяет рассмотреть возможные факторы-риски, которые возникают в условиях быстрого развития социальных сетей.

В настоящее время появляются работы социологов, философов, политологов, в которых ставится задача разностороннего анализа города как некоего проекта, направленного из настоящего в будущее. В рамках данной статьи интерес вызывают два аспекта: *мифологическая* составляющая городского развития и город как *институт* с присущими ему политическими свойствами.

Относительно первого аспекта: обращает на себя внимание многогранность научных изысканий учёных, направленных на поиск мифологизированных исторических конструкторов, позволяющих объяснить и спрогнозировать текущие процессы в городском пространстве. В этом отношении отмечаются идея преемственности, идея иерархии как основа построения системы власти, идея святости или сакральности города, образ «столичности» и «провинциальности» [Агишева 2008, 107]. Образ «столичности» и «провинциальности» в мифологическом сознании, как считает Н. И. Шестов, «исконен» и связан со спецификой российской политической культуры, где он опирается на имперский период и доходит до наших дней [Шестов 2003, 213]. Ещё одну мифологическую черту, связанную с особенностями политической культуры, отмечает Н. Г. Щербинина: «Политическая власть определяет политическую реальность как мир героического мифа». Героическая репрезентация встроена в коммуникацию с целью корректировки картины мира с помощью мифологического опыта, где особое место занимает политическая культура [Щербинина 2008, 36–37].

Второй аспект переносит нас в плоскость поиска политических компонентов городского пространства. В этом отношении следует упомянуть Р. Парка, предложившего рассматривать сущность города как «психофизиологический механизм, в котором и через который находят совокупное выражение частные и политические интересы» [Парк 2011, 20]. В этом же направлении анализируют город Л. Вирт, Б. Д. Джонс, Т. Сулкин и др., полагая, что город – это «особый способ человеческой групповой жизни», который институционализирован и нормирован [Вирт 2005; Jones et al. 2003, 153–154].

Оба отмеченных аспекта имеют непосредственное отношение к современной динамике сетевого общества, проявляющейся, в частности, в развитии политических интернет-коммуникаций в региональном измерении. Однако наиболее релевантной представляется мифологическая компонента политической культуры, поскольку именно она оказывает наибольшее воздействие на состояние политических интернет-коммуникаций в контексте стрессоустойчивости.

Результаты проведённого контент-анализа аккаунтов депутатов Парламента Кузбасса и региональных отделений политических партий в сети ВКонтакте позволили выявить следующие особенности интернет-коммуникаций субъектов политики:

– аккаунты депутатов чаще всего ведут их помощники,

- преобладают нейтральные и положительные комментарии,
- много постов, особенно у политических партий, с поздравительной тематикой,
- политики и модераторы аккаунтов партий крайне редко дают ответы на задаваемые вопросы,
- отдельные партии (например, «Единая Россия») используют фейковые страницы.

Все вышеперечисленные особенности отнесены авторами к факторам-рискам, способствующим снижению стрессоустойчивости политической системы и институтов в городской среде. Наиболее активны в размещении новостного контента депутаты от «Единой России», «Патриотов России» (фракция не реорганизована и работает в Парламенте Кузбасса) и КПРФ.

Формализованный подход в размещении контента депутатами и партиями, а также отсутствие реальной возможности у пользователей сети получить «обратную связь» минимизирует, если полностью не упраздняет, коммуникативные возможности социальной сети ВКонтакте в городском пространстве региона. В ситуации падения уровня устойчивости региональной власти и систем городского управления роль некоего компенсатора берут на себя мифологические аспекты политической культуры, способствующие сохранению status quo и достижению определённой устойчивости города как политической конструкции. Полагаем, что будущее развитие городского пространства невозможно без учёта факторов-рисков политических интернет-коммуникаций в социальных сетях и выработки факторов-стабилизаторов, направленных на более «открытый» формат коммуникации субъектов политики и пользователей сети.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агишева 2008 – *Агишева О. В.* Образ города в российском политическом пространстве // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 99–115.
- Алагоз и др. 2019 – *Алагоз А. В., Матвеева Е. В., Гоосен Е. В.* Концепт стрессоустойчивости как инструмент анализа рисков социального напряжения в регионе // Теоретические и прикладные вопросы комплексной безопасности. Санкт-Петербург, 2019. С. 139–143.
- Вирт 2005 – *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии / Пер. с англ. В. Г. Николаева. Москва, 2005. С. 93–118.
- Парк 2011 – *Парк Р. Э.* Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р. Э. Избранные очерки / Пер. с англ. В. Г. Николаева. Москва, 2011. С. 19–56.
- Шестов 2003 – *Шестов Н. И.* Политический миф теперь и прежде. Саратов, 2003.
- Щербинина 2008 – *Щербинина Н. Г.* Символическое конструирование мифо-героической политической реальности России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 18–37.
- Jones et al. 2003 – *Jones B. D., Sulkin T., Larsen H. A.* Policy Punctuations in American Political Institutions // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. 1. Pp. 151–169.

REFERENCES

- Agisheva 2008 – Agisheva O. V. The Image of the City in the Russian Political Space. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2008. № 2 (3). Pp. 99–115. In Russian.
- Alagoz et al. 2019 – Alagoz A. V., Matveeva E. V., Goosen E. V. Concept of Stress Resistance as a Tool for Analyzing Risks of Social Stress in a Region. *Theoretical and Applied Problems of Integrated Safety*. St. Petersburg, 2019. Pp. 139–143. In Russian.
- Jones et al. 2003 – Jones B. D., Sulkin T., Larsen H. A. Policy Punctuations in American Political Institutions. *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. 1. Pp. 151–169.
- Park 2011 – Park R. E. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment. Transl. into Russian by V. G. Nikolaev. *Park R. E. Selected Essays*. Moscow, 2011. Pp. 19–56.
- Shestov 2003 – Shestov N. I. Political Myth Now and Before. Saratov, 2003. In Russian.
- Shcherbinina 2008 – Shcherbinina N. G. Symbolic Construction of the Mytho-Heroic Political Reality of Russia. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2008. 2 (3). Pp. 18–37. In Russian.
- Wirth 2005 – Wirth L. Urbanism as a Way of Life. Transl. into Russian by V. G. Nikolaev. *Wirth L. Selected Works on Sociology*. Moscow, 2005. Pp. 93–118.

Информация об авторах / Information about the authors**Елена Викторовна Матвеева**

доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения.
Кемеровский государственный институт культуры, Россия.
E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Elena V. Matveeva

Dr. Sci. (Political Sciences), Associate Professor,
Professor at Cultural Studies, Philosophy and Art History Department.
Kemerovo State Institute of Culture, Russia.
E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Алиса Владимировна Алагоз

аспирант кафедры философии и общественных наук.
Кемеровский государственный университет, Россия.
E-mail: aliscristall@mail.ru

Alice V. Alagoz

Postgraduate student at the Philosophy and Social Sciences Department.
Kemerovo State University, Russia.
E-mail: aliscristall@mail.ru

ПРАКТИКИ ГОРЕВАНИЯ НА СТЫКЕ ФОЛЬКЛОРА И ТЕРАПИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Е. И. Молодых

Ансамбль “Лик”, Санкт-Петербург, Россия
pochtaekaterine@gmail.com

Аннотация. В короткой статье автор исследует особенности горевания в современном обществе и структуру “обрядов перехода” в традиционной культуре. Богатый практический опыт проведения групп и длительных программ на тему горевания позволяет автору делать выводы о психологической эффективности этой части традиционной культуры. В статье присутствует описание реальных встреч со скорбящими.

Ключевые слова: горевание, плач, проживание горя, традиционная культура, горе.

GRIEVING PRACTICES ON THE CROSSBORDER OF FOLKLORE AND THERAPY IN THE CITY SPACE

Ekaterina I. Molodykh

«Lik» Ensemble, St. Petersburg, Russia
pochtaekaterine@gmail.com

Abstract. In this short article the author explores the features of mourning in modern society and the structure of “transgression rites” in traditional culture. The profound experience in leading therapeutic groups and long-term programs on the topic of mourning allows to make a conclusion about the psychological effectiveness of this part of traditional culture. The article contains a description of real sessions with mourners.

Keywords: mourning, crying, grief experience, traditional culture, grief.

Перед тем как обсуждать реальные практики, определимся с термином «горевание». Разброс толкований этого термина в психологической и схожей по тематике литературе достаточно широк: от «первичных эмоциональных реакций на утрату» [Ширяев, Ширяева 2012] до «естественного процесса трансформации» [Каст 2020]. Предлагаю в рамках данной работы рассматривать горевание как длительный процесс формирования личности в условиях неизбежных обстоятельств, которые существенно меняют её жизнь. Иными словами, для того чтобы возникли предпосылки к гореванию, необходимо следующее:

— обстоятельства, которых не удастся избежать или проигнорировать при их наступлении (смерть близкого, свадьба, рождение ребёнка, война);

— заметные для сообщества последствия (смена статуса, функциональности и роли в сообществе).

Так, в традиционной культуре крупное событие постройки дома не влечёт за собой горевания, т.к. в нём нет смены статуса. В свою очередь, такое гораздо более обыденное для ситуации традиционной деревни событие, как рождение ребёнка, несёт в себе признаки горевания. Заметим, что причинами горевания могут быть как «позитивные», так и «негативные» [Василюк 1991], с точки зрения современного человека, события. Например, свадьба – по всем признакам «позитивное» событие – имеет в себе все черты так называемого обряда перехода и, соответственно, горевания. Я объясняю это тем, что суть горевания, вопреки установившемуся в современной культуре представлению, не столько в проживании негативных событий, сколь трудными бы они ни были, сколько во внутреннем процессе трансформации субъекта под воздействием неумолимой реальности, с чем согласны более современные авторы [Каст 2020].

В традиционной культуре этот процесс формирования личности выражен наиболее ярко в так называемых «обрядках перехода», которые объединены схожими чертами – такими, как:

- этапы горевания (подготовка, оплакивание, траур и закрепление нового статуса);
- общественное признание состояния человека, отзеркаливание его эмоций;
- открытое выражение эмоций, легитимизация происходящего и «называние вещей своими именами»;
- пение и использование телесных практик, таких как рыдательное дыхание и голошение, затрагивающих основные физиологические последствия стресса в организме;
- этапность и конечность горевания (обычно 3, 9, 40 дней и 1 год после произошедшего события).

Многочисленные психологические исследования и практика показывают, что это именно те условия, которые позволяют человеку максимально эффективно и быстро пройти через адаптацию после травмирующего события.

В современных городских условиях мы часто находим скорее противоположные тенденции:

- замалчивание и игнорирование самого факта горевания (к примеру, цифровые алгоритмы выдачи ленты социальных сетей настроены так, чтобы тексты со словами «смерть», «горе», «утрата» не появлялись в ленте, были фактически «невидимы» для пользователей; в современной эстраде мы практически не услышим песен о смерти);
- как следствие – отсутствие культуры горевания, непонимание этапов этого процесса и его конечности;
- непризнание обществом горевания; к примеру, по свидетельству многих моих клиентов, при попытке заплакать в голос, «заголосить» на похоронах, плакальщиц довольно грубо обрывают; обычно это связано с так называемым эффектом «испанского стыда» за другого человека, когда стыдящему на самом деле необходимо заплакать самому, но он считает

это неприемлемым и будет страшно стыдиться за того, кто осмелился так себя вести;

— вместо легитимизации чувств скорбящего в современном обществе мы часто видим обесценивание, подаваемое с лучшими намерениями («другого найдёшь, ничего страшного», «первый блин комом» – о замершей беременности и прочее). Советчикам кажется, что они утешают горюющего, но в реальности они лишь обесценивают его чувства, что иногда способствует психологической дезориентации, когда человек перестаёт верить своим чувствам.

Отсутствие телесных практик – таких как рыдательное дыхание, плач и крик – часто приводит к психосоматическим последствиям: медицинская статистика свидетельствует о росте заболеваний, в том числе онкологических и аутоиммунных, в течение первых двух лет после травмирующих обстоятельств. Всё вкуче часто приводит к тому, что человек «застревает» в состоянии горя на длительный срок, дистанцируется от активной жизни и имеет нарастание проблем со здоровьем.

Что можно сделать в рамках современной городской среды для компенсации такого положения дел? В первую очередь необходимо организовать пространство, доступное для тех, кто проживает стресс или горе. Часто в больших городах эту функцию выполняют так называемые «третьи места» [Ольденбург 2014; Лапина-Кратасюк 2014], частично закрывая потребность человека быть услышанным в горе; однако, конечно, такие места не способны целиком обеспечить все условия успешного горевания.

Достаточно эффективной показала себя работа в специально собираемых для горевания группах. На практике мы собираемся малыми группами (10–12 человек), где можно установить доверительные отношения между участниками, и проводим практику «плача», максимально ориентируясь на традиционную культуру. Первые час-два участники сонстраиваются друг с другом, звучат («распеваются», хотя цель этого звучания – скорее в психологическом разрешении звучать вслух, чем в вокальной распевке). Далее мы изучаем тексты и напевы традиционных плачей для того, чтобы у участников была текстуальная опора для конструирования собственного плача [Лапин 2008; Лобкова, Мехнецова 2019]. Приступая к плачу, ведущий ставит таймер на 10–12 минут; наша практика показывает, что этого времени более чем достаточно для полноценной реализации себя в плаче. Плакать с участниками удобно в несколько заходов, перемежая короткие сессии плача пением (лучше всего из корпуса фольклора подходят духовные стихи, что соответствует их традиционному звучанию). В конце сессии мы обязательно едим и пьём чай вместе, разговариваем, делимся, обнимаемся – всё это важные части совместных телесных проявлений участников, позволяющих психике вернуться в обычный мир из мира активного горевания.

Кроме того, существует также разработанная мною программа «Феникс» по глубокому проживанию горя, где мы месяц (5 недель) работаем в малой группе (10–12 человек), подробно проходя все этапы горевания, ориентируясь на весь доступный корпус фольклора, включая такие жанры, как лирические песни, рекрутские песни, свадебные песни (в зависимости от ситуации клиента), плачи, духовные стихи [Кузнецова 2015], колыбельные и отдель-

ные обрядовые песни. Программа показывает высокую эффективность в работе с застарелыми травмами и психологическим «застреванием» в горе. «Феникс» включает в себя практику «плача» как основную и центральную.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Василюк 1991 – *Василюк Ф.* Пережить горе // О человеческом в человеке / Ред. И. Т. Фролов. Москва, 1991. С. 230–247.
- Каст 2020 – *Каст В.* Горевание: фазы и возможности психического процесса / Пер. с нем. Москва, 2020.
- Кузнецова 2015 – *Духовные стихи Русского Севера* / Сост. В. Кузнецова. Петрозаводск, 2015.
- Лапин 2008 – *Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1960–1980 годов* / Ред.-сост. В. Лапин. Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 2008.
- Лапина-Кратасюк 2014 – *Лапина-Кратасюк Е.* “Интерактивный город”: сетевое общество и публичные места мегаполиса // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2014. С. 300–315.
- Лобкова, Мехнецова 2019 – *Фольклорно-этнографические материалы по Подпорожскому району Ленинградской области: Из фондов Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова* / Ред.-сост. Г. В. Лобкова, К. А. Мехнецова. Санкт-Петербург, 2019.
- Ольденбург 2014 – *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Пер. с англ. А. Широкановой. Москва, 2014.
- Ширяев, Ширяева 2012 – *Ширяев И., Ширяева Л.* Психология горевания. 09.05.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.uspeshnie-mozgi.ru/psihologia_gorevaniya/ (дата обращения: 18.06.2022).

REFERENCES

- Kast 2020 – *Kast V.* Trauern: Phasen und Chancen des psychischen Prozesses. Transl. into Russian. Moscow, 2020.
- Kuznetsova 2015 – *Poems of the Russian North.* Comp. by V. Kuznetsova. Petrozavodsk, 2015. In Russian.
- Lapin 2008 – *Musical and Song Folklore of the Leningrad Region in the Records of 1960–1980.* Ed. and comp. by V. Lapin. St. Petersburg, 2008. In Russian.
- Lapina-Kratasyuk 2014 – *Lapina-Kratasyuk E.* “Interactive City”: Network Society and Public Places of the Metropolis. *Microurbanism. City in Detail.* Moscow, 2014. Pp. 300–315. In Russian.
- Lobkova, Mekhnetsova 2019 – *Folklore and Ethnographic Materials of Podporozhsky District of Leningrad Region: From Funds of A. M. Mekhnetsov Folklore-Ethnographic Centre of N. A. Rimsky-Korsakov Saint-Petersburg State Conservatoire.* Ed. by G. V. Lobkova, K. A. Mekhnetsova. St. Petersburg, 2019. In Russian.
- Oldenburg 2014 – *Oldenburg R.* The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community. Transl. into Russian by A. Shirokanova. Moscow, 2014.

- Shiryaev, Shiryaeva 2012 – Shiryaev I., Shiryaeva L. Psychology of Grief. May 09, 2012.
URL: https://www.uspeshnie-mozgi.ru/psihologia_gorevaniya/ (date of access: 18.06.2022).
In Russian.
- Vasilyuk 1991 – Vasilyuk F. Survive Grief. *On the Humanity in Man*. Ed. by I. T. Frolov. Moscow, 1991. Pp. 230–247. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Екатерина Игоревна Молодых

независимый исследователь, руководитель.
ансамбль “Лик”, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: pochtaekaterine@gmail.com

Ekaterina I. Molodykh

Independent Researcher, Head.
«Lik» Ensemble, St. Petersburg, Russia.
E-mail: pochtaekaterine@gmail.com

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-131-135>

КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА*

А. Е. Назарова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
aenazarova_1@edu.hse.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению потенциала культурно-познавательного туризма как одного из факторов развития исторических городов. В настоящее время большинство малых городов, в которых было развито льнопроизводство, переживает системный кризис, связанный с закрытием предприятий. Однако лён остаётся одной из основных культур в России, лён используется не только в текстильной, но и в пищевой, и в оборонный промышленности. Фонд малых исторических городов заинтересовался потенциалом темы льна для развития туризма в малых городах, которые исторически связаны со льнопроизводством. Для того чтобы протестировать туристический потенциал малых исторических городов, Фонд малых исторических городов сотрудничает с Высшей школой экономики. Студенты второго курса магистратуры «Экономика впечатлений» Московского кампуса апробируют самостоятельно разработанные туры по малым городам Ярославской, Тверской и Смоленской областей и предложат рекомендации по развитию туризма. В данной статье анализируются предпосылки развития туризма в малые исторические города, проблемы, возникающие в связи с различиями социально-экономического положения городов и состояния их культурно-исторического наследия. В завершении описываются задачи, решаемые в процессе разработки новых туристических маршрутов в рамках проекта «Льняная дорога».

Ключевые слова: культурно-познавательный туризм, исторические города, туристический маршрут, брендинг городов, историческое наследие, культура льна.

*Статья подготовлена по результатам прикладных исследований, выполненных в рамках научно-исследовательского проекта 2022.006Р «Планирование, организация и проведение комплексных маркетинговых исследований малых городов и региональных центров – потенциальных участников проекта создания зонтичного бренда “Льняная дорога”» Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ в 2022–2023 гг.

CULTURAL TOURISM AS A FACTOR OF A HISTORICAL CITY DEVELOPMENT

Alena E. Nazarova

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

aenazarova_1@edu.hse.ru

Abstract. This article is devoted to the potential of cultural tourism as one of the factors of the development of historical cities. Currently, most of the small towns used to specialize in flax production are experiencing a systemic crisis associated with the closure of manufactories. Nevertheless, flax remains one of the main crops in Russia; flax is used not only in the textile industry, but also in food and defense industries. The Foundation for Small Historical Towns became interested in the potential of flax for the development of tourism in small towns that are historically associated with flax production. In order to test the tourism potential of small historical towns, the Foundation for Small Historical Towns decided to cooperate with the National Research University "Higher School of Economics". Second-year students of the Master's program "Economics of impressions: management in hospitality and tourism industry" of the Moscow campus will have self-planned tours in small towns of the Yaroslavl, Tver and Smolensk regions and offer recommendations for the development of tourism. This article analyzes the preconditions for the development of tourism in small historical towns, the problems that arise in connection with the differences in the socio-economic situation of cities and the state of their cultural and historical heritage. Finally, the article describes the tasks that are being solved in the process of developing new tourist routes within the framework of the Linen Road project.

Keywords: cultural tourism, historical cities, tourist route, city branding, historical heritage, flax culture.

Сначала пандемия, а затем обострение геополитической ситуации в мире переориентировали потоки российских туристов на внутренние маршруты. Такие направления, как Краснодарский край, Крым, Карелия, Москва и Санкт-Петербург, которые и ранее собирали большой поток туристов, могут оказаться переполненными. При этом, согласно Майе Ломидзе, исполнительному директору Ассоциации туроператоров России, «60–70 % всех маршрутов в России предполагают посещение именно культурных объектов»¹.

Городам, обладающим потенциалом в нише культурного туризма, но ещё не вошедшим на рынок туристических дестинаций, предстоит активизировать усилия по разработке локальных культурно-познавательных маршрутов, продвижению своих туристических брендов. В первую очередь это касается дестинаций, находящихся вдали от уже популярных туристических центров, в первую очередь – маленьких городов.

¹ На что способен культурный туризм в России: новые форматы и маршруты. Сайт Ассоциации Туроператоров. Дата публикации: 19.11.2019. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/49392.html> (дата обращения: 01.10.2022).

В связи с этим особый интерес представляет один из перспективных проектов. «Льняная дорога»² – это проект Фонда развития малых исторических городов, направленный на объединение территорий (городов и регионов), традиционно выращивающих лён и имеющих историческую основу для создания туристских, научно-исследовательских и культурно-познавательных маршрутов.

В настоящее время большинство малых городов, в которых было развито льнопроизводство переживают системный кризис, связанный с закрытием предприятий. В то же время лён в последние годы используется в оборонной промышленности, вновь возрождаются ткацкие производства, делающие акцент на натуральности и экологичности продукции.

Мы предполагаем, что популярности льна могут послужить продуманные туристические программы, совмещающие агро- и промышленный туризм, что в свою очередь может стать фактором перезагрузки и последующего устойчивого развития около 70 малых городов (10 % от всех малых городов Российской Федерации).

На данный момент главная задача проекта «Льняная дорога» – это классификация фокальных стейкхолдеров, городов, участвующих в проекте. Условно уже сейчас участников проекта можно разделить на успешные кейсы, начинающих и готовящихся. Есть лидеры городского туризма, такие как Углич, Торжок, Переславль-Залесский, но подавляющая часть городов, имеющих туристический потенциал, пока не превратили его в туристический продукт.

Естественно, что все города находятся на разных уровнях развития как в целом, так и с точки зрения туризма. В связи с этим возникает вопрос классификации фокальных стейкхолдеров по степени готовности, которую предлагается измерять по следующим критериям:

- наличие потенциала для развития льняного туризма: исторические предпосылки, инфраструктурная база;
- активные попытки развивать льняную тематику;
- самое главное – внутренняя мотивация местного сообщества [Рожков 2011, 233]: существование лиц и организаций, заинтересованных в развитии льняного туризма и уровень их вовлечённости.

Определившись с типологией фокальных стейкхолдеров, будет возможно разработать различные предложения по поддержке, которые, в зависимости от начального состояния города, будут включать в себя экспертную, организационную и коммуникационную поддержку: рекомендации в разработке стратегии продвижения, создании бренда города [Архипова, Федотова 2016, 1], организации мероприятий.

Однако стоит отметить некоторые возможные ограничения, которые стоят перед проектом.

Во-первых, в разных городах уровень человеческого потенциала в области развития туризма заметно различается.

² Сайт проекта «Льняная дорога». URL: <https://www.lendoroga.ru/> (дата обращения: 01.10.2022).

Во-вторых, предполагается, что более популярные города, объединённые в один маршрут с кризисными городами, повысят посещаемость последних. Однако хотя города и могут составлять линейный маршрут, туристы не обязательно побывают во всех точках. В итоге повышение узнаваемости отдельных городов может повысить конкуренцию не только между городами, но и между областями.

В-третьих, области могут изначально ставить приоритетом развитие собственного внутреннего бренда [Щербинина 2018, 196] и не стремиться «помочь» городам, которые не являются приоритетными для них на данный момент, или городам в других областях.

Для того чтобы протестировать туристический потенциал малых исторических городов, Фонд малых исторических городов сотрудничает с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики»³. Так, студенты второго курса магистратуры «Экономика впечатлений» Московского кампуса разработали туристические маршруты и сейчас занимаются их апробацией для того, чтобы дать свои рекомендации по развитию туризма в малых городах и, возможно, даже предложить какой-то проект, который поспособствует улучшению ситуации в этой сфере.

Например, уже были подготовлены туристические однодневные маршруты из Москвы в Бежецк и в Рамешки (Тверская область). На первом этапе подготовки маршрутов студенты провели анализ всех доступных аттракций в городах, инфраструктуры и составили маршрут, который включал в себя точки осмотра, места питания и отдыха, рассчитали тайминг и бюджет. В число запланированных к посещению достопримечательностей обязательно были включены организации, занимающиеся темой льна: краеведческие музеи и культурно-образовательные центры. К другим потенциальным туристическим продуктам с льняной тематикой можно отнести такие маршруты, как «Вязьма – Гагарин», «Ржев – Торжок», «Переславль-Залесский – Тутаев», «Гаврилов Ям – Село Великое».

После составления всех туров команды студентов совершат экспедиции в города с целью анализа опыта посетителя, который даст основания для корректировки туров и разработки их финальных версий.

Аналізу роли городов в медиа-пространстве посвящён ещё один этап проекта. Предстоит проанализировать наличие различных каналов и сообщений о городах, которые может найти потенциальный турист, планирующий свою поездку. По результатам этого этапа будут разработаны планы продвижения туров.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архипова, Федотова 2016 – Архипова А. Э., Федотова Н. Г. Маркеры территориальной идентичности как символическая основа брендинга места // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2016. № 2 (6). С. 1–4.

³ В ВШБ стартует проект «Льняная дорога». Высшая школа бизнеса НИУ ВШЭ. URL: <https://gsb.hse.ru/news/736638345.html> (дата обращения: 23.09.2021).

- Рожков 2011 – Рожков К. Л. Целевые группы, функции и измерители результативности внутреннего маркетинга мест // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40). С. 232–235.
- Щербинина 2018 – Щербинина Н. Г. Особенности позиционирования города-бренда в цифровую эпоху // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 192–201.

REFERENCES

- Arkhipova, Fedotova 2016 – Arkhipova A. E., Fedotova N. G. Markers of Territorial Identity as the Symbolic Basis of Branding Places. *Memoirs of NovSU*. 2016. 2 (6). Pp. 1–4. In Russian.
- Shcherbinina 2018 – Shcherbinina N. G. Features of Positioning of the City as a Brand in the Digital Age. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2018. 3 (17). Pp. 192–201. In Russian.
- Rozhkov 2011 – Rozhkov K. L. Target Groups, Functions, and Indices of Effectiveness of Internal Marketing of Places. *Problems of Modern Economics*. 2011. 4 (40). Pp. 232–235. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Алёна Евгеньевна Назарова

магистрант Высшей школы бизнеса.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.

E-mail: aenazarova_1@edu.hse.ru

Alena E. Nazarova

Master's student at the Graduate School of Business.

National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russia.

E-mail: aenazarova_1@edu.hse.ru

ГОРОД В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ: КАКИМИ ОБРАЗАМИ ОН ПИТАЕТСЯ И КАКИЕ ПИТАЕТ?*

К. А. Очеретяный

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
kocheretyany@gmail.com

Аннотация. Город существует по ту сторону опыта и слов – он дан в зеркале метафор, которые можно только пережить, но нельзя до конца описать или обосновать, поскольку в этой истолковательной игре они перестают быть метафорами и превращаются в понятия. В статье показано, как внимание к работе с метафорами и их когнитивными особенностями в пространстве компьютерно-игровых городов могут помочь для проектирования аналоговых городов, для создания оптимальных условий существования в них.

Ключевые слова: компьютерные игры, город, цифровые технологии, гаптика, метафора.

A CITY IN COMPUTER GAMES: WHAT IMAGES IT FEEDS AND WHAT IMAGES FEED IT

Konstantin A. Ocheretyany

St. Petersburg University, Russia
kocheretyany@gmail.com

Abstract. The city exists on the other side of experience and words – it is given in the mirror of metaphors that can only be experienced, but cannot be fully described or substantiated (because in this interpretive game they cease to be metaphors and turn into concepts). The article shows how attention to working with metaphors and their cognitive features in the space of computer-game cities can help to design analog cities, to create optimal existence conditions in them.

Keywords: pc games, city, digital technology, haptics, metaphor.

За материальной очевидностью города – улицами, домами, транспортом – следует увидеть систему образов и метафор или, иначе говоря, того символического обмена, который делает город не скоплением объектов, а живым и динамическим единством. Именно поэтому город не встроен

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации (проект МК-169.2021.2, СПбГУ).

в пространство и время, а скорее раскрывает их. Особенности ландшафта, освещения, интенсивность уличного движения или, напротив, покой пустырей, звуки и атмосферные явления, мусор и рекламные баннеры – всё это складывается в образ того или иного города, эксплуатируемый в медиа. Но это не было бы возможным, если бы любой город не отвечал некоторым внутренним состояниям, которые возникают в предвкушении его посещения. За всеми герменевтическими операторами, которые заставляют город проговориться, стоит допредикативная сила – атмосфера, или аура, которая даёт парадоксальное чувство ностальгии по никогда не видимому. Город – изначально пространство призраков: тех, с кем мы могли встретиться, или тех, кем мы могли бы быть.

Всё это было бы мистикой города, уделом городских сумасшедших и поэтов, если бы наука начиная с XX века не обратила внимание на парадоксальную ситуацию: метафора ближе телу, чем слову. Согласно когнитивистскому истолкованию, метафорические системы – не продукт произвола, они могут быть сведены к изначальным сенсорно-двигательным и эмоциональным особенностям нашей телесности. Город либо отвечает неким изначальным нашим возможностям быть, переводя витальную силу в экзистенциальные сценарии, либо скрывает их.

Однако в современности экологические, технократические и ретро-футуристические утопии города реализуются в популярной культуре – в киноблокбастерах, комиксах и компьютерных играх – с большим вниманием к когнитивно-метафорическим репрезентациям. Города же по ту сторону медиа несут на себе меты мазотопии: символического неблагополучия. Ужесточает ситуацию и то, что любой город вынужден конкурировать со своим двойником в цифровых интерфейсах – системах цифровой ориентации, взаимодействия и потребления [Galloway 2012]. Логика взаимодействия с цифровой реальностью переносится на реальность аналоговую. А аналоговый город проигрывает его цифровым репрезентациям, ведь в отличие от последних он часто не отвечает интересу, не способен выработать формы эмоциональной связи.

Чем привлекают города в компьютерных играх? За всем различием жанров и образов, визуальных решений и игровых механик мы в компьютерных играх всегда имеем дело с установлением эмоциональных связей: город оказывается местом агональных усилий, эмоций, воспоминаний, предчувствий, надежд. В мире компьютерных игр такая психоэмоциональная вовлечённость в городскую среду достигается благодаря трём моментам.

Первый момент – игровые механики. Ключевой прорыв геймдизайна – создание миров в своём масштабе, близких к открытым: без швов загрузок и без невидимых стен. Вышедшие в 2001 и 2002 гг. соответственно *Grand Theft Auto III* и *The Elder Scrolls III: Morrowind* установили новые возможности иммерсивной интеракции, дали новый головокружительный опыт открытости. Открытость города на уровне игрового взаимодействия стала как бы отражением экзистенциальной открытости субъекта игрового процесса – геймера. Такой город обладает суггестивной и перформативной силой, он побуждает к действию, а самое важное, – вызывает чувство роста возможностей субъекта действий: чем большее количество много-

образных взаимодействий совершается, тем сильнее становится чувство себя у того, кто их совершает. Субъект действий сам как бы усложняется, получает дополнительную глубину переживаний. Город в компьютерных играх – эмотопия: все связи, которые его составляют, устанавливаются через субъекта-игрока, через его психофизиологическое вовлечение. Если под теологией понимать не столько науку, сколько поиск откровения, а под телеологией – не столько целесообразность, сколько сосредоточение, устремлённость к единству, то город в компьютерных играх теологичен и телеологичен: он ведёт к сосредоточению, собранности, к обнаружению экзистенциальных возможностей, откровению, а следовательно, – он кажется более подлинным.

Второй момент – оптико-гаптические аффордансы. Под аффордансами Дж. Гибсон, основатель экологического подхода к визуальному восприятию, понимал возможность предметов намекать на способы их использования [Гибсон 1988, 212]. Современный город может быть назван мазотопией: он холодный и жёсткий на уровне конструкций (геометрические формы, монотонность, избыток бетона и стекла), подавляющий на уровне динамики, масштабов, возможностей. Для него характерно искажение экзистенциального пространства в ориентации на транспорт, а не на человека; искажение экзистенциального времени в ориентации на захват внимания, а не на коммуникацию, на скорость чтения рекламных образов, а не на погружение в момент субъективного переживания ради его раскрытия и углубления; искажение причинно-следственных связей, когда скорее город всматривается в человека и воздействует на него, чем человек влияет на город. Все эти особенности города связаны с тем, что он нечеловекообразен на уровне аффордансов: современные города существуют в оптическом, а не гаптическом измерении, они являются продолжением взгляда, а не кожи, они только дистанционно предъявляют нечто – в перспективе, в вертикали, в образе, а потому сами кажутся недостижимыми, становятся фантазмагорией, которая вместо возможностей предлагает невозможности, что делает существование в них невыносимым. Если аналоговый город провоцирует типы действия, которые не могут быть реализованы и существуют только в оптическом измерении, то игровой город, напротив, актуализирует психосоматический ресурс, гаптически-ориентированный на касание, задетость, открытость, работая с геймером на уровне когнитивных метафор, учитывая в дизайне виртуальных миров разнообразие и пластичность точек соприкосновения тела со средой, которые позволяют сопротивляться воздействиям, занимать оптимальное положение тела и поддерживать тонус.

Третий момент – поведенческие сценарии. Ричард Бартл обосновал стратификацию поведения игроков по следующим мотивационным основаниям: 1) статус, регалии, блага; с ними соотносится психотип «накопителя»; 2) власть, превосходство, доминирование; им коррелятивен психотип «киллера»; 3) тайны и загадки; их ищут «исследователи»; 4) взаимодействие и взаимопонимание; к ним стремятся «социалы» [Bartle 2003, 173–174]. Город аналоговый поощряет результаты, власть и блага; цифровой город – взаимодействия, тайну и интерес. Все действия, осуществляемые

в компьютерно-игровых городах, во-первых, имеют значения, во-вторых, увеличивают возможности игрока, в-третьих, позволяют игроку реализовать свой актуальный образ, в то время как аналоговые города, подавляя его, словно виртуализируют его существование.

В этом смысле ключевым моментом заботы о себе в условиях города, претендующего на цифровое будущее, является полноценная реализация возможностей взаимодействия средствами цифровых когнитивно-метафорических моделей, интенсифицирующих наше телесное присутствие в мире. Пока такие телеологические модели города присутствуют лишь в компьютерных играх, претендуя на тотальное вовлечение и расширение способов взаимодействия, аналоговый город умножает парадоксальные объекты. Однако всё может измениться при условии понимания того, какие символические возможности удерживают людей в виртуальных городах и что из этих возможностей применимо к усовершенствованию городов аналоговых.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гибсон 1988 – Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ. Т. М. Сокольской. Москва, 1988.
Bartle 2003 – Bartle R. Designing Virtual Worlds. New Riders Games, 2003.
Galloway 2012 – Galloway A. R. The Interface Effect. Cambridge (UK), 2012.

REFERENCES

- Gibson 1988 – Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. Transl. into Russian by T. M. Sokolskaya. Moscow, 1988.
Bartle 2003 – Bartle R. Designing Virtual Worlds. New Riders Games, 2003.
Galloway 2012 – Galloway A. R. The Interface Effect. Cambridge (UK), 2012.

Информация об авторе / Information about the author

Константин Алексеевич Очеретяный

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии науки и техники.
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.
E-mail: kocheretyany@gmail.com

Konstantin A. Ocheretyany

Cand. Sci. (Philosophy),
Senior Lecturer at Philosophy of Science and Technology Department.
St. Petersburg University, Russia.
E-mail: kocheretyany@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА М. ВЕБЕРА И СОВРЕМЕННЫЕ УРБАНИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. В. Пирогов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
pirogoff@ngs.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу методологии познания города Макса Вебера и её значению для современных урбанистических исследований. Показано, что «понимающая социология» Вебера содержит идеи феноменологии, синергетики и когнитивного подхода, характерные для современных урбанистических исследований. Особенно важным тезисом для понимания урбанистических процессов является тезис Вебера о культуре как основе и ресурсе развития города. В статье показано, что идеи «понимающей социологии» Вебера когерентны таким концептам современной гуманитарной науки, как «практики», «габитус», «когнитивная модель». Тезисы Вебера о полифакторности возникновения и существования собственных механизмов саморазвития города и сегодня могут быть аргументами при принятии решений о развитии города. Работа М. Вебера «Город» является методологически важной для обсуждения общегуманитарной методологической проблемы соотношения структуры и действия: (а) система определяет действия индивидов или (б) их повседневные действия постепенно и постоянно меняют систему?

Ключевые слова: город, Макс Вебер, факторы и механизмы урбанизации, идеальный тип, габитус города.

HISTORICAL SOCIOLOGY OF THE CITY OF M. WEBER AND MODERN URBAN STUDIES

Sergey V. Pirogov

National Research Tomsk State University, Russia
pirogoff@ngs.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of Max Weber's methodology of cognition of the city and its significance for modern urban studies. It shows that "understanding sociology" of Weber contains the ideas of phenomenology, synergetics and the cognitive approach, which is characteristic of modern urban studies. A particularly important thesis for understanding urban processes is Weber's thesis about culture as a basis and resource for the city development. The article shows that Weber's ideas of "understanding sociology" coherent to such concepts of modern humanitarian science as "practice", "habitus", "cognitive model". Weber's statement about polyfactoricity of the emergence and existence of the mechanisms of the city's self-development may be considered today when making

decisions on the development of the city. The work of M. Weber “City” is methodologically important for the discussion of the general humanitarian methodological problem of correlation of structure and action: does the system determine the actions of individuals or their everyday actions gradually and constantly change the system?

Keywords: city, Max Weber, factors and mechanisms of urbanization, ideal type, habitus of the city.

Работа Макса Вебера «Город» оказала и продолжает оказывать значительное влияние на урбанистические исследования в силу того, что ему, благодаря разносторонним знаниям, удалось реализовать трансдисциплинарный подход в изучении города. Трансдисциплинарность – совмещение различных методологических подходов. Для современных урбанистических исследований характерны феноменологический, когнитивный и синергетический подходы к изучению города, берущие начало, в том числе, в рассуждениях Вебера.

Работа Вебера «Город» является классической потому, что он поднял три фундаментальные проблемы, обсуждаемые и поныне: 1) проблему факторов формирования города; 2) проблему типологии городов; 3) проблему онтологии города.

Проблема факторов формирования города

К середине XIX в. сложились две основные теории города, влияние которых и сейчас довольно существенно: «бурговая» и «рыночная». М. Вебер, говоря о недостаточности этих теорий, выдвинул тезис о полифакторности возникновения города. Он обращает внимание на следующие обстоятельства и приводит следующие контраргументы.

1) Укреплёнными районами с военным гарнизоном были в древности не только вотчины князей. Некоторые из них стали городами, некоторые нет. Политические и административные центры нередко меняли своё географическое положение, а судьба поселений складывалась по-разному.

2) Сам по себе рынок не порождает город. Рыночные сезонные поселения всегда были в сельской местности.

3) Ремесло и торговля первоначально не являлись самостоятельными видами деятельности и не имели своей целью расширенного производства, а обслуживали военных, сакрально-идеологическую деятельность и личные потребности знати. М. Вебер полагал, что предпринимательство как вид деятельности и соответствующий социальный слой появились не в связи с развитием ремесла и торговли, а возникли в особой социокультурной ситуации города как культурно-исторического феномена. «Города не возникли, как часто думают, из гильдий, напротив, гильдии, как правило, возникали в городах» [Вебер 1994, 349]. При этом «регулирование хозяйства не составляло единственный предмет и смысл политики города» [Вебер 1994, 316]. Развитие промышленности и рыночных отношений – следствие урбанизации, а не её причина.

У Вебера речь идёт не столько о факторах как объективных закономерностях, сколько об исторических обстоятельствах возникновения города. Города возникали в *культурно-исторической ситуации кризиса традиционного общества*. Эта ситуация формировалась в результате ряда социальных процессов:

- демографический рост деревни и распад или трансформация общины;
- дифференциация труда;
- возрастание социокультурной мобильности;
- изменение ценностно-мировоззренческого контекста.

Все эти процессы актуализировали выработку новых форм и механизмов социокультурной интеграции, нового типа общества. Ф. Тённис предложил понятия *Gemeinschaft* (общность) и *Gesellschaft* (общество). Вебер предложил другое обозначение типов взаимодействия: *Vergemeinschaftung* (основано на субъективно чувствуемой сплочённости участников) и *Vergesellschaftung* (основано на рационально мотивированном соединении интересов).

Город являл собой новый тип социальных отношений – корпорацию. Основными чертами городской корпорации являлись:

- Отсутствие личной зависимости. Бюргер входил в городскую корпорацию как отдельное лицо. «Его личное правовое положение как бюргера гарантировала ему его личная принадлежность к городскому союзу, а не род или племя» [Вебер 1994, 339];

- Корпоративное право города;

- Наличие представительских органов управления местной общиной, собственного суда и городской администрации;

- Городская община как «братство». «Западный город <...> был не только экономическим центром торговли и ремесла, политически (обычно) крепостью и часто местонахождением гарнизона, административно судебным округом, но также скреплённым клятвой *братством*» [Вебер 1994, 340].

Гильдия как форма экономического сообщества – это не столько объединение профессионалов, сколько объединение людей, обладающих общностью социального положения, точнее – попавших в одинаковую социальную ситуацию: все они потеряли связь со своей родовой общиной. В современной социологии эта ситуация называется маргинальной; это ситуация неопределённости социального положения, утраты основания для идентификации и потеря социальной помощи и поддержки. И если горожане – маргиналы, то гильдии для них – новая форма социальности, механизм включения в общество, из которого они временно выпали: «Профессиональные союзы ставили на первое место интересы общения и религии. <...> И это отнюдь не было маскировкой важных материальных интересов» [Вебер 1994, 350].

Таким образом, характерными чертами городского пространства взаимодействия являются:

- 1) социокультурная гетерогенность,
- 2) интенция на разнообразие и инновацию,
- 3) маргинальность городской среды.

Из этих черт городской жизни, собственно, и проистекает бесконечная проблема городской идентичности.

Синергетика города

Преодолевая функциональный подход к анализу города, Вебер видит его живой системой, в которой все части, все аспекты – правовой, экономический и культурно-мировоззренческий – одинаково важны и взаимосвязаны. Такой взгляд принципиально отличается от экономического детерминизма К. Маркса, который до сих пор встречается в литературе о городе. Особенно чуждо Веберу выделение доминирующих факторов, соотнесение явлений по типу «базис – надстройка». Детальное воспроизведение истории городов показывает, что основой становления городов является конкретная историко-культурная база [Пирогов 2020, 180], а механизмом – саморазвитие всего комплекса городских отношений. Поэтому города индивидуальны по форме, да и по судьбе.

Конкретные города как саморазвивающиеся системы реализуют отдельные характеристики урбанизма. Поэтому они различаются по типу, структуре и функциям. Но, как любая синергетическая система, город обладает эмерджентным качеством, что, собственно, и делает некоторое поселение городом. Эмерджентными качествами городской системы отношений являются инновационность и смыслотворчество [Аванесов 2018, 25].

Культура как основа и ресурс развития города

Формирование новых отношений на фоне кризиса традиционного общества шло через возникновение новых принципов и новых смыслов. Город для Вебера – это, прежде всего, особый образ жизни, а образ жизни обусловлен в первую очередь ценностно-мировоззренческими интенциями людей. Новые ценностные принципы породили новые формы солидарности, как, впрочем, и новые формы конфронтации. Новые принципы породили новые смыслы и цели, а значит – новые структуры поведения и взаимодействия, формирующиеся в процессе повседневной жизни. Город, по Веберу, начался с культуры, а не с экономики, это его сущностный и базовый потенциал, в том числе и для развития экономики. Горожане вначале победили в морально-мировоззренческой области, затем – в политической и только потом – в экономической. Тема культурного капитала города является значимой для современной урбанистики.

Исторический контекст возникновения городов, сформулированный Вебером, во многом предвосхитил появление концепта ментальности французских социальных историков школы «Анналов». Городская повседневность, на которую обратил внимание Вебер, стала рассматриваться как механизм формирования новой социальной системы. Историко-социологическое обоснование этого тезиса развернуто в работах Н. Элиаса. Его методология направлена на установление определённого соответствия между структурами повседневности и типами личности, что методологически когерентно теории социального действия Вебера.

Представляется, что понимание Вебером культурно-исторических предпосылок социальных явлений нашло своё отражение в концепте габитуса П. Бурдьё и далее – в рассуждениях современных урбанистов о габитусе

города. Габитус города – это, с одной стороны, опредмеченная история, с другой – схема пространственного поведения, «контурная карта» стратегий и практик, стилей и диспозиций. Методологическая идея габитуса города состоит в том, чтобы свести в единую модель разные аспекты жизни города, показав их взаимозависимость: практики производства и потребления, экономические тренды, культурные схематизации, нарративы и другое. Это в духе Вебера.

Проблема типологии городов

Вебер решает проблему типологии городов через концепт «идеальный тип города». Идеальный тип выглядит как логическое достраивание истории. В конструировании идеального типа города Вебер исходит в первую очередь из исторического материала, но не обобщает индивидуальные пути возникновения и развития конкретных городов, а выделяет тенденции исторического процесса, которые и приводили к возникновению городов. Модель идеального типа является моделью-конструкцией, а не моделью-репрезентантом. Адекватное объяснение, по Веберу, всегда должно обладать свойством исторической конкретности и включать в себя ссылки на цели и ориентацию действия реальных либо «типических» индивидов. Понятие идеального типа базируется на понимании социального действия как осмысленного, целерационального действия.

Проблема онтологии города. Коммуникативная онтология города

Общество как система групп и институтов формируется, по Веберу, из паутины социальных действий индивидов. Рисуя историческую картину возникновения и развития городов, Вебер показывает, что реальность городского общества возникает как сеть взаимодействий, как бесчисленные практики в повседневной жизни.

Проблема идентичности в городе усилена двумя «городскими» обстоятельствами: (1) множественность сред обитания и образов жизни; (2) незавершённость как социальных структур, так и целей действий горожан и городских сообществ.

В работе «Город» фокус внимания смещён с функциональных характеристик городского поселения на мотивационно-смысловую интенцию горожан как созидающих субъектов урбанистической среды, которая формирует и в дальнейшем развивает их образ жизни. В этом суть «понимающей социологии». Городское пространство в этом методологическом горизонте выглядит не как система объектов, а как конструкции сознания, которые постоянно меняются, как поведенческие практики, как интерессубъективные представления о приоритетах развития, что утверждали и А.Лефевр, и Д.Харви, и Э.Соя, и М. де Серто.

Феноменологические образы города представляют собой когнитивные модели – знания о городе различной природы, объединённые некоторым смыслом. В современных урбанистических текстах показывается, что

именно когнитивные модели восприятия и представления города являются не только формой его явленности, существования, но и способом его саморазвития. Назовём лишь три теоретических направления, имеющих методологическое родство с феноменологией и когнитивным моделированием:

- географическая герменевтика,
- культурная география,
- теории практик.

Вывод

На материале истории города Вебер поставил общегуманитарную методологическую проблему соотношения *структуры* и *действия*. Город нужно рассматривать не только как «вместилище населения», структурируя его по отдельным статусным основаниям, но и как *поле повседневных интенций горожан*, в пространстве которого просматриваются векторы коммуникативного действия – попытки выработать общие ценностно-смысловые ориентации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2018 – Аванесов С. С. Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 10–31.
- Вебер 1994 – Вебер М. Город / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное. Образ общества. Москва, 1994. С. 309–446.
- Пирогов 2020 – Пирогов С. В. Культурный капитал города и городская креативность: проблемы дефиниции понятий // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Великий Новгород, 2020. С. 176–182.

REFERENCES

- Avanesov 2018 – Avanesov S. S. Urban Space as Anthropological Phenomenon. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2018. 2 (16). Pp. 10–31. In Russian.
- Pirogov 2020 – Pirogov S. V. Cultural Capital of the City and Urban Creativity: Problems of Definition. *Visual Anthropology – 2019. City-University: Living Space and Visual Environment*. Veliky Novgorod, 2020. Pp. 176–182. In Russian.
- Weber 1994 – Weber M. City. Transl. into Russian by M. I. Levina. *Weber M. Favorites. The Image of Society*. Moscow, 1994. Pp. 309–446.

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Владимирович Пирогов

кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия.

E-mail: pirogoff@ngs.ru

Sergey V. Pirogov

Cand. Sci. (Philosophy),

Associate Professor of Sociology Department.

National Research Tomsk State University, Russia.

E-mail: pirogoff@ngs.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-147-151>

ГОРОДСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В ЗЕРКАЛЕ ГРУППОВОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ (КЕЙС ЮГА РОССИИ)*

Т. А. Подшибякина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
tan5@bk.ru

Аннотация. В работе анализируются методологические возможности концепции городских политических режимов К. Стоуна применительно к современным политическим реалиям. На основе обзора дискуссии в научном сообществе делается вывод о парадигмальном кризисе концепции и о необходимости оценки её эффективности как аналитического инструмента исследования городских политических режимов. Дается оценка новой интерпретации содержания концепции, предложенной самим автором, как концепции городского порядка, которая позволит учитывать влияние контекстуальных изменений на формирование механизмов управления городом. Вносится определённый вклад в научную дискуссию относительно новых контекстуальных факторов, оказывающих влияние на взаимодействие основных институтов городского порядка – структур власти и структур гражданского общества. Предлагается в качестве неинституализированного контекстного фактора рассматривать групповое общественное сознание. Доказывается, что групповое общественное сознание может стать тем индикатором, который поможет выявить уникальность данной городской общности и оценить эффективность конкретного городского политического режима / порядка, просчитать риски взаимовлияния власти и общества в процессе коммуникативного взаимодействия. В качестве примера приводится анализ нескольких городских кейсов Южного федерального округа, отражающих особую национальную и религиозную специфику. Эмпирической базой вторичного социологического анализа послужил опрос 2500 студентов, проведённый в 2019–2021 годах в городах Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Краснодар, Ставрополь, Пятигорск, Нальчик, Астрахань.

Ключевые слова: городской политический режим, городская политика, городской политический порядок, групповое студенческое сознание, контекстный фактор.

* Работа выполнена в рамках проекта ЮФУ № СП-14-22-06 «Цифровой атлас политических и социально-экономических угроз и рисков развития Южнороссийского приграничья: национальный и региональный контекст (Цифровой Юг)».

URBAN POLITICAL REGIMES IN THE MIRROR OF GROUP STUDENTS' CONSCIOUSNESS (CASE OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Tatiana A. Podshibyakina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
tan5@bk.ru

Abstract. The article analyzes the methodological possibilities of the concept of urban political regimes of K. Stone in relation to modern political realities. Based on the review of the discussion in the scientific community, a conclusion is made about the paradigm crisis of the concept and the need to assess its effectiveness as an analytical tool for the study of urban political regimes. The article gives the assessment of a new interpretation of the concept proposed by the author himself as a concept of urban order, which will allow to take into account the influence of contextual changes on the formation of urban governance mechanisms. A certain contribution is made to the scientific discussion on new contextual factors influencing the interaction of the main institutions of urban order – government structures and civil society structures. It is proposed to consider group social consciousness as a non-institutionalized contextual factor. It is proved that group social consciousness can become an indicator that will help to identify the uniqueness of this urban community and assess the effectiveness of a particular urban political regime / order, calculate the risks of mutual influence of the authorities and society in the process of communicative interaction. The analysis of several urban cases of the Southern Federal District reflecting special national and religious specifics is offered as an example. The empirical basis of the secondary sociological analysis was a survey of 2,500 students conducted in 2019–2021 in the cities of Rostov-on-Don, Novocherkassk, Krasnodar, Stavropol, Pyatigorsk, Nalchik, Astrakhan.

Keywords: urban political regime, urban politics, urban political order, group student consciousness, contextual factor.

Город – это уникальное коммуникативное явление, до конца не исследованный феномен взаимодействия гражданского общества и власти в современном обществе. Политический аспект коммуникации интересен прежде всего с точки зрения понимания механизмов различных институционализированных и неинституционализированных форм «соуправления» организаций граждан и городских властей, официально наделённых полномочиями управления городскими структурами.

До недавнего времени основным методологическим инструментом исследования города как политического образования, а также городской политики была концепция политического режима Кларенса Стоуна, обоснованная им в известном труде «Режимная политика: правление Атлантой, 1946–1988» [Stone 1989]. В ней городские режимы определены как «неформальные механизмы, посредством которых государственные органы и частные интересы функционируют вместе, чтобы иметь возможность прини-

мать и выполнять управленческие решения» [Stone 1989, 3]. За три десятка лет применения данной концепции постепенно выявились теоретические несоответствия и накопились проблемы в интерпретации полученных с её помощью результатов исследований, заставившие заговорить о её парадигмальном кризисе. В научном сообществе был поставлен вопрос о необходимости переосмысления и переоценки концепции, периодически выдвигались и предложения по её согласованию с другими теориями среднего уровня, например, с концепцией американского политического развития (Р. Дилворт).

Основная причина ревизии данного теоретического подхода заключается в необходимости учесть изменения, произошедшие за последние полвека в политической жизни, обусловившие процесс дифференциации городских режимов. Сам Кларенс Стоун в своей работе «Тенденции изучения городской политики: парадигмальный взгляд» [Stone 2017] соглашается с тем, что наметился поворотный момент в городских исследованиях, который требует установить новые парадигмальные рамки концепции городских политических режимов, оценить её перспективы. Переосмысливая свою концепцию применительно к новым реалиям политического развития в работе «Размышления о политике режима: от правящей коалиции к городскому политическому порядку» [Stone 2015], Кларенс Стоун предложил переформулировать её в концепцию многоуровневого политического порядка. Концепция политического порядка, по мнению К. Стоуна, позволит учитывать влияние контекстуальных изменений на формирование механизмов управления городом.

Присоединяясь к дискуссии по оценке перспектив обновления концепции городских политических режимов, предлагаем обратить внимание на возможности рассмотрения структуры политического режима (порядка) с точки зрения неинституционализированных процессов группового общественного сознания. До сих пор основное внимание исследователями уделялось преимущественно институциональной структуре коалиции акторов и возможностям их доступа к институциональным ресурсам; сам Стоун фокусирует внимание на механизмах связи между акторами – формальными (соглашения и институты) и неформальными (социальные сети), – которые формируют понимания общности целей и идентичности.

Какие же факторы, контекстуальные по сути, могут, однако, значительно влиять на формирование механизмов управления городом и городскую политику? Таковым среди прочих следует назвать фактор группового общественного сознания, политических ориентаций, ценностей идентичности гражданского общества, характерный для данной городской общности. Состояние группового общественного сознания может стать тем индикатором, который поможет выявить уникальность данной городской среды и оценить эффективность конкретного городского политического режима / порядка, просчитать риски взаимовлияния власти и общества в процессе коммуникативного взаимодействия. Предлагаем в качестве примера анализ нескольких городских кейсов в разных регионах Южного федерального округа, отражающих определённую национальную специфику, уровень социально-экономического развития, особенности географического место-

положения, влияние религиозных конфессий. Эмпирической базой для вторичного социологического анализа стал опрос 2500 студентов, проведённый в 2019–2021 годах в городах Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Краснодар, Ставрополь, Пятигорск, Нальчик, Астрахань.

Вопросы в анкете носили косвенный характер, позволяющий респондентам избежать необходимости отвечать на слишком прямолинейно поставленный вопрос относительно отношения к власти. Так, чтобы выяснить наиболее приемлемую модель политического режима в сознании студентов, можно использовать вопрос, предлагающий респондентам определить «идеальный период российской истории», но связать его с представлением о том, «какой должна быть Россия». В результате Российская империя по совокупности ответов (21,5%) стала лидером предпочтений, на втором месте – современный период (15,45%), третье место поделили сталинская и брежневская эпохи (14,2% и 14,11%). Приведём максимальные значения предпочтений Российской империи: 28,3% – Пятигорск, 23,8% – Астрахань, 20,2% – Нальчик. Таким образом, более всего имперский период российской истории привлекает потомков народов, населявших национальные окраины, что означает востребованность сильной централизованной власти и в современных условиях в этих городских образованиях. Современный период, в анкете обозначенный как «эпоха Путина», наиболее привлекает Нальчик (19,2%), Краснодар и Астрахань (19,6%) и Ставрополь (19,5%), что также можно трактовать как запрос на «сильную руку» в управлении. Сталинскую эпоху с заметным отрывом поддерживает Нальчик (19,2%).

Полученный расклад предпочтений не должен трактоваться в том смысле, что лишь русские жители южнороссийских территорий воспринимают современную Россию как империю; практически в равной степени это можно сказать как о Ростовской области (19,9%), так и о республиках Северного Кавказа (24,4%). Многонациональной империей Россию видят и Краснодарский край (22,4%), и Ставропольский край (17,3%), совершенно различные по этническому составу. Однако запрос на сильную власть, как показывает другой вопрос, касающийся ценностных установок студентов, связан ещё и с приверженностью патриархальным ценностям. Так, большинство респондентов, определившихся с выбором, наиболее значимой для себя ценностью считают хорошую, дружную семью (частота 414).

Таким образом, можно констатировать, что для развития концепции городского политического порядка необходимо искать новые методы исследования, а также следует утверждать, что определённые возможности для этого открывает зондирование группового общественного мнения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Stone 1989 – Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence, 1989.
Stone 2015 – Stone C. N. Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order // Urban Affairs Review. 2015. Vol. 51. 1. Pp. 101–137.
Stone 2017 – Stone C. N. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53. 1. Pp. 3–39.

REFERENCES

- Stone 1989 – Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence, 1989.
- Stone 2015 – Stone C. N. Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order. *Urban Affairs Review*. 2015. Vol. 51. 1. Pp. 101–137.
- Stone 2017 – Stone C. N. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View. *Urban Affairs Review*. 2017. Vol. 53. 1. Pp. 3–39.

Информация об авторе / Information about the author**Татьяна Александровна Подшибякина**

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры теоретической и прикладной политологии.
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: tan5@bk.ru

Tatiana A. Podshibyakina

Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: tan5@bk.ru

АТМОСФЕРА БЕЛОРУССКИХ ПЛОЩАДЕЙ

Ю. А. Протасова

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
protasovay@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема пустоты городских площадей. Автор стремится проследить процесс формирования, использования и реконструкции площадей Беларуси. Статья раскрывает содержание понятия «атмосфера общественных пространств». Исходя из этого анализируются площади Беларуси от момента возникновения до нашего времени.

Ключевые слова: атмосфера, восприятие, площадь, общественное пространство, город.

THE ATMOSPHERE OF BELARUSIAN SQUARES

Julia A. Protasova

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
protasovay@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of the emptiness of city squares. The author seeks to trace the process of formation, use and reconstruction of the city squares of Belarus. The article reveals the content of the concept of “atmosphere of public spaces”. Proceeding from this, the city squares of Belarus are being analyzed from the moment of their occurrence to our time.

Keywords: atmosphere, perception, square, public space, city.

Пространство – функция ума,
Преобразующая время
В мечты, события, прозренья.
Пространство – функция ума!
И пусть сомнений в этом – тьма,
Но даже в энных измереньях
Пространство – функция ума,
Преобразующая время.

А. Л. Борычев¹

Архитектурная среда не только создаёт фон для жизни человека, но и влияет на него, может вызвать как положительные эмоции (восхище-

¹ Улица неспящих фонарей. Современная русская поэзия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sleepless.pro/works/5000> (дата обращения: 14.09.2022).

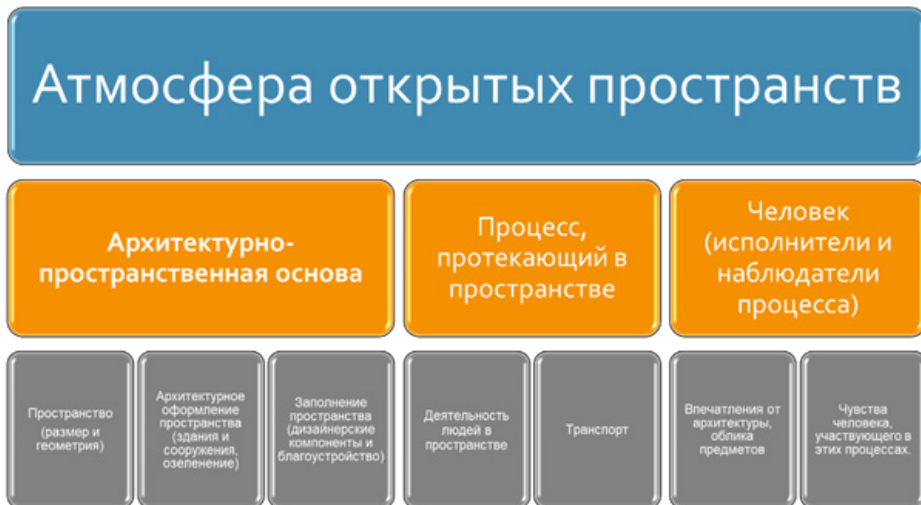
ние, восторг), так и отрицательные (угнетение, отторжение), создаёт настроение. Процесс восприятия архитектурных объектов – это активный процесс, зависящий также от пространства, формируемого архитектурными объектами, деятельности человека в этом пространстве и т.д. Архитектурная среда «немыслима без единовременности существования и восприятия “оболочки” и её заполнения, субъектов и объектов осуществляемых здесь видов деятельности» [Шимко 2007, 42]. Восприятие архитектуры включает в себя восприятие её объемно-пространственной структуры, понимание её функционального наполнения, социального содержания, постижение её художественной формы, определение семантической идеи, изучение концептуального содержания, стилевой направленности. Восприятие средового состояния отражается в понятии «атмосфера». Здесь основным компонентом является эмоциональное содержание происходящих в пространстве процессов, чувств и впечатлений человека.

Понятие «*атмосфера общественных пространств*» можно определить как комплексное взаимодействие нескольких составляющих:

1) архитектурно-пространственная основа, содержащая (а) само пространство (размер и геометрия площади), (б) архитектурное оформление пространства (высота, объём, стиль здания и (в) заполнение пространства (дизайнерские компоненты и благоустройство);

2) содержание протекающих здесь процессов, включающих (а) деятельность людей на площади и (б) транспорт, который добавляет динамики в пространство;

3) человек как исполнитель и наблюдатель процессов и его впечатления от архитектуры, облика предметов, а также чувства человека (ил. 1).

Ил. 1. Составляющие понятия «атмосфера открытого общественного пространства»

С течением времени изменяется человек и окружающая его среда. Зодчество в истории «всегда стояло особняком, доминировало среди других искусств, воплощая фундаментальные идеи своей эпохи» [Шимко 2007, 42].

Это касается не только самих архитектурных объектов, которые возникли как дань времени (храм Рамзеса II в Абу-Симбеле, Дом «Испания» в Мадриде, дом Советов в Калининграде, Дворец Парламента в Бухаресте, дома культуры во многих городах СССР и многие другие), но и пространства (проспект империи и квартал Всемирной выставки в Риме, Дворцовая площадь Санкт-Петербурга, площадь Кенконс в Бордо, площадь Республики в Алма-Ате, площадь Тяньаньмэнь в Пекине, площадь Свободы в Джакарте и т.д.). Уникальность архитектуры в том, что образ архитектурного сооружения и, соответственно, того пространства, которое оно формирует, продолжает жить и воздействовать на зрителя, даже если исчезают или трансформируются причины, вызвавшие его появление [Гаврилов 2020, 150].

Так, площади по прошествии большого количества времени начинают жить сами по себе, независимо от того, выполняют ли они те же функции или нет, несут ли они ту же смысловую нагрузку или нет. В ходе неоднократной трансформации образ и атмосфера площадей меняются. Рассмотрим более подробно площади Беларуси в историческом контексте, так как на разных этапах их формирования они выполняли разные функции, имели разное символическое значение.

Площади Беларуси в XIII–XVI вв. формировались, в принципе, так же, как и площади стран Европы. Первые площади – это небольшие открытые пространства (рынки, торги) в пределах крепостных стен или за ними. Это были небольшие пространства, не имеющие чётких границ и никак архитектурно не оформленные.

Позднее, с ростом городов, принятием ими Магдебургского права, увеличением численности населения появляются новые рыночные пространства. Чаще всего эти площади формировались главными зданиями города (ратуша, гостиный двор, здания монастырей и др.). Они были больших размеров и могли вместить всех горожан.

В XVIII в результате разделов Речи Посполитой часть Беларуси вошла в состав Российской империи, территория городов увеличилась. Теперь центры городов – это полифункциональные площади. Они получили функциональное многообразие: сакральная (комплекс монастырей, духовное училище, коллегиум), развлекательная (городской театр, цирк, сквер), административная (здание присутственных мест), жилая (усадебная, жилые дома, гостиный двор), торговая (торговые ряды). На площадях в силу их многофункциональности было большое количество людей, создавалась особая атмосфера (ил. 2).

Иногда в городах формировалась система площадей с разной функциональной направленностью: культового назначения, торговая, административная. Эти пространства были наполнены людьми, объектами торговли, транспортом того периода. На площадях проходили военные парады, встречи с государем. Если рассмотреть гравюры, картины и фотографии прошлых лет, то видно, что белорусские площади, в отличие от площадей Западной Европы, не были богато декорированы, но они «жили».

Для восприятия площадей важны две формы взаимодействия: «среда – состояние» и «среда – событие». Площади в обычные дни «жили»

своей жизнью. Но вот когда происходили события (ярмарка, военный парад, народные гуляния), то площади получали новую атмосферу – атмосферу праздника (ил. 3).

Ил. 2. Несвиж, самая старая из сохранившихся в Беларуси ратуш, возведена в конце XVI в.

Ил. 3. Новогрудок, торговая ярмарка, 1916 г.

В XX в. при восстановлении городов после Второй мировой войны формировались новые парадные площади, которые отвечали социалистической идее. При реконструкции городских территорий для создания больших пространств для парадов и демонстраций сносили исторически

ценную застройку, разрушая при этом атмосферу исторического центра (пл. Независимости, пл. Октябрьская в Минске, пл. Советская в Гродно). Были созданы большие общественные пространства с обилием общественных функций (городские исполкомы, институты, административные здания, дворцы культуры и т.д.). В центре таких пространств чаще всего была парковка, партерное озеленение. Так как эти площади находятся в центре городов со всё увеличивающимся количеством транспорта, они превращались в большие транспортные развязки. Атмосфера наполненности при этом теряется (ил. 4).

Ил. 4. Гродно, площадь Советская, 1960-е гг.

Ил. 5. Гродно, площадь Советская после реконструкции, 2020-е гг.

Ил. 6. Минск, площадь Независимости, 2020-е гг.

В начале XXI в. главные общественные пространства городов были реконструированы. Например, на площади Независимости в Минске появился подземный торговый центр, подземная парковка, изменилось движение общественного транспорта. На площади Советской в Гродно также было изменено движение транспорта, появилось новое озеленение. Но атмосфера площадей, созданных в советский период, значительно не изменилась (ил. 5).

Для архитекторов важно оценить площадь для дальнейшего использования в градостроительном аспекте. Мы наблюдаем, что для площадей, имею-

ших историю, атмосфера сохраняется и в наши дни. Прошли века, а атмосфера сохраняется. Это заметно при проведении на площадях праздников. Например, на площади Свободы в Минске проводятся дни народных культур, концерты, музыкальные вечера, кинопоказы, новогодние представления, световые шоу и др. Эти пространства наполнены различными действиями, людьми, в них комфортно и безопасно. История возрождается и трансформирует новую атмосферу площади.

Площади, созданные в XX в. в стиле модернизма, на сегодняшний день не наполнены функцией, не наполнены людьми, не наполнены действием. Административные, учебные здания не добавили жизни площади. Они формируют *пространство пустоты*. На современных площадях нет атмосферы. Это свидетельствует том, что большие площади обживаются по-другому. Необходимы другие приёмы формирования таких пространств (ил. 6).

Возможно, что такие пространства необходимы в современном городе – пространства спокойствия. Но расположение в центральной зоне и наличие большого количества транспорта не создают уюта. На сегодняшний день это *резервуары пустоты*. Пройдёт время, и архитекторы вернуться к таким площадям и наполнят их жизнью, создадут новую атмосферу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаврилов 2020 – Гаврилов А. М. Дизайн городской среды как средство преобразования исторического пространства // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Великий Новгород, 2020. С. 148–158.
Шимко 2007 – Шимко В. Т. Основы дизайна и средовое проектирование. Москва, 2007.

REFERENCES

- Gavrilov 2020 – Gavrilov A. M. Design of the Urban Environment as a Means of Transforming the Historical Space. *Visual Anthropology – 2019. City-University: Living Space and Visual Environment*. Veliky Novgorod, 2020. Pp. 148–158. In Russian.
Shimko 2007 – Shimko V. T. Fundamentals of Design and Environmental Planning. Moscow, 2007. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Юлия Александровна Протасова

кандидат архитектуры,

доцент архитектурного факультета.

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь.

E-mail: protasovay@mail.ru

Julia A. Protasova

Cand. Sci. (Architecture),

Associate Professor at the Architecture Faculty.

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus.

E-mail: protasovay@mail.ru

«НОВЫЕ ГОРОЖАНЕ»: ИНКЛЮЗИВНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ

А. Н. Расходчиков

Московский центр урбанистики «Город», Россия
silaslowa@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся данные социологических исследований, демонстрирующие разницу восприятия и общие ценности различных социальных групп в зависимости от времени проживания в городах. Обосновывается тезис о значительном влиянии историко-культурной среды на адаптацию приезжих и принятие «новыми горожанами» элементов городской идентичности. Приводятся результаты социологического исследования, проведённого в исторических районах Москвы (Лефортово и Басманный р-н), в ходе которого, в частности, предпринималась попытка выявить ожидания и предпочтения жителей в отношении развития данных городских территорий. На основе теоретических подходов к исследованию интернет-коммуникаций, вопросам городского развития, управления социальными и политическими процессами автор предлагает новые пути формирования более инклюзивной городской политики.

Ключевые слова: исторический город, новые горожане, коренные жители, идентичность, интеграция.

“NEW TOWNSPEOPLE”: INCLUSIVE POLICY AND SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF HISTORICAL CITIES

Alexey N. Raskhodchikov

Moscow Center for Urban Studies “City”, Russia
silaslowa@mail.ru

Abstract. The article presents data from sociological studies that demonstrate the difference in perception and common values of different social groups, depending on the time of their living in the cities. The conclusion is substantiated about the significant influence of the historical and cultural environment on the adaptation of visitors and the acceptance by the “new townspeople” of elements of urban identity. Based on theoretical approaches to issues of urban development, management of social and political processes, study of Internet communications, the author proposes new approaches to the formation of a more inclusive urban policy.

Keywords: historic city, new townspeople, natives, identity, integration.

Пространство исторического города наполнено символами и атрибутами прошлых эпох. Городская среда исторична, она простирается не только в пространстве, но и во времени [Дридзе 1998], сохраняет и транслирует культурные ценности, формирует особую местную идентичность, притягивает красотой своей архитектуры и эстетикой форм. Исторические городские ландшафты и культурные локации создают уникальную форму или средú, в которой постоянно воспроизводится новая социальная жизнь. Однако будучи воспроизведённой, она начинает жить, развиваться и заявлять о своих правах, в том числе на городское пространство, на переосмысление ценностей и создание своей истории. Таким образом формируется одно из множества противоречий и конфликтов городской жизни [Дебор 2000, 27]. В этом противоречии историко-культурной среды и социальной динамики рождаются новые, более приспособленные к современности формы и практики.

Возможности путешествий и лёгкость перемещений на большие расстояния уже сформировали новую городскую мобильность. Города теперь нельзя воспринимать как локальные сообщества прошлого, объединённые своеобразной идентичностью и навсегда привязанные к месту жительства. Улицы современных городов наполняют «новые горожане» – приезжие из других регионов, студенты, туристы и мигранты [Щербинин, Щербинина 2020]. Новые горожане приносят в города динамику, а также необходимые для развития финансовые потоки и трудовые ресурсы. Кроме того, они вносят свой вклад в городскую жизнь, происходящие события и структуру социальных отношений. Эти группы уже слишком многочисленны, чтобы их можно было игнорировать. Вследствие этого городская политика становится более инклюзивной, то есть начинает учитывать не только потребности коренных, постоянно проживающих на территории горожан, но и включать в городские процессы приезжих, обеспечивать их участие в происходящих изменениях.

В то же время увеличение количества приезжих зачастую вызывает недовольство коренных жителей, провоцирует рост социальной напряжённости и обостряет социальные конфликты в городских районах. «Новые горожане», не являясь носителями местной культуры, иначе воспринимают историю города и происходящие изменения. Увеличение роли приезжих в городской политике может приводить к решениям, нарушающим привычный жизненный уклад местных жителей, приводить к болезненным вмешательствам в символичные городские объекты.

Коренные жители vs «новые горожане»

Невозможность воспринимать современный город, ценности его историко-культурного наследия и стратегии развития без учёта влияния «новых горожан» (мигрантов, студентов, туристов) довольно основательно в своих работах обосновывал Алексей Игнатьевич Щербинин. В тематическом поле политологии эта проблема отражалась в вопросах «права на город», в возможностях участия в городской политике, а также в определении влияния исторических ландшафтов и местных укладов на процессы

социализации приезжих [Щербинин 2021]. В социологическом дискурсе отдельное внимание на иное отношение «новых жителей» к происходящим трансформациям городов, которое часто противоположно позиции коренного населения, обращает Н.Е.Покровский [Покровский и др. 2020]. Эти теоретические обоснования и гипотезы находят подтверждение в многочисленных социологических исследованиях, проведённых в Москве и ряде других городов Агентством социальных исследований «Столица» при непосредственном участии автора.

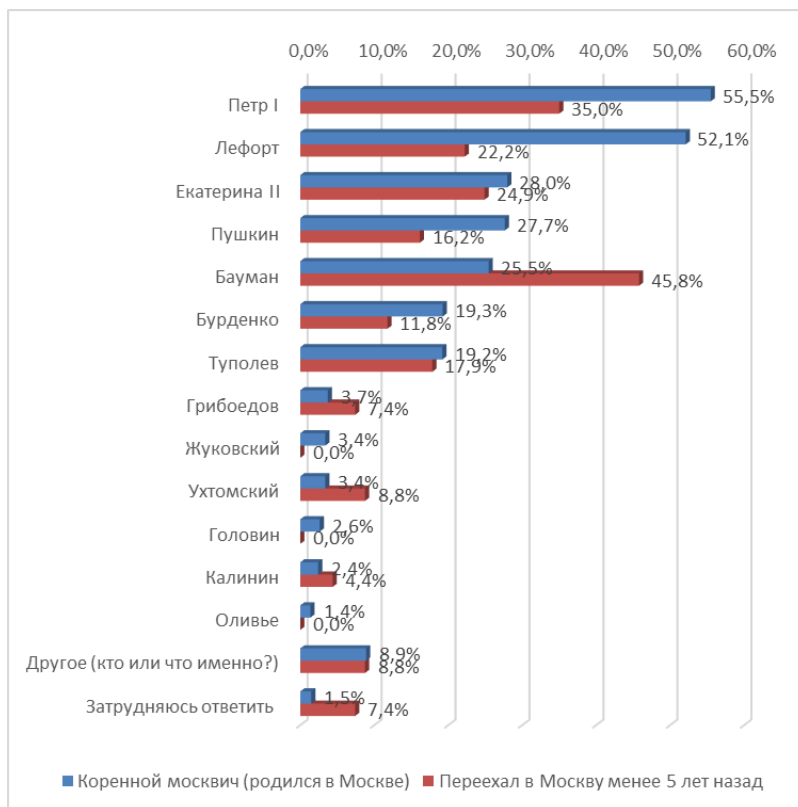
Ещё в 2013–2014 годах при проведении исследований по заказу Комплекса градостроительной политики Москвы мы обратили внимание на разницу в отношении к различным аспектам городской политики в зависимости от времени жительства респондентов в столице. В результате в инструментарий исследований были внесены вопросы, позволяющие выделять пять условных групп респондентов: (1) недавно приехавших в Москву, (2) находящихся в столице от 5 до 10 лет, (3) проживающих от 10 до 20 лет, (4) проживающих более 20 лет и (5) коренных москвичей. Формат данной статьи не предполагает подробного научного обоснования данного деления, отмечу лишь, что выделение групп связано с возможностями приезжих приобретать жильё и жизненными этапами обустройства в столице.

Отношение к архитектурному и историко-культурному наследию городов во многом зависит от того, насколько жители территории воспринимают исторические объекты, события и персоны как значимые и ценные. В ходе одного из исследований в исторических районах Москвы (Лефортово и Басманный р-н) участников опроса просили отметить наиболее значимых исторических деятелей, связанных с этими районами. Полученное распределение ответов очень ярко иллюстрирует разницу в восприятии истории места в сознании коренного населения и недавно приехавших жителей (ил. 1). Так, ответы коренных жителей демонстрируют хорошую осведомлённость об истории района. Чаще всего респонденты данной группы отмечали основателей «немецкой слободы», давшей начало развитию этих районов Москвы, Петра I и Франца Лефорта. Значительное число коренных жителей также отмечали Екатерину II, чей дворец является одной из достопримечательностей района Лефортово, а также А.С.Пушкина, родившегося в этом районе Москвы. Совсем иную картину предпочтений исторических персон демонстрируют «новые жители»: чаще всего они отмечали революционера Н.Баумана¹, а также общеизвестных исторических деятелей Петра I и Екатерину II. Стоит отметить, что ответы недавно приехавших жителей чаще связаны с расположенными в районе объектами и названиями улиц (набережная академика Туполева, ул. Ухтомского, сквер им. Калинина).

Значительные расхождения во мнениях коренных жителей и приезжих также наблюдаются в оценке происходящих в районе изменений. Так, каждый четвёртый из коренных жителей в ходе опроса заявил об ухудшениях в жизни района, среди «новых жителей» доля таких ответов составила всего

¹ Скорее всего, это связано с расположением в районе одноимённой улицы и станции метро, а также названных в честь него МГТУ и городской клинической больницы № 29.

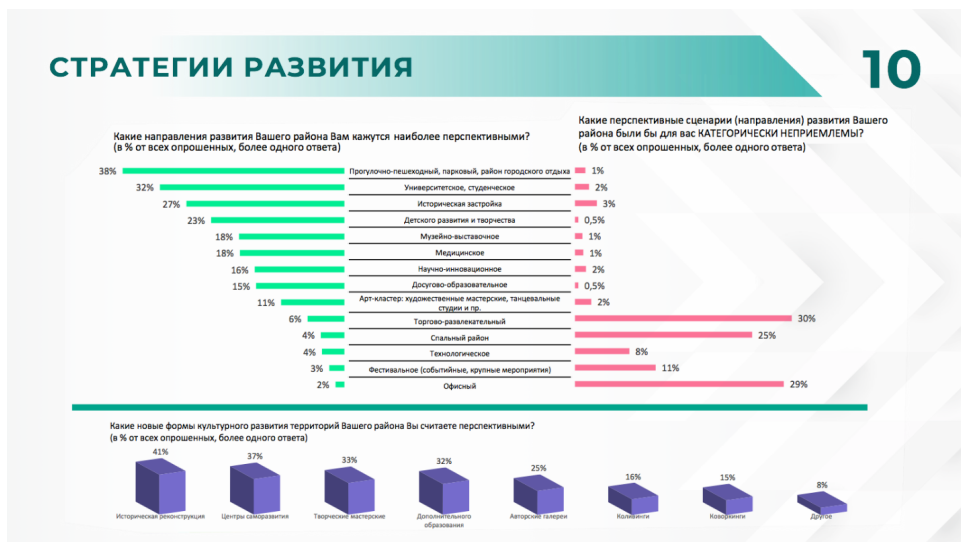
14,3%. О проблемах высокоэтажной точечной застройки в районе заявили 22,3% опрошенных коренных жителей, среди недавно переехавших респондентов данная проблема не была обозначена ни разу. Характерно, что коренные жители гораздо чаще выражали готовность участвовать в жизни района (62,9% ответов), в то время как среди приезжих таких желающих оказалось гораздо меньше – 44,7%.

Ил. 1. Диаграмма распределения ответов респондентов на вопрос: «Какие исторические персоны вы могли бы выделить как наиболее значимые и для вашего района?»

Ресурсные возможности «новых горожан»

Стратегии городского развития помимо различных предпосылок (исторических, географических, экономических, национальных и т.д.) должны как минимум учитывать мнение населения – одного из ключевых участников предполагаемых изменений. В ходе исследований в московском районе Лефортово-Басманный была предпринята попытка выявить ожидания и предпочтения жителей в отношении будущего районов, оценить приемлемость различных альтернатив развития городских территорий. Исследование демонстрирует высокий потенциал стратегий развития с опорой на университеты, образование и науку (ил. 2).

Ил. 2. Распределение ответов на вопросы о наиболее приемлемых и нежелательных стратегиях развития районов.

В московских районах Лефортово-Басманный университетско-студенческое направление развития получило значительную поддержку участников опроса – 32%, а молодёжь, по мнению большинства респондентов (60,7%), может стать определяющей развитие районов группой. В то же время ещё более популярным направлением, по мнению жителей, является развитие районов как прогулочно-пешеходных, парковых, ориентированных на отдых – 38,4% ответов респондентов. Как справедливо отмечает А.Н.Языкеев, данные стратегии развития являются для районов Москвы не антагонистическими, а скорее гармонично дополняющими друг друга [Языкеев 2021]. При грамотном сочетании стратегий историческая городская среда может способствовать более качественной социализации иногородних студентов, а молодёжь в свою очередь может привнести в старые районы социальную динамику и активность.

Среди спорных направлений развития, способных вызвать недовольство части местного населения можно выделить: торгово-развлекательную специализацию (30,1% опрошенных считают категорически неприемлемой), а также модели развития по типу офисного (29% противников) или спального района (24,6% противников).

Основные надежды по развитию района жители Лефортова-Басманного связывают в первую очередь с молодёжью (60,7% ответов), представителями интеллигенции, экспертного сообщества (35,7%), а также бизнесменами и предпринимателями (18,4%), отдельно выделяя малый бизнес в сфере культуры (19,1%). В то же время необходимо отметить высокий уровень обеспокоенности жителей угрозой роста числа мигрантов на территории районов – 64,9% респондентов высказали такие опасения.

Выводы

Город как одна из форм человеческого общежития и самоорганизации не может застыть в прошлом, исключительно в сохранении истории и восприятии культурных кодов минувших лет. Социальная среда динамична, она постоянно обновляется: появляются новые более удобные вещи и технологии, меняются формы работы, общения и отдыха. Всё это требует обновления городских пространств, внедрения современных технологий и появления новых объектов. Гармоничное развитие исторического города должно сочетать сохранение историко-культурного наследия и развитие городской инфраструктуры таким образом, чтобы новые объекты, создавая современные удобства, не нарушали архитектурную ткань улиц и символических мест.

«Новые горожане» иначе, чем коренные жители, воспринимают историю городских районов, менее остро реагируют на происходящие изменения, менее мотивированы участвовать в жизни городов. Рост числа приезжих часто вызывает раздражение у местного населения, что может негативно сказаться на отношении коренных жителей к политике городских властей. В то же время активная часть приезжих (студенты и молодые семьи) способна оживлять городскую жизнь. Они становятся ценным ресурсом развития образовательного и научного потенциала территорий. Таким образом, очевидна необходимость целенаправленных усилий, специальных программ и мероприятий по интеграции приезжих в социальную и культурную жизнь городов и районов.

Происходящие изменения актуализируют новые сложные вопросы: готовы ли коренные жители делиться с приезжими своим «правом на город», насколько велика разница в восприятии городских изменений среди коренного и приезжего населения, может ли историческая среда стать основанием для объединения этих групп во взглядах на городское развитие и формировании общего «образа будущего»? Ответ на эти вопросы, на наш взгляд, лежит в плоскости изучения новых принципов городского развития, основанных на использовании современных технологий, новых способов конструирования городской реальности, социальных концепций «умного города» [Kharlamov et al. 2021].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дебор 2000 – *Дебор Г.* Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса. Москва, 2000.
- Дридзе 1998 – Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон / Под ред. Т. М. Дридзе. Москва, 1998.
- Покровский и др. 2020 – *Покровский Н. Е., Макшанчикова А. Ю., Никишин Е. А.* Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64.
- Щербинин, Щербинина 2020 – *Щербинин А. И., Щербинина Н. Г.* Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299.

- Щербинин 2021 – Щербинин А. Архитектура особого типа // Университетский город: архитектура смыслов. Москва – Томск, 2021. С. 8–13.
- Языкеев 2021 – Языкеев А. Стратегии развития территорий с опорой на университеты // Университетский город: архитектура смыслов. Москва – Томск, 2021. С. 56–63.
- Kharlamov et al. 2021 – Kharlamov A. A., Raskhodchikov A. N., Pilgun M. A. Smart city data sensing during covid-19: Public reaction to accelerating digital transformation // Sensors. 2021. Vol. 21 (12). URL: <https://www.mdpi.com/1424-8220/21/12/3965> (date of access: 17.09.2022).

REFERENCES

- Debord 2000 – Debord G. La Société du spectacle. Transl. into Russian by S. Ofertas. Moscow, 2000.
- Dridze 1998 – Urban Planning: From Social Diagnostics to a Constructive Dialogue of Stakeholders. Ed. by T. M. Dridze. Moscow, 1998. In Russian.
- Kharlamov et al. 2021 – Kharlamov A. A., Raskhodchikov A. N., Pilgun M. A. Smart City Data Sensing During Covid-19: Public Reaction to Accelerating Digital Transformation. *Sensors*. 2021. Vol. 21 (12). URL: <https://www.mdpi.com/1424-8220/21/12/3965> (date of access: 17.09.2022).
- Pokrovsky et al. 2020 – Pokrovsky N. Ye., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A. Reverse Migration in Pandemic Crisis: Russia's Out-of-Town Spaces as an Adaptation Resource. *Sociological Studies*. 2020. 12. Pp. 54–64. In Russian.
- Shcherbinin 2021 – Shcherbinin A. Architecture of a Special Type. *University City: Architecture of Meanings*. Moscow – Tomsk, 2021. Pp. 8–13. In Russian.
- Shcherbinin, Shcherbinina 2020 – Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. Political Construction of the Image of the Future. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2020. 56. Pp. 285–299. In Russian.
- Yazykeev 2021 – Yazykeev A. University-based Territorial Development Strategies. *University City: Architecture of Meanings*. Moscow – Tomsk, 2021. Pp. 56–63. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Алексей Николаевич Расходчиков

кандидат социологических наук,

председатель правления.

Московский центр урбанистики «Город», Россия.

E-mail: silaslowa@mail.ru

Alexey N. Raskhodchikov

Cand. Sci. (Sociology),

Chairman of the Board.

Moscow Center for Urban Studies “City”, Russia.

E-mail: silaslowa@mail.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-165-169>

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРОДА ГЛАЗАМИ КРУИЗНОГО ТУРИСТА*

К. Л. Рожков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
natio@bk.ru

Аннотация. Ограничения выездного туризма в связи с пандемией и геополитической ситуацией перенаправили туристический поток внутрь страны и создали возможность для малых исторических городов заработать на приёме гостей. Многолетний успешный опыт Мышкина по привлечению круизных туристов был до последнего времени описан преимущественно в гуманитарных исследованиях, но не получил необходимого осмысления в терминах маркетинга и менеджмента. Целью настоящего исследования является выявление факторов успеха города Мышкина в развитии круизного туризма. Применённый метод исследования – множественное кейс-стади. Для сбора данных использовалась совокупность методов невключённого (внутреннего) этнографического наблюдения и «тайного покупателя». Результаты анализа позволили выявить сравнительные преимущества Мышкина в управлении городом как туристической дестинацией.

Ключевые слова: круиз, туризм, маркетинг, брендинг, исторический город, Мышкин, Углич, Рыбинск.

HISTORICAL CITIES WITH THE EYES OF A CRUISE TOURIST

Kirill L. Rozhkov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
natio@bk.ru

Abstract. Limitations on the outbound tourism due to pandemic and geopolitical situation have redirected the tourists flood inside the country and created an opportunity for small historical cities to earn money on hosting guests. Until recent, for a long time successful Myshkin's experience in attracting cruise tourists had been described primarily in humanitarian studies but did not receive necessary comprehension in terms of marketing and management. The purpose of this study is to reveal the success factors of the

*Статья подготовлена по результатам прикладных исследований, выполненных в рамках научно-исследовательского проекта 2022.006Р «Планирование, организация и проведение комплексных маркетинговых исследований малых городов и региональных центров – потенциальных участников проекта создания зонтичного бренда “Льняная дорога”» Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ в 2022–2023 гг.

city in cruise tourism development. The applied method is multiple case study. The data was gathered during visiting three historical cities (Myshkin, Uglich and Rybinsk) included in cruise excursion program “Moscow – Rybinsk – Moscow”, 18–21.07.2022. The data is accounted for a mixture of non-involved (internal) ethnographic observation and “secret buyer”. The results of the analysis made it possible to identify a set of the comparative advantages of Myshkin in destination management.

Keywords: cruise, tourism, marketing, branding, historical city, Myshkin, Uglich, Rybinsk.

Постановка проблемы

Ограничения выездного туризма в связи с пандемией и геополитической ситуацией перенаправили туристический поток внутрь страны¹. С большой вероятностью можно ожидать продолжения роста спроса на экскурсионный туризм². Кроме того, мощности парка круизных судов России остаются недоиспользованными после сокращения въездного туризма³. Поэтому для малых исторических городов возникает возможность заработать на приёме гостей, и актуальным становится совершенствование методов управления историческими городами как круизными туристическими направлениями.

Между тем, в России уже имеется успешный опыт развития круизного туризма в малого городе, который может стать эталоном для других городов. Мышкин Ярославской области с населением около 5 тыс. человек ежегодно посещают от 150 до 200 тыс. туристов, что является третьим показателем в России. При этом исследователями опыт города до сих пор анализировался преимущественно в терминах антропологии [Леонтьева, Маслинский 2001], культурологии и культурной географии [Максимова 2014], теории местных сообществ [Юдин, Колошенко 2014]. К сожалению, этот опыт до сих пор не получил необходимого осмысления в академической среде. Важным свидетельством мышкинского проекта стала книга одного из его инициаторов В.А. Гречухина [Гречухин 2017]. Однако названная книга не является строго научной в смысле возможностей генерализации описанного в ней опыта. В связи с этим концептуальное осмысление опыта Мышкина в развитии круизного туризма в малых исторических городах, которое позволяло бы выходить на обобщения общероссийского масштаба, представляется актуальным.

Вопрос, на который отвечает данное исследование, таков: «Каковы ключевые условия успеха города в развитии круизного туризма, создаваемые городским сообществом в процессе его контактов с туристами как клиентами?»

Методология

Примененный здесь метод – это множественное кейс-стади [Yin 2018; Eisenhardt, Graebner 2007]. Данные были собраны в ходе посещения трёх

¹ См.: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58171.html>.

² См.: <https://regnum.ru/news/economy/3684865.html>.

³ См.: <https://welcometimes.ru/opinions/tursezon-v-rossii-2023-borba-za-lenivyh-i-pytlivyh-turistov>.

исторических городов (Мышкин, Углич и Рыбинск), включённых в круизную экскурсионную программу «Москва – Рыбинск – Москва», 18–21.07.2022. Для сбора данных использовалась совокупность методов неключённого (внутреннего) этнографического наблюдения, распространённого в антропологии, и метода «тайного покупателя», используемого в маркетинге.

Результатами наблюдения стали заметки, сделанные в процессе посещения городов от момента выхода на пристани и до возвращения на теплоход. Наблюдения интерпретировались в терминах классических теорий маркетинга и брендинга, а также управления туристическими дестинациями.

Ниже приведён пример заметок и их анализа в одной из точек контакта туристов с городом. В заключении кратко представлены выводы по всему исследованию.

Результаты анализа

В трёх городах экскурсантов каждый раз ждала разная встреча. Концептуально говоря, встреча представляла собой первую точку прямого контакта с городом. Сравнивая между собой три точки контакта, можно увидеть следующее.

Первое, что обращает на себя внимание, – это разные *моменты начала первого контакта*. В Мышкине он состоялся ближе всего к выходу с теплохода – на самой пристани; чуть дальше – на переходе от пристани к набережной – он прошёл в Рыбинске; дальше всего от теплохода – в Угличе: на набережной. Чем раньше начинался первый контакт, тем больше создавалось впечатление, что город ждёт гостей и не оставляет их без внимания с самого первого момента их приезда.

Далее, обращает на себя внимание *длительность* этого *первого контакта*, которая была разной в трёх случаях. В Рыбинске это был просто проход «гуськом», не рассчитанный на задержку каждого отдельного проходящего. Чуть больше свободы было в случае с проходом мимо трио в Угличе, которое расположилось на самой набережной. Наконец, самым длительным контакт был в Мышкине, ему способствовала и *организация пространства* (зрители-экскурсанты не мешали друг другу).

То, что было общим во всех случаях, – это попытка *сделать первый контакт с экскурсантами эмоциональным*. На это работали *эмоциональные триггеры*: визуальные (костюмы и декорации), аудиальные (исполняемая музыка) и даже тактильные приёмы (телесный контакт с экскурсантами), используемые при встрече гостей города. При этом в случае Мышкина были задействован самый большой комплекс каналов эмоционального восприятия – органов чувств, через которые экскурсантам передавалась информация.

Наконец, разным был и *эффект первого контакта*. Он явно отличался в Мышкине, где толпа экскурсантов дружно записывала «мышиное» представление на свои смартфоны либо фотографировала его. Сам факт этого коллективного действия свидетельствует о том, что эмоциональные триггеры, использованные принимающей стороной, «сработали» на *эмоциональный отклик* экскурсантов.

Результаты анализа эмпирических данных по всему кругу контактов круизных туристов с принимающими городами позволили выявить сравнительные преимущества Мышкина в следующих элементах управления городом как туристическим направлением: встреча экскурсионных групп на пристани, исполнение экскурсионной программы тура, организация пространства на маршруте, коммуникации экскурсантов с экскурсоводами, коммуникации экскурсантов с местными жителями за пределами экскурсионной программы, создание и трансляция отличительной символики города.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гречухин 2017 – *Гречухин В. А.* Мышкин. Малый город в большом туризме: состояние, проблемы, продвижение, перспективы. Москва, 2017.
- Леонтьева, Маслинский 2001 – *Леонтьева С. Г., Маслинский К. А.* Город и турист: механизмы самопрезентации «города классической провинции» // *Провинция как реальность и объект осмысления*. Тверь, 2001. С. 76–86.
- Максимова 2014 – *Максимова А. С.* Формы и следствия музеефикации малого города: кейс Мышкина и Каргополя // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2014. № 5. С. 15–24.
- Юдин, Колошенко 2014 – *Юдин Г. Б., Колошенко Ю. А.* Стратегии производства туристического опыта в малом городе: локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2014. № 5. С. 5–14.
- Eisenhardt, Graebner 2007 – *Eisenhardt K. M., Graebner M. E.* Theory Building from Cases: Opportunities and Challenges // *Academy of Management Journal*. 2007. 50 (1). Pp. 25–32.
- Yin 2018 – Yin R. K. *Case Study Research and Applications: Design and Methods*. Thousand Oaks (CA), 2018.

REFERENCES

- Eisenhardt, Graebner 2007 – Eisenhardt K. M., Graebner M. E. Theory Building from Cases: Opportunities and Challenges. *Academy of Management Journal*. 2007. 50 (1). Pp. 25–32.
- Grechukhin 2017 – Grechukhin V. A. Myshkin. Small Town in Big Tourism: State, Problems, Progress, Prospects. Moscow, 2017. In Russian.
- Leontieva, Maslinsky 2001 – Leontieva S. G., Maslinsky K. A. City and Tourist: Mechanisms of Self-Presentation of the “Classical Province City”. *Province as a Reality and an Object of Reflection*. Tver, 2001. Pp. 76–86. In Russian.
- Maksimova 2014 – Maksimova A. S. Forms and Consequences of Museumification of a Small Town: The Case of Myshkin and Kargopol. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research*. 2014. 5. Pp. 15–24. In Russian.
- Yin 2018 – Yin R. K. *Case Study Research and Applications: Design and Methods*. Thousand Oaks (CA), 2018.
- Yudin, Koloshenko 2014 – Yudin G. B., Koloshenko Yu. A. Strategies for the Production of Tourism Experience in a Small Town: Local Community and Symbolic Construction in the City of Myshkin. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research*. 2014. 5. Pp. 5–14. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author**Кирилл Львович Рожков**

доктор экономических наук, доцент,
профессор Высшей школы бизнеса.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.

E-mail: natio@bk.ru

Kirill L. Rozhkov

Dr. Sci. (Economics), Associate Professor,
Professor at the Graduate School of Business.

National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia.

E-mail: natio@bk.ru

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА В СОСТАВЕ ВИЗУАЛЬНОГО КОДА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

О. А. Рыжкова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия
utjhubq2006@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен социальной сети «ВКонтакте», служащей не только средством коммуникации, но и способом визуального проявления локальной идентичности. Анализ неформального образа города, отличающегося от рекламно-туристического формата, может стать эффективным инструментом изучения городской среды.

Ключевые слова: городская культура, социальные сети, визуальный контент, идентичность, коммуникация.

URBAN CULTURE IN THE VISUAL CODE OF SOCIAL NETWORKS

Olga A. Ryzhkova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
utjhubq2006@yandex.ru

Abstract. The article considers the phenomenon of the «VKontakte» social network, which serves not only as a means of communication, but also as a way of visual manifestation of local identity. The analysis of the informal image of the city, which differs from the advertising and tourist format, can become an effective tool for studying the urban environment.

Keywords: urban culture, social networks, visual content, identity, communication.

Актуальность исследования визуального кода города определяется изменениями, происходящими в сфере коммуникации [Аванесов 2017, 42], усилением роли социальных сетей в качестве общественных и культурных пространств. Изменение взаимодействия личности с миром, перемещение огромного объема коммуникации в онлайн-пространство благодаря социальным сетям, возникновение феномена «гражданской журналистики» открыли новые возможности для выражения собственной идентичности и в то же время усилили традиционный антагонизм аналогового и виртуального. Взаимодействие в цифровой среде отличается значительной степенью интерактивности, которая проявляется в медиа, основанных на партисипа-

ционных коммуникативных моделях. Таким образом, коммуникацию социальных медиа можно считать наиболее интерактивной, когда все участники процесса на равных участвуют в обмене информацией или контентом.

За годы своего существования сеть «ВКонтакте» стала массовым и всеобъемлющим явлением, где пользователи могут не только переписываться и делиться различным контентом: здесь появляются новые профессии, формируются тренды и эстетические принципы. Востребованность говорит о потенциале ВК как цифрового социокультурного пространства, отражающего развитие системы существующих медиа, где коммуникация становится менее иерархичной, трансформируется в сторону более простых технологий, становится частью самопрезентации.

Цифровая среда также предполагает высокую степень интерактивности, что ярче всего проявляется в пространствах социальных сетей, базирующихся на партиципационных моделях коммуникации. В подобных социокультурных пространствах компоненты общей системы могут обмениваться информацией друг с другом. Пользователь социальных сетей является не только реципиентом, но и производителем контента, создавая, таким образом, новый формат существования медиасферы и переводя её на новый уровень развития. Термин «consumer generated media», или «контент, созданный пользователями», описывает важнейшую часть революционных изменений в медиасфере.

Одна из неотъемлемых составляющих публикуемого пользователями контента – фотографии. Тематика снимков может быть различна: это и самопрезентирующие изображения, фотографии путешествий и домашних любимцев, моменты значимых событий и творческой деятельности. Все они иллюстрируют круг интересов автора, формирующий идентичность, весьма значимым фактором из которых является принадлежность к городской культуре, точнее, к её визуальному воплощению.

Кевин Линч в своей работе «Образ города» акцентирует внимание именно на визуальных компонентах мысленного представления о городе. По его мнению, город можно читать, как текст, и структура его приближается в каком-то смысле к художественному произведению. Это становится возможным благодаря хорошо заметным, опознаваемым объектам, которые способны вызвать сильный образ в сознании любого наблюдателя и «навязывают себя чувствам обострённо и интенсивно» [Линч 1982, 21–22].

Городская культура – это продукт окружающей горожанина среды, состоящей из ландшафта и улиц, зданий, интерьеров общественных пространств и объектов культурного наследия, которые включены в ежедневные городские практики, вызывают эмоции, направляют деятельность горожан, организуют её или ограничивают. Локальные история, культура и традиции ложатся в основу личностной репрезентации городских жителей: «Место в значительной степени предписывает способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей и в то же время определяет картину мира, являясь естественным источником метафор для социального конструирования реальности» [Черняева 2006, 117]. В социальных сетях город даже в качестве географической точки составляет часть онлайн-идентичности: пользователи указывают место рождения, полу-

чения образования и работы, в комментариях к фото отмечают текущее местоположение.

Изучение визуального пользовательского контента, неформальное восприятие города в цифровом измерении может послужить эффективным инструментом прочтения городской среды. Своеобразие Великого Новгорода, к примеру, составляют как природно-климатические особенности (северный колорит, белые ночи), так и социокультурный и исторический контекст («Великий Новгород – Родина России»). Город является популярным туристическим направлением; несмотря на пандемию, ежегодный туристический поток на протяжении последних пяти лет вырос в 2,5 раза и составляет более 2 млн. человек в год¹. Транслируемые городские символы становятся основой культурной политики, реализуемой на государственном уровне [см.: Гигаури 2015]. При этом не менее важен анализ повседневности и актуальных городских процессов, отражённых, в частности, в контенте пользователей социальных сетей. Формируемый образ влияет не только на идентичность новгородцев, но и отвечает запросам туристов, желающих посетить город и погрузиться в его историю и культурное наследие.

В настоящем исследовании задачей является выявить, насколько традиционный и привычный образ города, транслируемый, к примеру, в туристических буклетах, совпадает с восприятием города жителями или отличается от него.

Современные исследователи утверждают, что подобный медиа-контент является такой же частью социальных связей города, как инфраструктура и экономическая активность [см.: Manovich, Indaco 2017]. Изучение визуального контента пользователей ВК позволит проанализировать значимые места города, культурный код, проявляющий себя в выборе объекта съёмки, композиции, колористического решения и цветовых фильтров. Фотоснимок содержит «некое дополнительное сообщение – так называемый стиль репродукции; это вторичный смысл, для которого означающим служит определённая “обработка” образа в ходе творческой работы, а означаемое, либо эстетическое, либо идеологическое, отсылает к определённой “культуре” общества, получающего данное сообщение» [Барт 2003, 380].

В качестве материала для исследования были взяты пять открытых профилей пользователей «ВКонтакте», указывающих принадлежность к Великому Новгороду (что не всегда является местом жительства) и в качестве основного вида деятельности, хобби, девиза или других форм самопрезентации заявляющих фотографическое искусство. Выбранные пользователи визуально декларируют свою принадлежность к Великому Новгороду, отражая на своей странице ВК повседневность городской жизни. Это Андрей Циликос (https://vk.com/andy_mag), Тимофей Шутов (<https://vk.com/valdayfoto>), Иван Люсов (<https://vk.com/hippo>), Максим Озерцов (<https://vk.com/ozertcov>) и Татьяна Толстоусова (<https://vk.com/id24071835>).

Для анализа контента каждого пользователя ВК были рассмотрены фотографии, сделанные в последние три года. Всего было рассмотрено

¹ См.: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/84940/>.

около 4 тысяч работ. Визуально были оценены самые популярные объекты съёмки и городские события, тенденции в композиции кадра и цветовая палитра.

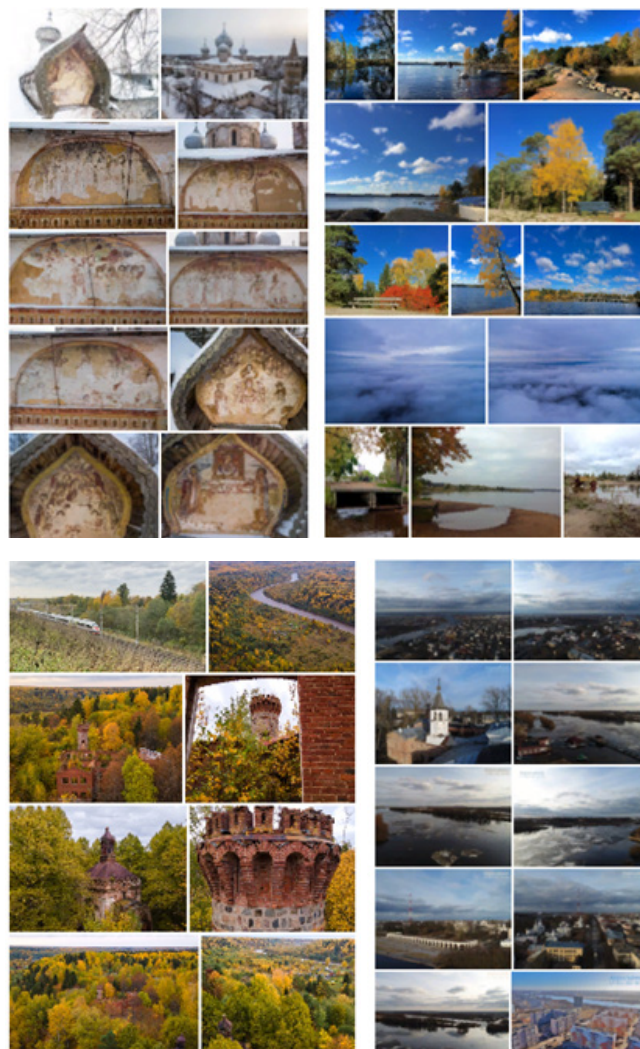
Самым частым объектом съёмки стали городские достопримечательности – Кремль, Софийский собор, Ярославово дворище, памятник Тысячелетия России, монастыри в окрестностях Новгорода и набережная. От стандартной «открыточной» подачи работы отличаются необычные ракурсы, точки съёмки (например, оказалась популярной съёмка с квадрокоптера), внимание к архитектурным деталям, акцент на необычных природных явлениях (съёмка архитектурных сооружений на фоне северного сияния, суперлуния, звездопада или ледохода). С другой стороны, архитектурные ансамбли Великого Новгорода часто становятся фоном – для селфи или портретов, съёмки тематических событий и городских праздников, что является одной из тенденций визуального контента социальных сетей. Обновление городских пространств также нашло своё отражение в фотороботах, где стали появляться городские набережные, детали малой архитектуры и арт-объекты. Наметилась тенденция съёмки «третьих мест» – кафе, арт-кластеров, библиотек, улиц в старом городе, которые нельзя причислить к очевидным туристическим маршрутам; сюда же можно отнести фудфото с указанием локации ресторана или кафе.

Несмотря на разнообразие, самыми распространёнными объектами съёмки остались именно те, которые можно отнести к основному туристическому продукту. Кремль, Софийский собор и Торг являются отражением культурного кода города, его древней истории. Памятники культуры, которые воспринимаются как символы городской среды даже за пределами региона, являются в кадре преобладающими. Они занимают центральную часть композиции в окружении пейзажей, различных времён года и случайных прохожих.

Цветовая палитра (ил. 1) во многом определяется стилем автора и доминирующим сезонным цветом; к примеру, весной это многочисленные оттенки голубого и синего, отражающие яркое весеннее небо, разлив реки и белоснежную архитектуру. Вне зависимости от сезона, наиболее распространёнными цветами являются натуральные оттенки охры и сепии, холодная серо-голубая гамма неба, разнообразие белого в архитектурных деталях. Необходимо упомянуть и о набирающей популярность ночной съёмке, для которой характерно разнообразие темно-синих, шоколадных, терракотовых и жёлтых тонов.

Итак, локальная идентичность пользователя социальных сетей действительно влияет на характер контента. Традиционные «туристические» виды дополняются неформальными символами города, связанными со съёмкой арт-объектов, преобразённых городских пространств, кафе, вывесок и архитектурных деталей. Это не нарушает стилистическое и смысловое единство в восприятии городской среды, но предоставляет дискуссионный повод, для того, чтобы выяснить, насколько современная городская среда привлекательна для жителей. Возможно, это связано высокой концентрацией материальных предметов в рассматриваемом пространстве. Городской житель включён в сложный механизм взаимодействия со средой; этот механизм

определяют пространственно-временная организация, инфраструктура, точки притяжения, культура, повседневные ритуалы. Большой поток впечатлений, как правило, способствует отстранённому отношению к происходящему; горожанина трудно удивить, поэтому составляющие городскую культуру объекты должны быть очень яркими, индивидуальными, выходящими за рамки привычного.

Илл. 1. Преобладающая в зависимости от сезона цветовая гамма

Фото: Иван Люсов

Проявленные в визуальном контенте черты городской культуры объединяют пользователей с исторической традицией, ландшафтом, местными легендами, и, соответственно, отражают ценности и нормы, специфичные для конкретного сообщества и пространства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2017 – *Аванесов С. С.* Томск: визуальное конструирование локальных городских пространств // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 1 (11). С. 41–47.
- Барт 2003 – *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. Москва, 2003.
- Гигаури 2015 – *Гигаури Д. И.* Символическая политика в социокультурном пространстве города (на примере г. Санкт-Петербурга) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 136–139.
- Линч 1982 – *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. Москва, 1982.
- Черняева 2006 – *Черняева Т. И.* Город: производство идентичностей // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Москва, 2006. С. 116–137.
- Manovich, Indaco 2017 – *Manovich L., Indaco A.* The Image of a Data City: Studying the Hyperlocal with Social Media // *Architectural Design*. 2017. Vol. 87. 1. Pp. 110–117.

REFERENCES

- Avanesov 2017 – Avanesov S. S. Tomsk: Visual Constructing of Local Urban Spaces. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2017. 1 (11). Pp. 41–47. In Russian.
- Barthes 2003 – Barthes R. Le système de la mode. Essais de sémiologie de la culture. Transl. into Russian by S. N. Zenkin. Moscow, 2003.
- Chernyaeva 2006 – Chernyaeva T. I. City: Production of Identities. *Citizen of the World or Prisoner of the Territory? To the Problem of Modern Man's Identity*. Moscow, 2006. Pp. 116–137. In Russian.
- Gigauri 2015 – Gigauri D. I. The Symbolic Politics in the Socio-Cultural Space of the City (Case Study of Saint-Petersburg). *Theory and Practice of Social Development*. 2015. 16. Pp. 136–139. In Russian.
- Lynch 1982 – Lynch K. The Image of the City. Transl. into Russian by V. L. Glazychev. Moscow, 1982.
- Manovich, Indaco 2017 – Manovich L., Indaco A. The Image of a Data City: Studying the Hyperlocal with Social Media. *Architectural Design*. 2017. Vol. 87. 1. Pp. 110–117.

Информация об авторе / Information about the author**Ольга Александровна Рыжкова**

аспирант.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия.

E-mail: utjhubq2006@yandex.ru

Olga A. Ryzhkova

Postgraduate student.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

E-mail: utjhubq2006@yandex.ru

«ИВАНЫ, ПОМНЯЩИЕ РОДСТВО». СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ В ФОЛЬКЛОРНОМ ЛАГЕРЕ

Л. С. Соколова

Детская школа искусств Мотовилихинского района, Пермь, Россия
soloveykaru@mail.ru

Аннотация. Под понятие «горожане в загородных практиках» подходят фольклорные смены в летнем лагере «Нечайка» Пермского края для современных городских детей. Такие смены проводились трижды с 2018 года. К реализации программы профильной смены привлекаются мастера – специалисты по фольклору, этнографии, декоративно-прикладному искусству Прикамья. Ежегодно в фольклорной смене участвует примерно 260 детей от 7 до 17 лет, никто из них не является участником фольклорных коллективов, многие изначально с недоверием и пренебрежением относятся ко всему «народному». Цель смены – социализация участников средствами народной традиционной культуры. Смена устроена как средневековый город – со своим князем, дружиной, монетным двором, валютой, «жителями» – слобожанами, боярами, воеводами. Повседневной одеждой мастеров смены являются народные костюмы. Фольклорная смена обнажила проблемы современных детей и подростков, самая заметная из которых – размытость гендерных ролей. Одна из задач, которую решали мастера совместно с вожатыми, – воспитание уважительных взаимоотношений между детьми и подростками – решалась средствами народной традиционной культуры: с помощью народных игр, народного театра, бытовых танцев, вербальных и музыкальных форм фольклора. В «родительский день» для детей и их родителей были проведены индивидуальная и групповая фотосессии в народных костюмах. Итогом фольклорной смены в «средневековом городе» стали: богатый багаж народных игр, сказок, поделок, песен, плясок, хороводов и общая увлечённость народной традиционной культурой всеми 260 участниками лагеря.

Ключевые слова: фольклор, фольклорный лагерь, народная культура, средневековый город, дети, подростки, народные игры.

“IVANS WHO REMEMBER THEIR ORIGIN”. MODERN CHILDREN IN FOLKLORE CAMP

Liliya S. Sokolova

Children’s Art School of the Motovilikhha district, Perm, Russia
soloveykaru@mail.ru

Abstract. The definition of “Citizens in suburban practices” includes folklore sessions at the *Nechaika* summer camp in the Perm Territory for modern urban children. Such ventures have been held three times since 2018. Masters – specialists in folklore, ethnography, decorative and applied arts of the Kama region are involved in the implementation of the

program. Every year, about 260 children from 7 to 17 years old take part in the folklore session, none of them is a member of folklore groups, many initially treat everything “folk” with distrust and disdain. The purpose of the change is to socialize the participants by means of folk traditional culture. The change is arranged like a medieval city – with its own prince, squad, mint, currency; “inhabitants” – Slobozhans, boyars, governors. Everyday clothes of shift masters are folk costumes. The change in folklore exposed the problems of modern children and adolescents, the most noticeable of which is vagueness of gender roles. One of the tasks that the masters solved together with the leaders – the upbringing of respectful relationships between children and adolescents – was solved by means of folk traditional culture: with the help of folk games, folk theater, everyday dances, verbal and musical forms of folklore. On the “parents’ day” for children and their parents, individual and group photo sessions were held in folk costumes. The result of the folklore shift in the “medieval city” was: a rich baggage of folk games, fairy tales, crafts, songs, dances, round dances and a common enthusiasm for folk traditional culture of all 260 camp participants.

Keywords: folklore, folklore camp, folk culture, medieval city, children, teenagers, folk games.

Под понятие «горожане в загородных практиках» напрямую подпадает фольклорная смена в летнем лагере для современных городских детей. Фольклорные лагерь, смены, летние площадки и другие виды летней занятости детей и подростков в фольклорном формате становятся всё более распространёнными. Наша практика в этом направлении тоже разнообразна – от трёх дней «погружения в фольклор» в православном лагере до трёхнедельной летней фольклорной площадки для участников фольклорного ансамбля. Однако весьма интересным опытом стала работа в рамках полноценной трёхнедельной фольклорной смены для обычных городских детей в летнем лагере «Нечайка» Пермского края.

Миссия «Нечайки» – раскрыть потенциал детей через творчество. Каждая смена – это погружение в определённый вид творчества. Бывают смены дизайнерские, туристические, связанные с развитием креативного мышления, медиа и т.д. Тематика смен меняется из года в год. С 2018 г. трижды темой смены становился фольклор. Организатором смены является Пермский дом народного творчества «Губерния», который привлекает к реализации смены мастеров – специалистов по фольклору, этнографии, декоративно-прикладному искусству и т.д. Ежегодно на фольклорной смене бывает примерно 260 детей от 7 до 17 лет. И это не участники фольклорных коллективов. Это современные, вполне модные дети, ни один из них не сталкивался раньше фольклором и, более того, многие с недоверием и пренебрежением относятся ко всему «народному».

Цель смены заключается в социализации участников средствами народной традиционной культуры [Крапчунов 2021, 61–62] в течение 21 дня. Погружение в фольклорную среду начинается со дня заезда в лагерь. Смена устроена как средневековый город – со своим князем, дружиной, монетным двором, валютой – «нерублями». Отряды называются «слободами», жители – это слобожане, вожатые – бояре, председатель отряда – воевода.

Мастера фольклорных программ ежедневно ходят в народных костюмах, позиционируя их как повседневную одежду. Традиционное приветствие смены – поясной поклон. И дети, и взрослые, приветствуя друг друга, «били челом». Даже зарядка в лагере несколько раз проводилась под гармонь, по фольклорным мотивам (например, по мотивам сказки «Царевна-лягушка»).

Каждый раз бывает страшно, что у ребят произойдёт отторжение предложенной им тематики. Многие воспринимают народную культуру как устаревшее, несовременное явление – а тут вся смена для молодых современных ребят посвящена этой «архаике». Однако в том и уникальность фольклорных детских и молодёжных форм, что они универсальны!

Дети младшего школьного возраста любят бегать, прыгать, играть – пожалуйста, народные игры «Зайчик», «Золотые ворота», «Горелки» и масса других. Для ребят постарше важна соревновательность – вот вам «лапта» и игры с более сложными правилами: «Городки», «Растяпа», «Шишки-жёлуди-орехи», «Корзиночки». Подросткам 14–17 лет становятся интересны взаимоотношения с противоположным полом – в этом помогают простенькие бытовые танцы, хороводы – в них надо выбрать и пригласить пару, которая нравится, и держаться с ней за руку.

Если говорить о вербальных формах фольклора – сказках, то и они оказываются интересны разным возрастам. Младшим интересны сюжеты и их разыгрывание, а с подростками можно обсуждать мотивы поведения героев, нравственность или безнравственность их поступков.

А что говорить о материальных формах народной культуры? Когда из-под рук ребят на занятиях в мастерских выходят набивные платочки, глиняные изделия, печатные открытки; когда целый расписной забор в технике Обвинской росписи оказывается делом рук детей и их родителей – всё это вызывает искреннюю радость и интерес. И получается, что архаики в фольклоре как бы и нет. Возрастная психология за столетия не изменилась, все люди проходят одни и те же возрастные периоды. Поэтому правильный подбор фольклорных форм практически сразу включает большинство детей и подростков в активную социальную деятельность и легко приводит к восприятию народной культуры как чего-то живого, деятельного и интересного. Уже в конце первой недели пребывания на фольклорной смене ребята любого возраста говорили, что «народное – это круто».

Другое дело, что в такой разовой «лагерной» ситуации освоение только простых форм фольклора. В этих условиях невозможно «нырнуть глубоко», проникнуться красотой собственного исполнения хороводных, свадебных или лирических песен. Всё-таки все игровые формы – это формы для развлечения.

Смена в лагере представляет собой закрытое общество, в котором все – дети, вожатые, мастера и другой персонал – находятся «в одной банке», все вынуждены принимать правила со-жития, со-бытия и соответствовать им.

Фольклорная смена обнажила несколько проблем современных детей и подростков, одна из которых – размытость гендерных ролей, поведения, ожидаемого от противоположного пола [Ганичева и др. 2017, 73]. Проще говоря, девочки ведут себя, как мальчики, и наоборот.

Одной из активно продвигаемых нами задач было воспитание взаимодействия и уважительных взаимоотношений между всеми членами коллектива средствами народной культуры. Для младших важно познакомиться, подружиться, чтобы было с кем поиграть, так как главная форма деятельности для младших школьников (примерно до 9–10 лет) – это игра, и в большей степени – совместная игра. Поэтому для половозрастной социализации в младших отрядах очень хорошо сработало игровое наполнение мастер-классов по сказке, хороводам, народному театру, в том числе – кукольному. Для более старших ребят также сохранилась игровая деятельность, но было предложено больше тактильных игр, а также игры с выбором пары и поцелуйные, несложные народные пляски и бытовые танцы. Большим успехом у старших отрядов пользовалась кадрилиная площадка, где разучивались парные кадрили. В отличие от игр, где выбор пары зачастую был случайным (случайным), в кадрили парень приглашал девочку, которая была ему симпатична.

Было и разделение на деятельность по гендерному признаку. Например, мальчики готовили бой «Стенка на стенку», в игровой форме отработывали отдельные приёмы борьбы, элементы мужской пляски, устраивали поединки, игры на ловкость и сплочённость, в награду получая поцелуй девушки. Девочки в это время занимались рукоделием и посетили мастер-класс по лепке пельменей под руководством коми-пермяцкого фольклорного ансамбля «Силькан». На занятиях по хороводам, народным играм, кадрилям, в подготовке народной драмы или сказки, необходимо тактильное взаимодействие между партнёрами. В этих ситуациях у ребят возникали сложности. Первое же правило в любой игре или пляске – «мальчик с мальчиком не стоит» – первоначально у всех возрастов вызывала взрыв негодования. Активные занятия ребят народными играми за первые 2–3 дня сблизили их между собой и облегчили не только контакт детей между собой в отрядах, но и контакты детей с вожатыми.

Смена была насыщена не только мастер-классами, но и мероприятиями народной традиционной культуры: вечерки по возрастам, вечер народной драмы, фестиваль сказок, «Аграфена-Купальница» – смотрины красавиц, день Иван Купала с плетением венков, обливанием водой и прыжками через костры и многое-многое другое.

В «родительский день» для всех детей и их родителей были проведены индивидуальная и групповая фотосессии в народных костюмах. Надо отметить, что ребята с удовольствием и уважением надевали народную одежду. 260 ребят разъезжались из лагеря со слезами расставания, увозя с собой богатый багаж народных игр, сказок, разнообразнейших поделок, песен, плясок и хороводов, а главное – приобретя новых близких друзей и глубокую, тёплую любовь к народной традиционной культуре.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ганичева и др. 2017 – Ганичева А. Н., Демидова Н. И., Дубровская Е. А. и др. Социализация личности ребенка от рождения до школы в современных культурно-исторических условиях. Москва, 2017.

Крапчунов 2021 – *Крапчунов Д. Е.* Визуальные проекции почитания сорока Севастийских мучеников в праздничной обрядности русской традиционной культуры // Визуальная теология. 2021. № 1 (4). С. 60–84.

REFERENCES

Ganicheva et al. 2017 – Ganicheva A. N., Demidova N. I., Dubrovskaya E. A. et al. Socialization of the Personality of the Child from Birth to School in Modern Cultural and Historical Conditions. Moscow, 2017. In Russian.

Крапчунов 2021 – *Крапчунов Д. Е.* Visual Projections of the Forty Martyrs of Sebaste Veneration in the Festive Rites of Russian Traditional Culture. *Journal of Visual Theology*. 2021. 1 (4). P. 60–84. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Лилия Сергеевна Соколова

педагог дополнительного образования,
почётный работник общего образования Российской Федерации,
руководитель образцового детского коллектива —
фольклорного ансамбля «Соловейка».
Детская школа искусств Мотовилихинского района г. Перми, Россия.
E-mail: soloveykaru@mail.ru

Liliya S. Sokolova

Teacher of Additional Education,
Honorary Worker of General Education of the Russian Federation,
Head of an Exemplary Children's Group —
Folklore Ensemble "Soloveyka".
Children's Art School of the Motovilikha district, Perm, Russia.
E-mail: soloveykaru@mail.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-181-185>

ПОВЫШЕНИЕ АКТОРНОСТИ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

М. Б. Суданц

Московский государственный лингвистический университет, Россия

marat5085238@gmail.com

Аннотация. В современном мире происходят существенные изменения, связанные в том числе и с появлением на международной арене новых игроков. Изменения происходят и вследствие активизации деятельности городов, которые обретают признаки субъектов международной политики. Отсюда естественно возникает вопрос о формировании целостной и непротиворечивой картины современной системы международных отношений, образующих её компонентах и основных характеристиках.

Ключевые слова: город, урбанизация, городское пространство, международные отношения.

INCREASING THE ACTIVITY OF CITIES IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Marat B. Sudanz

Moscow State Linguistic University, Russia

marat5085238@gmail.com

Abstract. Significant changes are taking place in the modern world, including the emergence of new players in the international arena. Changes are also taking place as a result of the intensification of the activities of cities, which acquire the characteristics of subjects of international politics. Hence, the question naturally arises about the formation of a holistic and consistent picture of the modern system of international relations, its components and main characteristics.

Keywords: city, urbanization, urban space, international relations.

Как справедливо отмечал руководитель Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы Г.Л. Мурадов, в современной политической науке отсутствует должное осмысление понятия международного субгосударственного сотрудничества, «что чревато не только организационными и функциональными, но и политическими издержками» [Мурадов, Тымчик 2009, 39]. Г.Л. Мурадов предлагает следующее определение международной деятельности городов: вовлечение «субгосударств (регионов) в мирохозяйственную и международную деятель-

ность в случае оптимальной синхронизации интересов центра и регионов» [Там же, 41]. С приведённым определением можно в полной мере согласиться, особенно же примечательным представляется установление параллелей между городом и регионом. Такая оценка справедлива в отношении России, поскольку, как известно, в нашей стране Москва, Санкт-Петербург и Севастополь выступают как города федерального значения, т.е. самостоятельные регионы, субъекты Российской Федерации.

В свою очередь, западный исследователь Саломе Гонгадзе полагает, что международные связи городов представляют собой то, что «города действуют в международных отношениях как акторы, политические единицы, которые коллективно преследуют заявленные или неявные цели в вопросах, касающихся международных отношений» [Gongadze 2019]. Приведённое определение также заслуживает внимания; особенно немаловажным является указание исследователя на статус городов как де-факто игроков международных отношений.

Небезынтересно также, что западный политолог Дэниэл Пейич предлагает оригинальный взгляд на международную деятельность городов, выводя её на глобальный уровень. По его мнению, международную деятельность городов следует приравнять к *глобальной городской политике*, что на практике означает «сотрудничество городов в таких областях, как миграция, здравоохранение, экологическая устойчивость и экономическое развитие с участием в глобальных форумах» [Pejić 2020]. Сформулированное Д. Пейичем определение представляется наиболее всеохватывающим из представленных и в настоящем исследовании будет использовано в качестве основного, так как глобальная городская политика отражает сущность и содержание международной деятельности городов как феномена современных международных отношений.

Можно констатировать, что в современных условиях исследование роли городов привлекает всё большее внимание политологов как в России, так и за рубежом. Сложившуюся ситуацию следует оценить как закономерную реакцию научного сообщества, возникшую в связи с повсеместным ростом городского населения и увеличением потребности жителей городов активизировать своё участие в решении общих для городов проблем, фактически являющихся глобальными проблемами всего человечества. В случае же с городами международная деятельность организуется снизу вверх, активизируя потребности рядовых горожан, аккумулируя и институционализируя их активность в международно-политической сфере.

Если же говорить о ресурсах городских образований для осуществления международной деятельности, то в качестве первого из таких ресурсов следует назвать сам факт сосредоточения властной элиты и государственных административных институтов. Зачастую именно мегаполисы и крупные города как раз и являются столицами или центрами нахождения международных организаций, что позволяет размещать штаб-квартиры и административные единицы в непосредственной близости друг от друга. Распространение такой практики в силу объективных причин способствует упрощению налаживания коммуникации между носителями власти и помогает оперативному решению возникающих проблем.

Нельзя не отметить и важность такого ресурса, как локализация на территории городов финансовых учреждений. Как правило, головные офисы крупных банков, международных экономических союзов и других подобных организаций размещаются именно в крупных городах. Доступ к информационным и коммуникационным технологиям позволяет осуществить быструю и выгодную финансовую коммуникацию как между финансовыми структурами, так и между властными элитами, местными и международными. Как правомерно подчёркивает в этой связи российский исследователь Д. А. Савкин, «финансово-экономическое влияние складывается из геоэкономического ресурса города, его инвестиционной привлекательности и способности к управлению мировыми финансовыми потоками посредством финансовых институтов и коммерческих банков; политическое влияние обусловлено особой транснациональной средой, наличием штаб-квартир международных организаций, проведением всевозможных форумов и саммитов, встреч представителей властных элит» [Савкин 2009, 176].

При этом, как справедливо замечает российский исследователь М. М. Лебедева, города выражают и стратегическую культуру¹ государства, обладая для этого ресурсом национальной идентичности и её кристаллизации в одном сосредоточенном месте ввиду компактного размещения социальных групп, обладающих стратегическим мышлением. Так, по мнению М. М. Лебедевой, «стратегическая культура, по всей вероятности, проявляется и в том, через какие модели государство стремится оказывать влияние на других. Так, США за последние годы всё больший акцент делают на том, чтобы влиять не только через государственные структуры (хотя они, разумеется, не исключаются из этого процесса), а непосредственно на людей, реализуя в *публичной дипломатии модель “people-to-people”* (курсив мой – М.Б.), которая подразумевает, что американские граждане взаимодействуют непосредственно с гражданами других стран» [Лебедева 2014, 101]. В подтверждение же правомерности позиции профессора М. М. Лебедевой можно указать на то обстоятельство, что осуществляемая в исследованиях современных германских авторов дифференциация стратегической культуры (например, выделение на национальном уровне стратегической культуры партий и политических элиты) также предполагает де-факто её сосредоточение в политических центрах, в столицах [см.: Белозёров 2022, 13–14].

В итоге можно заключить, что города обладают достаточными социально-политическими, финансовыми и иными ресурсами для участия в выработке и корректировке курса внешней политики государства, прибегая к инструментам и технологиям лоббизма, использованию групп интересов, институтов публичной дипломатии и т. п.

¹ Стратегическая культура выступает как «обращение к способам мышления и действия при решении вопросов применения силы, уходящие корнями в национальный исторический опыт, отражающий модели поведения в критических ситуациях» [Кожухова 2021, 27].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белозёров 2022 – Белозёров В. К. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 13–14.
- Кожухова 2021 – Кожухова К. Е. Стратегическая культура во внешней политике Китайской Народной Республики: Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Москва, 2021.
- Лебедева 2014 – Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99–108.
- Мурадов, Тымчик 2009 – Мурадов Г. Л., Тымчик В. И. Международные связи как фактор развития и имиджа Москвы // Управление мегаполисом. 2009. № 2–3. С. 39–43.
- Савкин 2009 – Савкин Д. А. К вопросу об «акторности» глобальных городов в мировой политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2009. № 4. С. 176–184.
- Gongadze 2019 – Gongadze S. The Emergent Role of Cities as Actors in International Relations // E-International Reations. 2019. URL: <https://www.e-ir.info/2019/08/06/the-emergent-role-of-cities-as-actors-in-international-relations/> (date of access: 06.12.2021).
- Pejic 2020 – Pejic D. Cities and International Relations // Oxford Bibliographies. 2020. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0283.xml> (date of access: 06.12.2021).

REFERENCES

- Belozerov 2022 – Belozerov V. K. Strategic Culture in the Socio-Political and Scientific Discourse of German-Speaking Countries. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2022. Issue 1 (846). Pp. 13–14. In Russian.
- Gongadze 2019 – Gongadze S. The Emergent Role of Cities as Actors in International Relations. *E-International Reations*. 2019. URL: <https://www.e-ir.info/2019/08/06/the-emergent-role-of-cities-as-actors-in-international-relations/> (date of access: 06.12.2021).
- Kozhukhova 2021 – Kozhukhova K. E. Strategic Culture in the Foreign Policy of the People's Republic of China. Thesis of PhD in Political Sciences. Moscow, 2021. In Russian.
- Lebedeva 2014 – Lebedeva M. M. Resources of Influence in World Politics. *Polis*. 2014. 1. Pp. 99–108. In Russian.
- Muradov, Tymchik 2009 – Muradov G. L., Tymchik V. I. International Contacts as a Factor of Development and Image of Moscow. *Management of Megapolis*. 2009. 2–3. Pp. 39–43. In Russian.
- Pejic 2020 – Pejic D. Cities and International Relations. *Oxford Bibliographies*. 2020. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0283.xml> (date of access: 06.12.2021).
- Savkin 2009 – Savkin D. A. On the Role of Global Cities in the World Politics. *Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6: Political Science. International relations*. 2009. 4. Pp. 176–184. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Марат Борисович Суданц

соискатель кафедры политологии.

Московский государственный лингвистический университет, Россия.

E-mail: marat5085238@gmail.com

Marat B. Sudanz

Applicant at the Political Science Departments.

Moscow State Linguistic University, Russia.

E-mail: marat5085238@gmail.com

РОЛЬ ЗОНТИЧНОГО БРЕНДИНГА ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ*

А. С. Худина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
askhudina@gmail.com

Аннотация. Данное исследование направлено на изучение функционирования и значимости роли зонтичного брендинга исторических городов на примере известного бренда «Золотое кольцо России» путём проведения интервью с экспертами в области туризма. В этой работе представлен один из этапов полноценного исследования механизмов функционирования кобрендинговых объединений, на котором изучалось текущее состояние материнского бренда, а также анализировались существующие препятствия для развития и продвижения зонтичного бренда. Результаты показывают, что развитие изучаемого зонтичного бренда является весьма перспективным, однако имеет большое количество барьеров для качественного и эффективного развития.

Ключевые слова: бренд, кобрендинг, туристическая дестинация, Золотое кольцо России, туристические потоки.

THE ROLE OF UMBRELLA BRANDING FOR HISTORICAL CITIES

Anna S. Khudina

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
askhudina@gmail.com

Abstract. This article is aimed at studying the functioning and significance of the role of umbrella branding of historical cities on the example of the famous brand “The Golden Ring of Russia” by conducting interviews with experts of tourism. This paper presents the stage of the study of mechanisms of co-branding associations’ functioning, particularly, the current state of the maternity brand, as well as the analysis of existing obstacles to the development and promotion of the umbrella brand. The results show that the development of the umbrella brand is very promising, however, it has many obstacles for its effective development.

* Статья подготовлена по результатам прикладных исследований, выполненных в рамках научно-исследовательского проекта 2022.006Р «Планирование, организация и проведение комплексных маркетинговых исследований малых городов и региональных центров – потенциальных участников проекта создания зонтичного бренда “Льняная дорога”» Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ в 2022–2023 гг.

Keywords: brand, co-branding, tourist destination, the Golden Ring of Russia, tourists flow.

Несмотря на значимость известного бренда «Золотое кольцо»¹, а также многолетний опыт сотрудничества городов в рамках зонтичного бренда, механизм его функционирования и, как следствие, его влияние на динамику туристических потоков пока мало изучены, если опираться на анализ существующей литературы. Актуальность этой темы также подкрепляется процессами трансформации туристической индустрии из-за последствий пандемии COVID-19.

Исследование роли зонтичных объединений в брендинге городов проводится на примере функционирования зонтичного бренда «Золотое кольцо России». Представленный здесь анализ является одним из этапов масштабного исследования, проводимого в рамках изучения кобрендинга как фактора туристического потока в города [см.: Худина 2022 а, Худина 2022 б]. К этапам качественной части исследования относятся анализ теоретической базы на основе академической литературы, анализ различных каналов взаимодействия стейкхолдеров бренда «Золотое кольцо» с разными группами интересов, создание концептуальной модели исследования и проведение экспертных интервью, что и будет описано далее в статье. Количественная часть исследования строилась на построении регрессионной модели и корреляционном анализе собранной выборки.

На данном этапе исследования, с целью раскрыть механизм функционирования, а также получить экспертное мнение в отношении рассматриваемых аспектов в области совместного брендинга «Золотого кольца» и различных субъектов применительно к туристической отрасли, было проведено два интервью с экспертами. Тема интервью заключалась в оценке текущего состояния «Золотого кольца», включая брендинг и вопросы продвижения, а также выделении препятствующих факторов развития туризма в соответствующих городах Золотого кольца и перспектив их дальнейшего развития с целью дополнения концептуальной модели. Также целью был поиск дополнительных переменных, которые бы характеризовали туристический поток и потенциал его развития в контексте построения концептуальной модели по результатам качественного исследования и её оценки в рамках количественного.

Оба интервью проходили в устной форме. В качестве первого эксперта был приглашён Сергей Юрьевич Поздняков, руководитель Туристского Экспертного Сообщества, председатель комиссии Общественного Совета при Ростуризме, входящий также в национальную ассоциацию специалистов событийного туризма (НАСТ). Опыт его работы в туризме – с 1988 года.

¹ 17 место в общем рейтинге туристических брендов России и 1 место в общем рейтинге туристических маршрутов, согласно Национальному рейтингу туристических брендов (ТОП-100), составленному Центром информационных коммуникаций «Рейтинг» и журналом «Отдых в России» при участии исследовательского агентства VCGroup. Начало развитию бренда было положено в 1967 году [см.: Бычков и др. 1967].

В сферу его интересов входит развитие территорий через туризм, а именно – Золотое кольцо, гастрономический и событийный туризм в России. Вторым экспертом являлся Александр Алексеевич Житник, со-основатель компании TravelHacks² с опытом работы в туристической отрасли более 15 лет. На данный момент Александр ведёт блог с туристическими советами: куда лучше поехать, как сэконоимить в путешествиях, где лучше поесть, что из местной кухни обязательно попробовать и чем заняться в путешествии. Он имеет опыт работы в операторских компаниях, ДМС России и Израиля, в офлайн- и онлайн-проектах.

Вопросы интервью были сформированы с целью оценки как текущего состояния «Золотого кольца» (вопросы № 1–2) и проверки выводов, сделанных на предыдущих этапах качественного исследования, так и тенденций его развития (вопросы № 3–6), в том числе в форме совместного продвижения (кобрендинга) под общим брендом «Золотое кольцо» (расширенный вопрос № 7). Отдельное внимание было уделено двум аспектам, нашедшим своё отражение в соответствующих вопросах интервью, – вопросах о текущих препятствиях на пути развития «Золотого кольца» и, следовательно, о возможных факторах, которые характеризовали бы успешность данной ассоциации городов в контексте туристической привлекательности, что прямо связано с целью проведения данных интервью.

Анализируя ответы респондентов, я выделила следующие ключевые идеи, основанные на вопросах интервью:

1. *Что, на Ваш взгляд, из себя представляет «Золотое кольцо России»?* – «Золотое кольцо России» – это популярный как у туристов, так и у местных жителей туристический маршрут, в котором собраны самые интересные и уникальные города, в совокупности создающие образ полноценного территориального бренда.

2. *По Вашему мнению, перспективно ли дальнейшее развитие «Золотого кольца России»?* – Дальнейшее развитие Золотого кольца очень перспективно, но нужно уметь правильно выстроить концепцию развития. Во-первых, нужно опираться на прошлый опыт, во-вторых, – на современные нужды: доступность, логистика, движение в ногу с технологиями.

3. *Какие Вы можете назвать последние тенденции в развитии «Золотого кольца России», которые являются наиболее перспективными?* – Наиболее необходимыми и важными факторами для развития являются: постоянное нахождение в информационном поле, в том числе посредством совместного продвижения через различные каналы, обеспечение налаженного транспортного сообщения и логистической сети, современные цифровые технологии.

4. *Назовите факторы, которые могут выступать препятствующими или сдерживающими развитие туризма, а также привлечение большего турпотока на территории городов Золотого кольца?* – Среди факторов, которые могут препятствовать развитию туризма и привлечению турпотока, можно назвать отсутствие видения будущей концепции развития, что может вытекать из устаревшего взгляда на вещи и бюрократии,

² <https://travelhacks.guru/>.

которая дестимулирует делать инфраструктуру более доступной, а сервис более качественным и удобным.

5. *Какие задачи, на Ваш взгляд, являются первостепенными для привлечения большего количества туристов в города Золотого кольца?* – Для привлечения большего числа туристов требуется, в первую очередь, продвигать туристические услуги региона, а также использовать современные технологии. Помимо этого, безусловно, важным фактором является наличие доступной инфраструктуры, причём как транспортной, так и логистической. Также, для того чтобы туристы имели возможность не только добраться до дестинации, но ещё и получить положительные эмоции, необходим высокий уровень качества сервисов и самих объектов.

6. *Какие действия необходимо совершить администрации городов, входящих в Золотое кольцо, чтобы «оживить» его?* – Администрации городов Золотого кольца должны объединить свои усилия с целью обмена мнениями для достижения общего успеха, особенно в области брендинга и фирменной айдентики «Золотого кольца».

7. *Как Вы оцениваете характер взаимодействия бренда «Золотое Кольцо» и местных региональных брендов, иными словами, кобрендинг «Золотого кольца» и входящих в него городов?* – Кобрендинг Золотого кольца и городов, входящих в него, выстроен не очень равномерно. В частности, это характеризуется тем, что некоторые города, имея собственный бренд, активно продвигают как его, так и зонтичный бренд «Золотое кольцо», в то время как другие – полностью зависят от зонтичного бренда, так как не имеют собственного сильного регионального бренда.

Таким образом, «Золотое кольцо» действительно является популярным и перспективным туристическим направлением, при этом ключевыми барьерами на пути его эффективного развития являются 3 главных фактора:

Первый – дезорганизованность, что проявляется в недостаточном совместном планировании и выработке стратегии развития и продвижения соответствующих дестинаций, в том числе посредством кобрендинга. Данный вывод дополнительно подтверждает описанную выше точку зрения на проблемы децентрализованного развития «Золотого кольца» на протяжении довольно продолжительного периода.

Второй фактор касается влияния транспортной инфраструктуры, определяющей численность туристов. Данный фактор прямо коррелирует с тем характером взаимодействий, который сложился у «Золотого кольца» и государственных структур и который описан в разделе анализа B2G-взаимодействия. В частности, «Союз городов Золотого кольца» активно развивает партнёрства с транспортными компаниями, в первую очередь в железнодорожной отрасли.

Третий фактор прямо связан с совместным брендингом дестинаций и самого «Золотого кольца», который в условиях бюрократии, а также разного качества развития собственных брендов не позволяет полноценно и эффективно осуществлять продвижения соответствующих туристических дестинаций.

Проведённые интервью позволили выявить существующие достоинства зонтичного бренда «Золотое кольцо», а также определить нынешнее состо-

яние зонтичного бренда и сформировать выводы о возникающих перед материнским брендом трудностях для эффективного продвижения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бычков и др. 1967 – Бычков Ю., Жегис В., Фомин А. Золотое кольцо. По старым русским городам // Советская культура. 1967. 21 ноября. С. 3.
- Худина 2022 а – Худина А. С. Кобрендинг как фактор туристического потока в города на примере Золотого кольца России. Магистерская диссертация по направлению подготовки 38.04.02 «Менеджмент». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. <https://www.hse.ru/ma/tourism/students/diplomas/627522422> (дата обращения: 10.08.2022).
- Худина 2022 б – Худина А. С. Ко-брендинг как фактор туристического потока в города // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2022 (в печати).

REFERENCES

- Bychkov et al. 1967 – Bychkov Yu., Zhegis V., Fomin A. The Golden Ring. Through Old Russian Cities. *Soviet Culture*. 1967. Nov. 21. P. 3. In Russian.
- Khudina 2022 a – Khudina A. S. Co-branding as a Factor of Tourist Flow to Cities on the Example of the Golden Ring of Russia. Master's Thesis in the Field of Study 38.04.02 "Management". National Research University "Higher School of Economics", 2022. <https://www.hse.ru/ma/tourism/students/diplomas/627522422> (date of access: 10.08.2022). In Russian.
- Khudina 2022 b – Khudina A. S. Co-branding as a Factor of the Tourist Flow to Cities. *Moscow State University Bulletin. Series 6. Economy*. 2022 (in press). In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Анна Станиславовна Худина

магистрант Высшей школы бизнеса.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: askhudina@gmail.com

Anna S. Khudina

Master's student at the Graduate School of Business.

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.

E-mail: askhudina@gmail.com

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-191-197>

ПАМЯТНИКИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФЕНОМЕНА РУССКОГО СКОМОРОШЕСТВА

Е. Т. Цветкова

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
tsvetkovaekaterinat@yandex.ru

Аннотация. В последние годы в России возрастает интерес к различным видам традиционного народного творчества. В среде теоретиков и практиков отечественного фольклорного движения образовалось направление, стремящееся реконструировать зрелищно-игровую деятельность русских скоморохов. Так как собственного письменного наследия скоморохов не сохранилось, проблема отсутствия достоверных исторических источников решается зачастую путём конструирования иллюзорных фикций, направленных на обеспечение мнимого эффекта «верности традиции». С недопустимыми искажениями, превратно интерпретируется содержание как письменных, так и изобразительных источников, в том числе памятников монументальной живописи древней Руси. В статье рассматривается и анализируется проблема таких искажений, предлагаются пути их выявления и устранения.

Ключевые слова: иконография, иконология, традиция, фольклор, скоморох, фресковые композиции, Мелётово, карикатура, неоязычество.

MASTERPIECES OF MONUMENTAL PAINTING OF ANCIENT RUSSIA AS PICTORIAL SOURCES IN THE RESEARCH OF THE PHENOMENON OF RUSSIAN BUFFOONERY

Ekaterina T. Tsvetkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
tsvetkovaekaterinat@yandex.ru

Abstract. In recent years, the interest to various types of traditional folk art has been increasing in Russia, and among theorists and practitioners of the national folklore movement, a trend has been formed that seeks to reconstruct the entertainment and gaming activities of Russian buffoons. Since buffoons' own written heritage has not been preserved, the problem of the lack of reliable historical sources is often solved by constructing illusory fictions aimed at making imaginary effect of "fidelity to tradition". The content of both written and pictorial sources, including pieces of monumental painting

of Ancient Russia, is misinterpreted with unacceptable distortions. The article discusses and analyzes the problem of such distortions, suggests ways to define and eliminate them.

Keywords: iconography, iconology, tradition, folklore, buffoon, fresco compositions, Meletovo, caricature, neo-paganism.

Скоморошество является неотъемлемой частью русской смеховой культуры и изучается специалистами в области социо-гуманитарных и творческих дисциплин. Форма деятельности скоморохов исследуется по различным типам источников, основными из которых являются тексты антискоморошеских указов и сочинений церковных писателей.

Скоморошество развивается с середины XIX века, однако до настоящего времени вопрос исторической периодизации феномена русского скоморошества так и не решился: различными исследователями хронологические периоды распределяются на три, четыре или пять этапов. Во всех случаях ключевым рубежом является 1470 г., с которого формируется корпус достоверных письменных источников, обеспечивающих процесс изучения тех периодов скоморошества, которые принято считать поздними. Ранние этапы остаются неизведанными и реконструируются гипотетически. Одним из вариантов предполагается, что русское скоморошество следует рассматривать как архаичное явление восточно-славянской «дохристианской» ритуально-обрядовой практики; другая версия отстаивает концепцию вестернизированного заимствования.

Авторы скоморошеских трудов включают в свою источниковедческую базу различные изобразительные источники, в том числе памятники древнерусской монументальной живописи. Настенные росписи Софийского собора в Киеве и церкви Успения Богородицы в селе Мелётово Псковской области упоминаются в публикациях как достоверные источники, отражающие доподлинное бытование русских скоморохов. В отличие от рукописных иллюстраций, фресковым композициям уделяется большее внимания в связи с их особыми коммуникативными свойствами: крупным форматом, массовой доступностью и длительной сохранностью.

Киевский собор Святой Софии расписан в XI веке; одна из его фресковых композиций некоторое время трактовалась как самое раннее изображение русских скоморохов. В каталогах, альбомах и путеводителях она так и называлась – «Скоморохи». Однако в 1964 г. реставраторы раскрыли ранее неизвестные детали этой сцены, что заставило учёных отказаться от прежней версии. По вновь выявленным элементам в восполненном иконографическом сюжете было обнаружено изображение пневматического органа, снабжённого клавишами, мехами, рычагами и трубами, что указывает на влияние не народной и не русской, а придворной византийской и западноевропейской культуры, заимствованной двором киевского князя [Высоцкий, Тоцкая 1967, 51].

Прошло уже более 60 лет с тех пор, как стало известно, что киевская фреска не имеет отношения к русскому скоморошеству, однако в современных

исследовательских статьях, монографиях и даже диссертациях она продолжает использоваться в качестве «свидетельства и упоминания о скоморохах на Руси» [Аргов 2015, 17], называется «древнейшим свидетельством» [Тимофеева 2016, 196] и сопровождается тому подобными утверждениями. Непреодолимое искушение «удревнить» сам феномен русского скоморошества заставляет авторов научных работ обходить неудобные факты, чтобы успешно выдавать желаемое за действительное.

С исключением Киевского памятника из списка источников старейшим изображением скоморохов стала фресковая композиция Успенской церкви в Мелётово. Основной информационной ценностью этой сцены являются, во-первых, надпись над фигурой скомороха, где читается, что это именно скоморох, а во-вторых, дата росписи храма, известная из Псковских и Новгородских летописей (ил. 1).

Ил. 1. Скоморох. Фреска. Мелётово, 1465

Мелётовская церковь расписана в 1465 году. Д.С.Лихачёв установил литературный источник фресковой композиции – «Сказание о скоморохе» из древнего Синайского патерика, составленного духовным писателем VII века Иоанном Мосхом. Сюжет повествует о богохульнике-скоморохе, который оскорблял в своих песнях Богородицу, за что был наказан отсечением рук и ног [Лихачёв 1964, 462]. Данный памятник неоднократно исследовался в работах советских, а потом и российских искусствоведов и реставраторов, в толковании которых изображение скомороха стало отождествляться с образом библейского царя Давида, а явление скомороху

Богородицы интерпретировалось как признак его святости. Такая идея «христианизации» скomorоха не имеет прямых оснований в текстах сказания Иоанна Мосха, однако именно она внушила к себе симпатию и получила развитие в трудах большинства исследователей мелётовских фресок.

Сам академик Лихачёв не решался однозначно трактовать символическое изображение сцены со скomorохом. Точно так же не стал этого делать работавший в Мелётово реставратор-копиист А. Н. Овчинников. Исследовавшие данную тему слависты А. Г. Бобров и К. Миура нашли ряд ошибок в статье А. К. Крылова и О. Ю. Крыловой, в частности, в искажении перевода текста сказания, где вместо того, чтобы прочитать, что скomorох Богородицу «*не послуша*», Крыловы просто удалили частицу «*не*» [Бобров, Миура 2014, 489]. В результате такой простой операции получилось оправдать и развить «покаянную» версию о «святом» скomorохе.

Вследствии уже и в скomorоховедческих монографиях В. П. Даркевича, З. И. Власовой, Н. С. Серёгиной, в диссертациях А. В. Аргова [Аргов 2015, 41] и М. Н. Тимофеевой [Тимофеева 2016, 125], во многих других научных публикациях мелётовский скomorох интерпретировался уже в «воцерковлённой» версии, чем было внесено дополнительное искажение в истолкование замысла псковских живописцев, что также отразилось и на разрешении вопроса о происхождении русского скomorошества.

Учитывая, что сочинения преподобного Максима Грека и митрополита Московского Даниила, а также антискоморошеские указы светских и церковных властей появились намного позже (в XVI–XVII вв.), фиктивное конструирование «позитивного» образа мелётовского скomorоха помогает современным апологетам идеи об архаичном, и именно «дохристианском», возникновении феномена русского скomorошества, развивать стратегию приписывания скomorохам «элементов средневековой культуры языческого происхождения» [Тимофеева 2016, 6], позиционировать их именно как «пережиток язычества» [Аргов 2015, 83].

Сравнительно-сопоставительный метод исследования иконографии и стилистический анализ фресок мелётовской церкви убедительно обнаруживают в образе скomorоха аллегорическое карикатурное изображение Византийского императора Иоанна VIII Палеолога, отступника православной веры, подписавшего соборное уложение о принятии католических догматов на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1445 гг. [Цветкова 2022, 367]. Портретное сходство идентифицируется по самому явному отличительному признаку Иоанна VIII, его головному убору, шляпе с высокой тульей, легко узнаваемой по многим портретным изображениям, сделанным ещё при жизни византийского императора (ил. 2).

Мелётовские живописцы работали по заказу «промосковской» партии псковских посадников, имена которых указаны на портале и в барабане купола церкви: Яков Кротов, Зиновий Михайлович и Иван Пучков. Данные посадники находились в конфликте с «пролитовской» партией, и образ скomorоха использовался ими в качестве аллегорической карикатуры на своих оппонентов. Аналоги таким изображениям появились в Западной Европе в XVI веке, в начальный период борьбы Ватикана с учением Лютера и Кальвина, когда реформаторы и католики взаимно упражнялись в пор-

третировании друг друга, в том числе изображая шутами в колпаках. Впоследствии плакатная политическая карикатура активно применялась и применяется в наглядной пропаганде в ходе войн, революций и других противостояний.

Ил. 2. Портреты императора Иоанна VIII Палеолога. XV в.

На данном основании иконографический сюжет мелётовской фрески с изображением скомороха никак не может интерпретироваться как изображение положительного персонажа в христианской сцене и тем более как изобразительный источник бытования скоморошества, как это понимается в упомянутых выше научных работах современных скомороховедов.

Исследователь исихазма, богослов, религиозный философ и переводчик С. С. Хоружий подробно анализировал феномен современных идейных течений, спекулирующих на теме традиционализма и манипулирующих хронотопом, заполняя «чистое пространство» фиктивной «изначальной традицией». Учёный выявил, что подобного рода деятельность практикуется, в том числе, в той среде маргинальных и экстремистских субкультур, где «имеется определённая политическая ориентация, обычно лежащая в русле русского национализма» [Хоружий 2017, 108]. В новой книге историка-медиевиста и сектоведа А. Л. Дворкина «Кто придумал неоязычество» актуальная проблема распространения современных родноверческих учений также раскрывается в контексте насаждения радикальных идей, паразитирующих на патриотических чувствах и «выстраивающих псевдоисторические концепции» [Дворкин 2022, 142].

Стоит добавить, что, кроме идеологического и политического тренда, практика наукообразия и квазиаутентичности стилизованных и вымышленных «традиций» подкрепляется, порой, банальной коммерческой стратегией, эксплуатирующей социальный запрос на экзотические формы досугового общения. В современной городской фольклорной среде существуют такие синкретические формы времяпрепровождения, как «этноджемы»,

«арт-терапевтические тренинги», «музыкальные ретриты» и т.п. медитативные опыты погружения в гипнотический транс, сопровождаемый игрой на гусях, варгане, балалайке и других традиционных народных музыкальных инструментах. Потребителям всевозможных «ведических знаний», «космических энергий», шаманизма и прочей эзотерики вполне убедительным представляется тезис о том, что использование музыкальных инструментов было «важным аспектом магической практики скоморохов», а сам инструмент «воспринимался как элемент воздействия на иной мир» [Аргов 2015, 67], как знак «шаманской силы, жреческой принадлежности», орудие широкого магического воздействия, канал связи с «иным миром» [Тимофеева 2016, 4].

В заключение мы приходим к выводу, что корректное и добросовестное применение иконографического и иконологического методов исследования произведений изобразительного искусства может помочь в выявлении ошибок и намеренных фальсификаций в области теории и практики традиционного народного творчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аргов 2015 – *Аргов А. В.* Культурные смыслы русского скоморошества: диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии. Санкт-Петербург, 2015.
- Бобров, Миура 2014 – *Бобров А. Г., Миура К.* Литературный источник Мелётовской фрески // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 63. Санкт-Петербург, 2014. С. 485–498.
- Высоцкий, Тоцкая 1967 – *Высоцкий С. А., Тоцкая И. Ф.* Новое о фреске «Скоморохи» в Софии Киевской // Культура и искусство Древней Руси. Ленинград, 1967. С. 50–57.
- Дворкин 2022 – *Дворкин А. Л.* Кто придумал неоязычество. Москва, 2022.
- Лихачёв 1964 – *Лихачёв Д. С.* Древнейшее русское изображение скомороха и его значение для истории скоморошества // Проблемы сравнительной филологии. Москва, Ленинград, 1964. С. 462–466.
- Тимофеева 2016 – *Тимофеева М. Н.* Тема скоморошества в русской музыкальной культуре: инструментоведческий аспект. Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. Санкт-Петербург, 2016.
- Хоружий 2017 – *Хоружий С. С.* Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 104–120.
- Цветкова 2022 – *Цветкова Е. Т.* Элементы политической карикатуры в настенной росписи церкви Успения Богородицы в Мелётово // Актуальные проблемы монументального искусства. Санкт-Петербург, 2022. С. 364–371.

REFERENCES

- Argov 2015 – *Argov A. V.* Cultural Meanings of Russian Buffoonery. Thesis of PhD in Cultural Studies. St. Petersburg, 2015. In Russian.
- Bobrov, Miura 2014 – *Bobrov A. G., Miura K.* The Literary Source of the Meletovo Fresco. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 63. St. Petersburg, 2014. Pp. 485–498. In Russian.
- Dvorkin 2022 – *Dvorkin A. L.* Who Invented Neo-Paganism. Moscow, 2022. In Russian.

- Horuju 2017 – Horuju S. S. The Misadventures of the Tradition or Why it is Necessary to Defend the Tradition from Traditionalists. *Voprosy Filosofii [Questions of Philosophy]*. 2017. 9. Pp. 104–120. In Russian.
- Likhachev 1964 – Likhachev D. S. The Oldest Russian Image of a Buffoon and Its Significance for the History of Buffoonery. *Problems of Comparative Philology*. Moscow, Leningrad, 1964. Pp. 462–466. In Russian.
- Timofeeva 2016 – Timofeeva M. N. The Topic of Buffoonery in Russian Musical Culture: Aspect of the Instrumental Science. Thesis of PhD in Art History. St. Petersburg, 2016. In Russian.
- Tsvetkova 2022 – Tsvetkova E. T. Elements of Political Caricature in the Wall Painting of the Church of the Assumption of the Virgin in Meletovo. *Actual Problems of Monumental Art*. St. Petersburg, 2022. Pp. 364–371. In Russian.
- Vysotsky, Totskaya 1967 – Vysotsky S. A., Totskaya I. F. New about the Fresco “Buffoons” in St. Sofia of Kiev. *Culture and Art of Old Russia*. Leningrad, 1967. Pp. 50–57. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Екатерина Тагировна Цветкова

магистрант Института художественного образования.

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: tsvetkovaekaterinat@yandex.ru

Ekaterina T. Tsvetkova

Master's student at the Institute of Art Education.

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: tsvetkovaekaterinat@yandex.ru

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕКОДИРУЕМЫХ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРЫ

Н. С. Чернякова

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
cherns2011@yandex.ru

Аннотация. В культуре как реальном способе жизнедеятельности конкретных субъектов не существует ни замков, ни засовов, ни кодов, ни ключей. Есть только люди, совершающие те или иные действия и поступки, создающие различные материальные и духовные продукты, стремящиеся воспитать следующее поколение субъектов культуры. Совместная жизнедеятельность людей не предполагает кодирования целей и смыслов, потому что может осуществляться только на основе взаимопонимания, достижение которого требует огромных усилий по созданию материальных, знаково-символических средств, обеспечивающих адекватную передачу духовного, ценностно-смыслового содержания культуры. Любое воплощение смысла в предметах, поступках, отношениях может стать визуализацией этого смысла, если смысл находит в этом воплощении материальный, чувственно воспринимаемый носитель. Присущее нашим предкам понимание того, что есть Истина, Красота и Добро Божьего мира прямо и непосредственно воплощены в архитектуре исторических городов, в местах расположения и внешнем облике кремлей, крепостей, храмов, городских построек различного назначения, в иконописи и предметах декоративно-прикладного искусства. Если исторические города и любые иные продукты древних цивилизаций всё ещё существуют в наследии современных субъектов культуры, то исключительно потому, что в каждом поколении находились те, кто сохранял их, оберегал и передавал их из рук в руки новому поколению хранителей. Всё, что мы называем «вечным», непреходящим в культуре человечества, является таковым только потому, что доньше реально воспроизводилось и передавалось от одного поколения к другому посредством не знающей разрывов культурной традиции.

Ключевые слова: исторические города, культура, ценности, смыслы, материальные носители смыслов, связь поколений, традиция.

THE CONNECTION OF GENERATIONS IN THE HISTORICAL CITY SPACE AS NECESSARY CONDITION FOR THE REPRODUCTION OF UNCODED CULTURAL MEANINGS

Natalia S. Chernyakova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
cherns2011@yandex.ru

Abstract. In culture, as a real life of people, there are no locks, no bolts, no codes, or keys. There are only people who perform certain actions and deeds, create various material and spiritual products, and strive to educate the next generation of cultural subjects. The joint life activity of people does not imply coding of goals and meanings, because life can be carried out only on the basis of mutual understanding, the achievement of which requires enormous efforts to create material and symbolic means that ensure adequate transmission of the spiritual, value content of culture. Any embodiment of meaning in objects, actions, relationships can become a visualization of the meaning if this meaning finds a material, sensually perceived carrier. Our ancestors' understanding of Truth, Beauty and Good of God's world is directly embodied in the architecture of historical cities, in the locations and appearance of Kremlins, fortresses, temples, city buildings of various purposes, in iconography and objects of decorative and applied art. If historical cities and any other products of ancient civilizations still exist in the heritage of modern cultural subjects, it is merely because of those who preserved, protected and passed them from hand to hand to a new generation of keepers. Everything that we call "eternal", imperishable in the culture of mankind, is such only because it has been really reproduced and transmitted from one generation to another through cultural tradition that knows no gaps.

Keywords: historical cities, culture, values, meanings, material carriers of meanings, connection of generations, tradition.

Всё, что было когда-либо создано человеком, и всё, что ещё будет создано, является не более чем возможным средством или условием формирования субъекта культуры следующего поколения. Сами по себе результаты человеческой деятельности и система социальных институтов, создающих объективные условия трансляции социокультурного опыта от одного поколения к другому, не могут превратить индивида в носителя той или иной культуры, не могут обеспечить наследование смыслов и ценностных ориентаций в процессе смены поколений.

В качестве субъекта той или иной культуры индивид формируется лишь в процессе совместной деятельности с уже сформировавшимися субъектами данной культуры. Распредмечивая элементы наследия, овладевая ими, формирующийся субъект культуры усваивает воплощённое в продуктах культуры социокультурное содержание, существующие в культуре представления о целях и смыслах жизни, о нормах и правилах общения, о формах воплощения ценностей и о многом другом.

Культура как система жизненных целей, смыслов, форм воплощения ценностей, норм, идеалов и любых иных особенностей реальной жизнедеятельности конкретного субъекта существует, развивается, сохраняется и передаётся лишь от человека к человеку в процессе непосредственной, «живой» связи поколений [см.: Чернякова 2017].

Осваивая природный мир и создавая предметный и духовный мир культуры, человек удовлетворяет свои потребности, не думая при этом, что создаёт или использует знаки. Дома и компьютеры, музыка и живопись нужны ему вовсе не для того, чтобы фиксировать в знаковой форме информацию о себе самом или расшифровывать информацию о других. В своей знаковой функции любые продукты культуры выступают лишь перед теми, кто их изучает в качестве чуждых, непонятных, таинственных. Напротив, любой предмет из фонда наследия приобретает качества предмета собственной культуры только в результате утраты своей знаковости. Смысл процесса распредмечивания в том и состоит, чтобы формирующийся субъект культуры научился использовать орудия, жилище, одежду или любой другой продукт деятельности предшествующих поколений не как знак или символ, а как средство осуществления своей собственной жизнедеятельности.

Духовное, ценностно-смысловое содержание культуры не может существовать и передаваться без материальных носителей. Но функция самих материальных носителей смысла состоит в том, чтобы с максимально возможной точностью и полнотой передавать идеальное содержание социокультурной деятельности. Совместная жизнедеятельность людей не предполагает кодирования целей и смыслов, потому что может осуществляться только на основе взаимопонимания. Именно поэтому в культуре как реальном способе жизнедеятельности конкретных субъектов не существует ни замков, ни кодов, ни засовов, ни ключей. Есть только люди, совершающие те или иные действия и поступки, создающие различные материальные и духовные продукты, стремящиеся воспитать следующее поколение субъектов культуры.

Любое воплощение смысла в предметах, поступках, отношениях может стать визуализацией этого смысла, если смысл находит в этом воплощении материальный, чувственно воспринимаемый носитель. Присущее нашим предкам понимание того, что есть Истина, Красота и Добро Божьего мира прямо и непосредственно воплощены в архитектуре исторических городов, в местах расположения и внешнем облике кремлей, крепостей, храмов, городских построек различного назначения, в иконописи и предметах декоративно-прикладного искусства. Однако, находясь вне реального процесса жизнедеятельности субъектов культуры, любые произведения и продукты культуры становятся постепенно иероглифами умирающего языка, на котором записан некий культурный текст, едва понимаемый или читаемый по складам представителями новых поколений.

Ни один тип культуры как способ жизнедеятельности конкретного субъекта не может сохраниться, если представители следующего поколения не усваивают в качестве своего собственного способ жизнедеятельности предшествующего поколения, не наследуют ценностно-смысловое содержание культуры предков. Сохранение и изучение исторических памятников материальной и духовной культуры предков расширяет диапазон творче-

ских возможностей любого субъекта культуры, открывает новые измерения в пространстве его собственной культуры. Однако нельзя стать субъектом культуры исторического города, изучая памятники культуры или участвуя в исторических реконструкциях некогда реальных, но ныне не существующих способов жизнедеятельности, цели, смыслы и ценностные ориентации которых последующими поколениями уже утрачены. Визуализация собственных представлений о прошлом может быть формой самопознания, но не может быть познанием самого прошлого.

Лишь в реальном общении, совместном проживании и совместной культуротворческой деятельности сменяющихся друг друга поколений происходит понимание, усвоение, сохранение ценностно-смыслового содержания культуры. Иного способа передачи и наследования культурных смыслов не существует. Однако и этот способ не гарантирует достижения цели без содействующих усилий человека [см.: Чернякова 2019].

Сегодня в пространстве исторических городов живут представители разных культур, большая часть из которых не имеет отношения к культуре тех, кто жил в этих городах всего лишь полвека тому назад, не говоря уже о культуре далёких предков. Петербургская культура «первой редакции» исчезла вместе с петербуржцами дореволюционной эпохи. Ленинградская культура уходит вместе с ленинградцами, которые сохранили, защитили, отстаивали исторический облик Петербурга и привнесли в петербургскую культуру такие смыслы, которых в ней не было.

Смогут ли петербуржцы «новой редакции» сохранить в своей жизнедеятельности те представления об Истине, Добре и Красоте, которые воплотили их предки, – трудно сказать. Очевидно одно: исторические города существуют в наследии современных субъектов культуры исключительно потому, что в каждом поколении находились те, кто сохранял их, оберегал и передавал из рук в руки новому поколению хранителей. Всё, что мы называем «вечным», непреходящим в культуре человечества, является таковым только потому, что донныне реально воспроизводилось и передавалось от одного поколения к другому посредством не знающей разрывов культурной традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Чернякова 2017 – Чернякова Н. С. Знание истории как элемент повседневной жизни: философско-методологические аспекты // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104). С. 391–393.
- Чернякова 2019 – Чернякова Н. С. Прошлое как атрибут настоящего // «Прошлое»: теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах. Казань, 2019. С. 46–54.

REFERENCES

- Chernyakova 2017 – Chernyakova N. S. Knowledge of History as an Element of Ordinary Life: Philosophical and Methodological Aspects. *Eurasian Law Journal*. 2017. 1 (104). Pp. 391–393. In Russian.

Chernyakova 2019 – Chernyakova N. S. The Past as an Attribute of the Present. “The Past”: Theory and Practice of (De)construction in Scientific and Political Discourses. Kazan, 2019. Pp. 46–54. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Степановна Чернякова

доктор философских наук,
профессор кафедры этнокультурологии.
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: cherns2011@yandex.ru

Natalia S. Chernyakova

Dr. Sci. (Philosophy),
Professor of Ethnographic and Cultural Studies Department.
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.
E-mail: cherns2011@yandex.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-203-209>

ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЧЕЛЯБИНСКА КАК РЕСУРС ВИДЕОЭКОЛОГИИ

Т. В. Шарманова

Физико-математический лицей № 31, Челябинск, Россия

tatiana_sharm1701@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются стилистические особенности храмовой архитектуры города Челябинска. Автор доказывает, что храмовое зодчество при всём разнообразии стилей органично вписывается в любой городской ландшафт. В итоге делается вывод, что художественное своеобразие православной архитектуры позитивно сказывается на видеоэкологии современного города.

Ключевые слова: архитектура, храмовое зодчество, видеоэкология, образ города, промышленный город.

TEMPLE ARCHITECTURE OF CHELYABINSK AS A VIDEO ECOLOGY RESOURCE

Tatiana V. Sharmanova

Physics and Mathematics Lyceum № 31, Chelyabinsk, Russia

tatiana_sharm1701@mail.ru

Abstract. The article analyzes the stylistic features of Chelyabinsk temple architecture. The author proves that temple architecture, with all the variety of styles, fits seamlessly into any urban landscape. As a result, it is concluded that the artistic originality of Orthodox architecture has a positive effect on the video ecology of the modern city.

Keywords: architecture, temple architecture, video ecology, image of the city, industrial city.

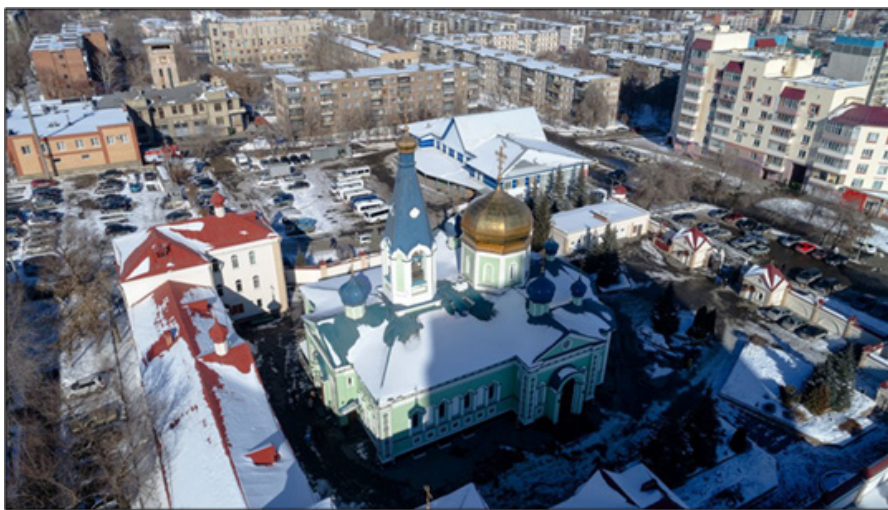
Памяти научного консультанта доктора исторических наук
Сергея Сергеевича Загребина (09.12.1966–07.04.2022)

В сферу наших научных интересов город вошёл сравнительно недавно. На одной из конференций нами был сделан доклад «Пушкинские места в городе Челябинске как маршрут образовательной экскурсии» [Загребин 2018]. В новом исследовании мы сосредоточили внимание на ином аспекте проблемы познания городской среды, в частности, на проблеме видеоэкологии.

Видеоэкология – это наука о взаимодействии человека с окружающей визуальной средой, под которой понимается всё то, что мы воспринимаем

через органы зрения. Исследователи утверждают, что социальные последствия неблагоприятной визуальной среды городского пространства способствуют развитию деструктивных явлений, в частности, психических заболеваний, агрессивности жителей мегаполисов, оторванных от естественной природной среды [см.: Новикова, Повышева 2013].

По нашему убеждению, храмовое зодчество способно качественно изменить видеозоологию современного города. Храмы придают особый, неповторимый облик пространству, поскольку соединяют воедино духовную и культурную историю города [Сазонова 2019, 57]. Сегодня в городе Челябинске насчитывается около двадцати православных храмов и два монастыря – Богоявленский (мужской) и Одигитриевский (женский). Рассмотрим некоторые архитектурные храмовые сооружения Челябинска. Среди значимых культурно-исторических построек можно выделить три храма, которые представляют наибольшую ценность: Свято-Симеоновский кафедральный собор, Свято-Троицкая церковь и храм св.Александра Невского. Остальные построены в XX веке, но с точки зрения видеозоологии не менее привлекательны.

Челябинск. Свято-Симеоновский кафедральный собор

Фото: Маргарита и Владимир Архиповы, 2018

Источник: <https://sobory.ru/photo/347337>

Свято-Симеоновский кафедральный собор. Постройка: между 1873 и 1883. Расширялся в 1947–1960, 1976–1977, 1986–1990 гг. Стиль: эклектика, русско-византийский стиль. Свято-Симеоновская церковь была поставлена на склоне холма, сбегаящего к реке, в самой высокой точке окраины Челябинска. Гора всегда была символом возвышения духа. И до сих пор дорога к храму со стороны реки представляет собой крутой подъём. После революции и Великой Отечественной войны храм стал единственным уцелевшим культовым сооружением в городе. Современный вид храм приобрёл после перестройки в конце 1980-х годов. В 1986–1990 гг.

была проведена капитальная реконструкция, в результате чего единственная действующая в городе небольшая церковь превратилась в трёхпрестольный кафедральный собор.

Собор находится в контрасте с безликими домами спального района, которыми была застроена близлежащая территория. Архитектурное сооружение с духоносным началом на Кыштымской улице, возможно, кого-то исцеляет, кого-то вдохновляет, кому-то приносит утешение. Ведь, согласно исследованию архитектора Антона Гарустовича, «у всех опрошенных этот стиль (спальные районы) вызвал чувства обыденности, повседневности, скуки, а также ассоциировался с безысходностью, холодом, серостью, угнетением» [Комиссарчик 2017].

Церковь Троицы Живоначальной. Постройка: между 1911 и 1914 гг. Архитектурные стили: эклектика, псевдорусский стиль. Первая Свято-Троицкая церковь была заложена в Заречье в 1768 г. В 1909 г. было принято решение о строительстве нового храма на этом месте. Строительство было начато в 1911 г.; 12 октября 1914 г. церковь была освящена. В советское время церковь была закрыта, в здании разместились экспозиции краеведческого музея. С 1931 по 1932 г. музей был переведён в Христорождественский собор. Но после сноса последнего музей был возвращён в здание Свято-Троицкой церкви. В 1987–1988 гг. здание было реставрировано. С 1990 года храм был передан Челябинской и Златоустовской епархии и повторно освящён.

Челябинск. Храм Троицы Живоначальной

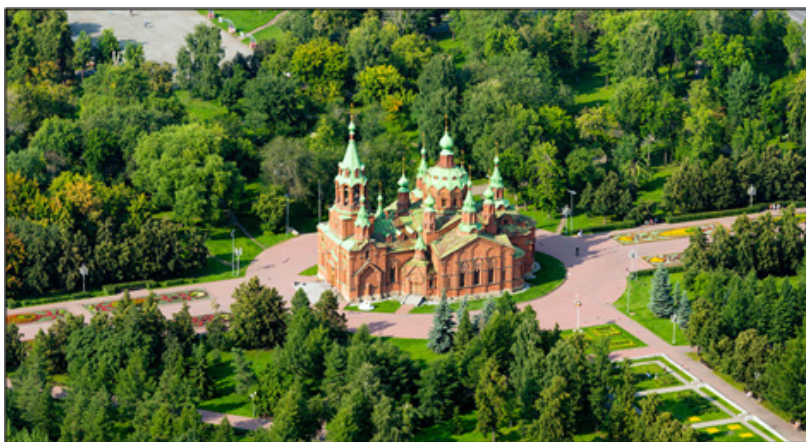
Источник: <https://omiliya.org/content/est-khram-sredi-mnogoetazhek>

Этот самый большой храм в городе расположен в центре Челябинска: между Торговым Центром города и цирком. Следует заметить, что само задние Торгового Центра является шедевром архитектуры, объектом куль-

турного наследия и способно отвлечь взгляд от храмовой архитектуры. Купол Торгового центра является одним из узнаваемых символов города. Сооруженный в советское время (1975 г.) Торговый центр был первым подобным сооружением в мире. Дело в том, что это здание практически «парит в воздухе». Внутри него нет колонн, поддерживающих сферу изнутри. Опорой же Торгового центра являются исключительно четыре угла самого купола, спускающиеся на пол.

Казалось бы, православный храм потеряется на фоне агрессивной среды: Китайский базар, новостройки в стиле хай-тек, перекресток дорог. Однако это не так. Храм живёт своей жизнью. Даже далёкий от религии человек обратит внимание на зелёные купола на фоне сооружения из красного кирпича и любовно ухоженную территорию, летом благоухающую разноцветьем. Прихожане очень трепетно относятся к духовной святыне. Крупное православное сооружение притягивает прихожан не только в дни службы и седмицы Великого поста, но также и ради молитвы.

Храм св. Александра Невского. Постройка: между 1907 и 1915. Архитектурный стиль: русско-византийский. Жемчужиной челябинской храмовой архитектуры можно назвать храм святого Александра Невского, построенный в начале XX века по проекту московского архитектора А. Н. Померанцева. В разные периоды здесь размещались типография, склад, планетарий, шахматный кружок. С начала 1980-х гг. и до 2013 г. в бывшем храме располагался концертный зал. В 2010 году было проведено первое богослужение. С точки зрения видеоэкологии, храм находится в очень выгодном месте – в центре современного Челябинска, в сквере на Алом поле. Красоту и величие храма не заслоняет нагромождение построек, торгово-развлекательных центров и жилых домов.

Челябинск. Храм св. Александра Невского

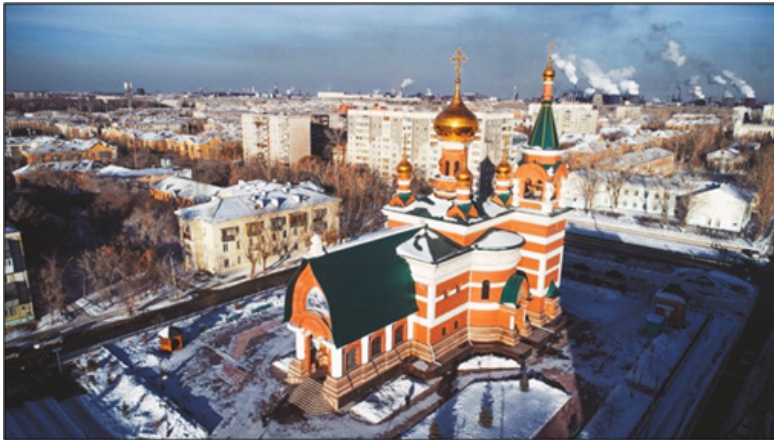
Фото: Gelio (Слава Степанов), 2014

Источник: <https://gelio.livejournal.com/tag/chelyabinsk>

Среди вновь построенных храмов в Челябинске есть такие, которые отличаются особой эстетикой, красотой и стилем. Рассмотрим удачные и оригинальные

нальные в архитектурном плане постройки на примере двух храмов в промышленном Metallургическом районе Челябинска.

Храм в честь великомученика Георгия Победоносца. Постройка: 2009 г. Архитектурные стили: неорусский, колокольня – шатровый. Храмовое одноапсидное сооружение смотрится очень декоративно, так как в нём сочетается несколько цветов. Золотой цвет крестов и куполов, зелёный – в покрытиях крыши, терракотовый цвет в остове здания, белый цвет опояски из мраморной крошки с рельефными крестами на ней и коричневого цвета гранитной отделкой фундамента. Всё это создаёт яркую цветовую композицию. Смысловая конструкция храма очень интересна, благодаря ей снаружи просматривается кубический объём храма, а внутри – круг. Созданию центрической цельности способствовало пространство без столпов.

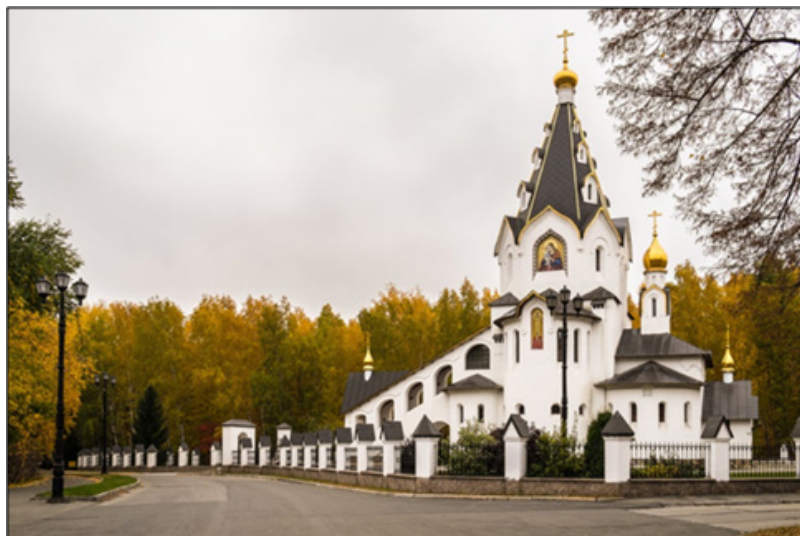
Челябинск. Храм св. великомученика Георгия Победоносца

Источник: <https://vk.com/pixelpilot>

Колокольня построена в шатровом стиле, примыкает к храму сбоку и нетрадиционно находится справа от алтаря. Высота храмовой колокольни с крестом – 47 метров, а крест центрального купола поднят на высоту 43 метра. Обычно колокольня располагается в другом месте, отдельно от церкви. В церкви же Георгия Победоносца колокольня располагается в общем здании с южной стороны. Такое архитектурное решение присуще больше греческому зодчеству. На колокольню ведёт довольно крутая лестница из 100 ступеней. С колокольни возможен обзор панорамы всего Metallургического района. Здесь мы увидим «Маленькую Германию» – квартал, который построили пленные немцы в «баварском» стиле. Жилые дома вокруг – в стиле сталинской, хрущевской, брежневской архитектуры и high-tech.

Храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших». Постройка: между 2001 и 2003. Стиль: шатровый. Архитектор – Андрей Анисимов. Храм украсил местный ландшафт, просто и естественно вписавшись в берёзовую рощу. В церковном зодчестве шатёр считается типично

русским явлением. Все фасады храма настолько отличаются друг от друга, что при обходе вокруг него можно увидеть всё новые объемы и декоративные элементы. Небольшая территория храма обнесена оградой из металлических решёток изящного рисунка, дорожки покрыты тротуарной плиткой, газоны подстрижены, а клумбы радуют разноцветием.

Челябинск. Храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших»

Источник: <http://fotokto.ru/photo/view/2151080.html>

Красота и величие храмовых сооружений, несомненно, способствуют эстетическому наслаждению и позволяют жителям и гостям морально отдохнуть от серости промышленного города. Челябинск растёт. Возрождаются духовные традиции православия, и вместе с тем строится много новых храмов, разнообразных по своей архитектурной стилистике и убранству. На примере нескольких храмов мы представили богатые объекты видеозакологии, сочетание, казалось бы, несочетаемых стилей, отражающих культурно-историческое наследие прошедших эпох на некоторых участках промышленного города.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Загребин 2018 – *Загребин С. С.* Этнокультурное пространство города в междисциплинарном научном дискурсе: обзор научной конференции «Антропология города» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4 (20). С. 304–310.
- Комиссарчик 2017 – *Комиссарчик К.* «Спальные районы портят город и доводят до депрессии». Архитектор рассказал, как стили влияют на человека. Интервью с архитектором Антоном Гарустовичем // CityDog.io. 09.02.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://citydog.by/post/kak-stili-vliayut-na-cheloveka> (дата обращения: 26.05.2020).

- Новикова, Пovyшева 2013 – Новикова В. М., Пovyшева С. В. Проблемы видеоэкологии городской среды // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 4. № 1 (15). С. 199–202.
- Сазонова 2019 – Сазонова Н. И. Христианский храм в городском пространстве и коллизия двух концепций города // Визуальная теология. 2019. № 1. С. 55–69.

REFERENCES

- Komissarchik 2017 – Komissarchik K. “Sleeping Areas Spoil the City and Lead to Depression”. The architect told how styles affect a person. An interview with architect Anton Garustovich. *CityDog.io*. 09.02.2017. URL: <https://citydog.by/post/kak-stili-vliayut-na-cheloveka>. In Russian.
- Novikova, Povysheva 2013 – Novikova V. M., Povysheva S. V. Videoecology Problems of Urban Environment. *Izvestiya MGTU MAMI*. 2013. Vol. 4. 1 (15). Pp. 199–202. In Russian.
- Sazonova 2019 – Sazonova N. I. Christian Church in Urban Space: The Two Concepts of the City. *Journal of Visual Theology*. 2019. 1. Pp. 55–69. In Russian.
- Zagrebin 2018 – Zagrebin S. S. Ethnocultural Space of the City in Interdisciplinary Scientific Discourse: Review of the Scientific Conference “Anthropology of the City”. *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*. 2018. 4 (20). Pp. 304–310. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Татьяна Викторовна Шарманова

учитель истории и обществознания.

Физико-математический лицей № 31, Челябинск, Россия.

E-mail: tatiana_sharm1701@mail.ru

Tatiana V. Sharmanova

Teacher of History and Social Studies.

Physics and Mathematics Lyceum № 31, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: tatiana_sharm1701@mail.ru

ARTISTIC AND AESTHETIC PERCEPTION OF THE URBAN ARCHITECTURAL IDENTITY: THE VISUAL SEMIOTIC PATTERNS OF OLD FACADES IN KALININGRAD

Arina A. Sherstiuk

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
arina.sherstyuk@mail.ru

Abstract. This scientific paper is devoted to the problem of perceiving the architectural urban environment as a comprehensive platform for multi-layered cultural communication and artistic expression. The research's relevance lies in actualizing and performing the idea of providing a dialogue between an artist and a city. The research purpose is to scientifically substantiate and present the project concept dedicated to generation of urban architecture image identified in a collaboration with artists. The methodology is based on the conceptual research model which describes the architectural urban identity through an artistic perceptive way. The scientific paper confirms the important role of architectural urban identity in the construction of the holistic city image and constructing interpersonal interactions. Research investigations are proved with the realized project concept – an international collaborative artistic project devoted to identifying the image of Kaliningrad's walls.

Keywords: city image, identity of a wall, visual semiotic, architectural patterns, artistic fieldwork, district identity.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВИЗУАЛЬНЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ СТАРЫХ ФАСАДОВ В КАЛИНИНГРАДЕ

А. А. Шерстюк

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия
arina.sherstyuk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия архитектурной городской среды как комплексной платформы для многоуровневой культурной коммуникации и художественного самовыражения. Актуальность исследования заключается в реализации идеи диалога между художником и городом. Цель исследования – научно обосновать и представить концепцию проекта, посвящённого формированию образа городской архитектуры, выявленного в процессе взаимодействия с художниками. Методология основана на концептуальной модели исследования, которая описывает

архитектурную городскую идентичность через художественное восприятие индивида. В научной статье подтверждается значимость роли архитектурной городской идентичности в построении целостного образа города и конструировании межличностных взаимодействий. Результаты исследования апробированы реализованной концепцией международного совместного художественного проекта, посвящённого выявлению семиотического образа стен Калининграда.

Ключевые слова: образ города, идентичность стены, визуальная семиотика, архитектурные паттерны, художественная полевая работа, идентичность городского района.

Nowadays, the «identity» definition, connoted in terms of the humanities, is mostly used in relation to the individual as a basis for his or her perception through the personal identification of the urban environment with an element of personal socio-cultural lifestyle: social group, place, neighborhood, culture, activities of the individual. Whereas, the issue comes about the identity of urban architecture, the definition is more specific and embedded in a comprehensive structure consisting of different temporal layers of the evolving communication line «city – individual». The term of urban architectural identity involves the study of the features included socio-cultural perception of the city by the individual; his psycho-emotional, sensual experience of communication with the urban environment; values derived from various symbolic and mental-associative sources within the city (for example, the form of architectural development or zoned architecture); cultural and historical understanding of the placed processes [Skalkin 2018, 92].

This article reveals the problem of exploring the identity of the architectural urban environment observed through artistic practices inside the urban space under the participative conditions of a visual and audio-artists group. The author perceives the city architecture as an institutional, social, communicative space, subject to constant evolution and dynamic contextual deformation. The study's methodology is dominated by axiological analysis, within the urban architecture is considered as a meaning-forming socio-cultural form, semiotic code, value orientation of the individual [Mikhailenko 2010, 89].

In its semantic content, the perception of architectural identity is connected with the emotional attitude to the definition of a multicomponent urban mentality [Osipova 2011]. The concept of «mentality of place» in terms of cultural psychology and social urbanism was outlined by the specialist in urban planning, Kevin Lynch, in his book «The Image of the City» (1960). Expressing the idea of a «mental image» regarding architectural urban space, Lynch argues that its «readability» depends on the «imaginability» of elementary objects, which may or may not become part of the city image identity [Lynch 1960]. Lynch introduces the concept of «imaginability», connoted as a commonality of experienced emotions, when perceiving the object-spatial architectural environment of «own» urban area, the city as a whole, the specifics of communication, interpersonal relations, organization of the emotional sphere within interacting groups of people and their perception of the environment.

The practical part of the research is an artistic projection of the collected theoretical information on the artistic and psychological mechanisms of determining the urban architectural identity, implemented in the author's audiovisual project. Ideologically, the project represents the identity construction of the old-style houses' walls and facades, located in the central district of Kaliningrad, with the help of auditory (field audio recordings) and visual (photography) tools produced by a group of multidisciplinary artists.

The artistic perceptual approach used in this research, reflects the artist-actor's perception of the city and the impact on the formation of the city image by individual viewers [Berestovskaya, Petrenko 2017, 25]. In terms of the communicative «city – individual» model, the city architecture image is identified with a historical «portal», a medium of preservation and transmission of statements, (non)visual symbols and signs. At the same time, the dynamic sign-symbolic system, formed by the city, has the function of accumulating mnemonic connections regarding projections of individual interactions with the architectural environment [Benjamin 1996].

The study of urban architecture identity is elaborated in the professional environment of multidisciplinary artists, including street art artists, and urban researchers. The artist-individual acts as an actor with his own set of coordinates including perception and channels of communication, interaction with the architectural city space. In the process of communication «artist – city» there is an expression of personal reflections through the artistic perception of urban elements, involving the image of the city's architecture.

On the basis of urban practice the idea of the individual artist's positions transition was created: from the consumer of urban coordinates (practical everyday use of the city as a tool for personal and social needs) to the individual as an observer-interviewer and actor in the architectural urban space. In order to solve this problem, the author created a conception of the audio-visual project «Patches 33»¹ which was a part of the international exchange cultural project «Radio Instantopia» (Kaliningrad – Berlin, 2020–2021).

The provided urbanistic practice had an artistic character of perception and documentation of urban architectural identity elements. The artist-actor's task, in the role of the article's author, was to photographically capture the image of the old stock house wall with a conspicuous indicator – the presence of a «patch» on the wall. The author defines the notion of «patch» in this urbanistic practice as a colored fragment, mostly rectangular in shape (fig. 1, fig. 2). The absolute reason for the appearance of such a patch-fragment has no obvious primary sources. However, their appearance finds an explanation in the hypothesis that a rectangular painted patch is applied to the wall by housing services workers to paint over graffiti or a color sample for future major restoration and painting of the building facade.

The territorial choice of the study area is justified by an architectural landscape attractiveness and axiological content. Thus, the visual component of the project: photographic (analog photography) documentation of the walls was organized in

¹ Patches 33 (author's research project). URL: <https://radio-instantopia.org/radio-instantopia-content/>

the central district of Kaliningrad (formerly Amalienau and Hufen), due to the fact that this area is filled with heterogeneity in the visual, color, semiotic solution of the old stock houses' facades. The actor could move along his own mentally cartographic route of the area, flitting, intuitively choosing patches for fixation – his main tasks were to reinterpret the original architectural area image, to decode and denote the multi-layered visual wall patterns.

Fig. 1. An example of patch № 1

Fig. 2. An example of patch № 2

The next step, after creating a series of photographs, was the direct involvement of sound artists from Berlin. The artists needed to sound the walls, to give the patches voice and noise. By making field recordings in Berlin, the sound

artists expressed their personal perception of the patch walls identity through an auditory medium. Moving to a new level of communication «artist – artist» and «artist – city» was the main task of the author's project «Patches 33».

The project's final result was to combine audio and visual parts in common online space. A projection of the wall, consisting of 33 patch elements series and audio accompaniment (field audio recordings) to some of them, was modeled on the project's web page. The wall model is considered as an encoded, symbolic image of the urban architectural identity translated through the color-psychological visual patterns of the old-style houses' walls in the central district of Kaliningrad. In this way, the idea of urban practices became effective in the artistic project of audiovisual research of the Kaliningrad walls' identity. The project «Patches 33» was presented at the public presentation of the international art-educational project «Radio Instantopia» and became a full part of the reporting exhibition in Kaliningrad in August 2021.

Summarizing the study, it should be noted that the research discourse of urban architectural identity acts as a cultural code of communicative construction in the complex urban environment structure, due to which it becomes a relevant subject of contemporary scientific urbanistic research. According to research, the city is a multi-layered product of cultural and social activities, while humans play the role of actors in setting cities as the stage to express their artistic perception of decoded architectural urban patterns in connection with personal life experience. In this regard, the architectural identity is defined as an intangible dynamic elaborated process and sociocultural indicator which produces new identical patterns and coordinates.

Conceptually, the urban architectural identity is a naturally formed holistic recognizable set of tangible and intangible features of the urban environment, focused on the internal perception, due to the identity with the local factors and perceptions of the city. In this article, the phenomenon of urban architectural identity is defined as a socio-cultural construct, formed as a result of artistic interaction of the actor-artist with a particular territorial context and characteristic urban community.

The study confirms the multicomplex, stratified nature of the urban architectural space identity due to the epochally acquired interaction components – the old building facade – and continuously formed and integrated into the existing continuum of new cultural and information realities – a new patch layer. Identification of urban architectural identity contributes to the awareness of the psycho-emotional belonging of the individual to a certain urban architectural space.

The artistic approach to decoding the urban architectural identity contributes to the individual artist's emotional self-determination and expression of their personal artistic experience of interaction with the city. At this rate, the artistic point of architectural identity perception has become the important symbolic-contextual content of the architectural object, in particular its external visual indicators. Hence, the urban architecture identity study involves a set of local social processes and cultural phenomena in relation to the individual, occurring in a direct dialogue «artist – city».

REFERENCES

- Benjamin 1996 – Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Transl. into Russian. Moscow, 1996.
- Berestovskaya, Petrenko 2017 – Berestovskaya D. S., Petrenko A. P. Architectural Space of the City: Semiotic Approach. *Urban Studies*. 2017. Vol. 1. Pp. 24–34. In Russian.
- Mikhailenko 2010 – Mikhailenko S. B. “The Naked City”: Psychogeography in the Context of History Urbanology in 1950–1960. *Scientific Problems of Humanitarian Research*. 2010. 1. Pp. 88–98. In Russian.
- Lynch 1960 – Lynch K. The Image of the City. Cambridge (MA), 1960.
- Osipova 2011 – Osipova N. O. Application of Structural Semiotic Methodology in the Humanities. *Journal of Cultural Research*. 2011. 3 (5). URL: http://cr-journal.ru/files/file/10_2016_16_01_05_1477065665.pdf (date of access: 14.06.2022) In Russian.
- Skalkin 2018 – Skalkin A. Architectural Identity of the City: Concept and Research Methods. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2018. 2 (43). Pp. 87–97. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author**Арина Александровна Шерстюк**

магистрант Института образования и гуманитарных наук.
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия.

E-mail: arina.sherstyuk@mail.ru

Arina A. Sherstiuk

Master student at Institute of Education and Humanities.
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: arina.sherstyuk@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ ВИЗУАЛИЗАЦИИ БАЗОВЫХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНО-РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Л. А. Штомпель

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
lashtompel@gmail.com

Аннотация. В статье обозначаются и анализируются те границы, за пределами которых визуализация базовых смыслов и ценностей культуры в определённой мере утрачивает свой потенциал. Анализ основывается на результатах проведённого опроса жителей и на данных фотофиксации элементов открытых публичных пространств всех типов городов Южного федерального округа. Показывается, что контекст, в котором осуществляется зрительное восприятие различных элементов городской среды (выступающих репрезентантами смыслов и ценностей культуры), является сложным образованием, формирующимся не только под влиянием объективно существующих элементов среды, под воздействием на восприятие технологий и медиа, но и благодаря степени востребованности горожанами этих смыслов и значений.

Ключевые слова: визуальное, городская среда, репрезентация, аудиальное, ценность, культура.

THE POTENTIAL OF VISUALIZATION OF BASIC CULTURAL AND HISTORICAL VALUES IN THE URBAN SPACE OF SOUTHERN RUSSIAN CITIES

Liudmila A. Shtompel

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
lashtompel@gmail.com

Abstract. The article identifies and analyzes the boundaries beyond which the visualization of the basic meanings and values of culture loses its potential to a certain extent. The analysis is based on the results of a survey of residents and photographic evidence of elements of open public spaces in all types of cities in the Southern Federal District. The articles shows that the context in which visual perception of various elements of the urban environment (acting as representatives of the meanings and values of culture) is carried out as a complex formation that is formed not only under the influence of objectively existing elements of the environment, under the influence of technologies and media on perception, but also due to how much citizens demand these senses and meanings.

Keywords: visual, urban environment, representation, auditory, value, culture.

Значение визуальной репрезентации многогранных культурных особенностей, в том числе – культурно-исторических ценностей жителей конкретного города (от знаков этнической идентификации горожан до выражения общезначимых смыслов исторических событий и персоналий, определивших развитие города), трудно переоценить. Память об истории города и людях, осуществивших эту историю, хранится на разных носителях, среди которых традиционно выделяются визуально воспринимаемые: архитектурные сооружения (в том числе – храмы), памятники, стелы, мемориалы, мемориальные доски [см.: Штомпель 2019].

Однако возникает вопрос: насколько востребованы и значимы для горожан все эти визуальные знаки, репрезентирующие базовые культурно-исторические ценности? Впервые этот вопрос возник для меня тогда, когда несколько лет назад в Ростове-на-Дону был открыт памятник Андрею Матвеевичу Байкову, который являлся городским головой Ростова в течение 14 лет (с 1862 по 1869 и с 1884 по 1889 годы). Именно при нём в Ростове появились тротуары, водоканал (паровое водоснабжение в 100 тысяч вёдер в сутки), первые керосиновые фонари, телефон, конка, богадельня, биржа, стала выпускаться газета, была организована пожарная команда, благоустроена набережная. Одним словом – захолустный городишко на Юге России превращался благодаря организационным усилиям этого человека в город развитый и заметный на карте России конца XIX века.

В 2013 г. в Центральном парке им. М. Горького неподалёку от здания городской Администрации А. М. Байкову был установлен памятник. Скульптор постарался запечатлеть не только облик градоначальника, но и выразить его заслуги, поставив рядом с ним столик, на котором можно рассмотреть мост, церковь, фонарный столб, водонапорную колонку и даже конку. Казалось бы, и человек незаурядный, и место центральное. Но когда я впервые задала студентам вопрос «Где находится памятник А.М. Байкову?», то ответ был получен только от двух человек из почти 40 присутствующих. С тех пор этот эксперимент я повторяю каждый год и процент знающих, кто такой А.М. Байков и где установлен ему памятник, не меняется. Конечно, после разъяснений студенты находят и само местонахождение памятника, и узнают что-то новое об истории города, но факт остаётся фактом: далеко не все визуально воспринимаемые знаки, репрезентирующие историю города и выдающихся исторических личностей, считываются или просто замечаются.

Этот эксперимент я повторяла и на примере мемориальной доски и памятника А.С. Попову (именно в Ростове-на-Дону он впервые применил своё изобретение в гражданских целях) и даже на примере памятника императрице Елизавете Петровне (15 декабря 1749 года она издала указ о создании Темерницкой таможни, с которого начинается история нашего города). Молодые горожане просто не замечают некоторые памятные знаки, тогда как, к примеру, мемориальную доску и памятник Ю.А. Жданову, который был ректором Ростовского государственного университета в 1957–1988 гг., знают все. Становится очевидно, что недостаточно просто установить какой-то памятник: мемориальная доска, скульптурная композиция, любой знак должны быть «втянуты» в жизнь

человека, а то, чему они посвящены, действительно должно что-то значить для горожан.

Для более подробного анализа того, как горожане Южного федерального округа воспринимают визуальные репрезентанты культурно-исторических ценностей, обратимся к результатам анкетного опроса жителей южно-российских городов. Исследование проводилось нами в 29 городах Южного федерального округа в период с 20 апреля по 5 октября 2018 г. при поддержке РФФИ (проект № 18–011–00841 по теме «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры»). Среди вопросов был такой: «Есть ли в Вашем городе мемориальные доски, памятники, скульптурные композиции и т.п., рассказывающие о людях, заложивших основы существования города?». Об этих объектах знает достаточно большое количество людей во всех типах городов. Примечательно, что около четверти респондентов из средних городов и пятая часть из малых «не замечают» эти визуальные знаки (см. табл. 1).

Табл. 1. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли в Вашем городе мемориальные доски, памятники, скульптурные композиции и т.п., рассказывающие о людях, заложивших основы существования города?» (по типам городов)

Варианты ответа	Крупнейшие города (более 1 млн. жителей)	Крупные города	Большие города	Средние города	Малые города
Да	81,1%	80,0%	80,0%	69,7%	72,8%
Нет	3,5%	1,2%	5,9%	5,8%	6,3%
Не замечал	15,3%	18,8%	14,1%	24,5%	20,9%

Ценность русского языка является одной из базовых культурных ценностей россиян. Поэтому горожанам был задан вопрос: «Каким должен быть язык информационной, рекламной продукции в публичных пространствах Вашего города?»

72,6% респондентов отметили необходимость литературного, грамотного языка. Поскольку наше исследование не сводилось только к анкетному вопросу, а включало в себя и метод фотофиксации, то мы увидели, что это пожелание горожан выполняется не полностью. По субъектам Южного федерального округа мы видим следующую картину (см. табл. 2).

Табл. 2. Распределение ответов на вопрос: «Каким должен быть язык информационной, рекламной продукции в публичных пространствах Вашего города?» (по субъектам ЮФО)

	Ростовская область	Краснодарский край	Крым	Волгоградская область	Астраханская область	Калмыкия	Адыгея
Литературный, грамотный	75,0%	70,6%	71,1%	73,0%	75,7%	80,0%	63,3%

Транслирующий ценности русской культуры	19,3 %	19,6 %	21,8 %	12,4 %	15,7 %	8,0 %	16,5 %
Воспроизводящий события отечественной истории	12,2 %	13,9 %	8,1 %	7,6 %	4,3 %	4,0 %	3,7 %
Воспроизводящий события всемирной истории	5,6 %	9,0 %	4,1 %	7,6 %	10,0 %	32,0 %	3,7 %
Воспроизводящий события истории не только русской, но и других этносов	7,8 %	10,2 %	18,3 %	9,2 %	12,9 %	40,0 %	18,3 %
Воспроизводящий современную жизнь	28,4 %	24,9 %	24,4 %	32,4 %	30,0 %	28,0 %	17,4 %
Иное	3,0 %	4,1 %	4,6 %	7,0 %	1,4 %	0,0 %	12,8 %

Однако эта высокая оценка литературного русского языка снижается тем обстоятельством, что, по оценкам почти 83 % респондентов, им приходится слышать ненормативную лексику на улицах их городов. Причём 62 % опрошенных чувствуют себя при этом оскорблёнными. Это – один из примеров, подтверждающих постоянное дополнение визуального восприятия акустическим. Выявляя компоненты всего комплекса восприятия, Джонатан Крэри тоже указывал на значение слуха (а также осязания) [Cragy 2002]. На этом взаимном дополнении настаивает и Д. Бахманн-Медик [Бахманн-Медик 2017]. Названия магазинов и кафе, рекламные вывески и объявления в наших городах теперь пишут не только на русском языке. В связи с этим мы задали вопрос: «Приятно ли Вам видеть в Вашем городе надписи на иностранном языке?». Оказалось, что 14,4 % респондентов из крупнейших городов, 15,7 % – из крупных, 21,7 % – из больших, более четверти из средних и почти треть из малых считают, что «надписи должны быть только на государственном языке». То есть прослеживается тенденция: чем крупнее город, тем толерантнее горожане относятся к надписям на иностранных языках.

Было зафиксировано, что горожане недовольны переполненностью визуальной среды рекламой. 64,3 % опрошенных из средних городов (это наибольшее значение) и 36,6 % респондентов крупнейших городов (наи-

меньшее значение) отметили «недостаток воспитательной, культурной, ценностной составляющей в убранстве улиц».

Насколько эстетически значимы те объекты, которые располагаются в визуально воспринимаемой среде городов? Для выявления этого мы задали вопрос: «Какие эстетические объекты Вашего города Вам нравятся больше всего?». Поскольку исследование проводилось в южных городах, нас не удивило отношение горожан к «островкам» живой природы (газонам, клумбам, деревьям): в сумме эти элементы городского ландшафта стоят на первом месте (газоны и клумбы отметили 41,8% респондентов, деревья – 34,7%). Далее располагается архитектура (с большим отрывом: 37,5% опрошенных отметили здания, 25,3% – архитектурный декор зданий), затем следуют скульптуры (28,4% респондентов) и мемориальные комплексы (22,1% опрошенных). Ни рекламные щиты, на театральные тумбы так высоко оценены не были.

Таким образом, потенциал визуализации ценностей культуры велик, но не безграничен. Во-первых, следует отметить аудиальные эффекты, которые могут усиливать или, напротив, снижать влияние визуально воспринимаемых знаков. Во-вторых, пределы эффективной визуализации определяются степенью «втянутости» значений визуальных знаков в жизнь горожан, степенью востребованности самих ценностей, их представленности в сознании, что, конечно, связано с воспитанием и образованием людей, но не определяется однозначно только этими факторами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахманн-Медик 2017 – *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. Москва, 2017.
- Штомпель 2019 – *Ценность города и ценности горожан* / Под ред. Л. А. Штомпель. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2019.
- Crary 2002 – *Crary J.* Aufmerksamkeit. Wahrnehmung und moderne Kultur. Frankfurt am Main, 2002.

REFERENCES

- Bachmann-Medick 2017 – *Bachmann-Medick D.* Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Transl. into Russian by S. Tashkenov. Moscow, 2017.
- Crary 2002 – *Crary J.* Aufmerksamkeit. Wahrnehmung und moderne Kultur. Frankfurt am Main, 2002.
- Shtompel 2019 – *The Value of the City and the Values of Citizens.* Ed. by L. A. Shtompel. Rostov-on-Don, Taganrog, 2019. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Людмила Александровна Штомпель

доктор философских наук,

профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: lashtompel@gmail.com

Liudmila A. Shtompel

Dr. Sci. (Philosophy),

Professor at the Cultural Theory, Ethics and Aesthetics Department.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: lashtompel@gmail.com

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА КАК ОСНОВА ВИЗУАЛЬНОГО КОДА В ИГРЕ GENSHPIN IMPACT

Д. П. Шульгина

Московский городской педагогический университет, Россия

shulginadp@mgpu.ru

Аннотация. В современной массовой культуре образ города может использоваться различными способами, в том числе как визуальный ключ, работающий на узнавание и создающий определённые, заранее запрограммированные ассоциации. Данные образы знакомят аудиторию с культурой различных стран, с конкретными достопримечательностями, формируют стереотипы восприятия. На примере популярных явлений массовой культуры можно проследить, как работают создаваемые образы и какие элементы наиболее важны при их создании.

Ключевые слова: визуальный образ, образ города, массовая культура, игры, Genshin Impact, исторический город.

THE HISTORICAL CITY'S IMAGE AS A BASIS FOR VISUAL CODE IN GENSHPIN IMPACT

Daria P. Shulgina

Moscow City University, Russia

shulginadp@mgpu.ru

Abstract. In modern popular culture the image of the city can be used in various ways, including as visual key that works for recognition and creates certain pre-programmed associations. These images acquaint the audience with the culture of different countries and with specific sights, form stereotypes of perception. Using the example of popular phenomena of mass culture, one can trace how the created images work and what elements are most important in their creation.

Keywords: visual image, city image, popular culture, games, Genshin Impact, historical city.

Образ города – сложный конструкт, возникающий в воображении людей. Очень важную роль в нём играет визуальная составляющая, но не только она. Тактильные и аудиальные впечатления, знания о городе и городская мифология, изображение городского пространства в литературе, изобразительном искусстве, кино – всё это формирует то, что можно определить как совокупность характеристик города, отражённых в сознании людей. Такой образ может быть индивидуальным, основанным на переживании человека,

но может быть и коллективным, существующим как элемент массовой культуры и закреплённый в ней.

Основой визуального образа города служит архитектурная среда. Здесь можно выделить несколько пластов – во-первых, это знаковые памятники архитектуры, с которыми ассоциируется конкретное место. Во-вторых, это особые, специфичные элементы городской архитектуры – особенности типовой застройки, малые архитектурные формы, вымостка улиц и т.д. В-третьих, это городской ландшафт с его уникальными особенностями. В-четвертых, объекты, имеющие актуальность и социальную значимость. Индивидуальный образ также включает в себя объекты, связанные с эмоциональным переживанием конкретного человека [Филько 2015].

При этом легко отметить, что характерной чертой образа как виртуального конструкта становится выделение наиболее значимых характеристик и объектов и поглощение ими менее важных, второстепенных черт. Это приводит к тому, что образ города отличается от реального облика, иногда довольно значительно – происходит уменьшение воображаемого пространства, слияние нескольких объектов в один, изменение характеристик объектов и т.д. [Горелова 2018, 78]. Этот концентрированный, состоящий из знаковых элементов конструкт закрепляется в сознании и тиражируется с помощью изобразительного искусства и массовой культуры.

Исследование механизмов формирования и методов интерпретации подобных образов ведутся с середины XX в. [Федотова 2020, 123–125]. Менее изучен другой аспект – то, как массовая культура работает с этими образами и как они могут использоваться для кодирования определённых идей, причём не только объектов, но и более абстрактных концептов, восприятие которых основывается на ассоциативном ряде.

В основном мы видим, как в массовой культуре исторические города используются для создания образа страны или континента – в виде подборки узнаваемых достопримечательностей, визуальных маркеров, в свою очередь превращающихся в тиражируемые шаблоны. Но также из элементов исторической застройки может быть составлено нереальное, но опознаваемое пространство, не включающее реальные объекты, но связанное с ними через серию ассоциаций.

Примером такого пространства может служить игра Genshin Impact. Она была выпущена в 2020 году китайской компанией miHoYo и сразу завоевала большую популярность, став массовым увлечением. В 2021 году она признавалась лучшей мобильной игрой среди всех жанров, в своём же жанре – экшен в открытом мире – она является лидером. На данный момент в игре зарегистрировано более 70 миллионов аккаунтов по всему миру. Кроме того, популярность игры распространяется далеко за рамки активного сообщества игроков благодаря мемам, фантворчеству, рекламным акциям и т.д., что делает образы игры узнаваемыми для значительно большего числа людей, а саму игру характеризует как явление массовой культуры [Нимаева 2022, 181].

Действие игры происходит в фэнтези-мире, разделённом на семь регионов, но каждая локация основана на реально существующих странах и регионах. К прототипам нас отсылают визуальные образы, имена персонажей,

традиции, кулинария, мифология, памятники литературы и т.д. – иными словами, для части игроков погружение в культуру Китая, России, Индии и пр. начинается через знакомство с игровыми реалиями. Образы, создаваемые игрой, уже сейчас складываются в ассоциативные связи с реальными странами. Поэтому рассматривать эти образы и то, как они конструируются и насколько успешно работают, достаточно интересно.

Основной частью визуального кода в игре являются города – столицы регионов. Они воплощают в себе сразу два смысловых пласта. Во-первых, это узнаваемый визуальный образ, связанный с прототипом. Во-вторых, в той же картинке кодируются более абстрактные концепты, связанные и с внутриигровой мифологией – ценности и базовые идеи.

Первый пример такого ассоциативного образа – Мюнхен. Уже само название формирует определённые ожидания, и действительно, город (и регион) основан на сложившихся в массовой культуре стереотипах о таких странах, как Германия, Австрия, Швейцария, страны Скандинавии. Задачей создателей было сформировать общее впечатление, соответствующее этому региону, и вписать в образ такие понятия, как свобода, поэзия и борьба, соответствующие внутриигровому лору Мюнхена. Город собран из устоявшихся в коллективном представлении шаблонов об условно немецком средневековом укреплении. Неудивительно, что визуальная доминанта города – готический собор.

В городе используются образы реально существующих памятников – силуэт собора явно отсылает к собору в Регенсбурге, план города по очертаниям напоминает план Берна, но они переработаны, сведены к конструктам «собор», «крепость»: узнаваемый силуэт и отдельные элементы тут важнее узнаваемых конкретных объектов. Не менее важны для образа и таверны с пивными кружками, и фахверковые дома – ещё одна типично германская деталь картинки. Органично встроены в образ парящие крылья ветряных мельниц – воплощение концепта свободы.

Интересно, что в случае, когда идея вольного города не считается – в случае с игроками, которые знакомы с культурой поверхностно или не знакомы вообще, – именно визуальное кодирование становится ключом к правильной расшифровке прототипа. В многочисленных дискуссиях игроков на различных площадках можно отметить, что для части игроков понятие «свобода» ассоциируется с Америкой, но готический собор как главная достопримечательность города вызывает стойкие ассоциации с Германией, благодаря чему визуальный образ срабатывает так, как планировали авторы.

Создавая образ, графические дизайнеры не просто комбинируют разновременные объекты иногда различного происхождения. При этом назначение объекта в игре и в реальности может не совпадать. Так, дворец сёгуна Инадзумы – это один из самых узнаваемых силуэтов японской архитектуры, замок Химэдзи, который не был резиденцией правителя, но в массовой культуре воспринимается как один из самых ярких образов Японии эпохи сёгуната. Одновременно в городе мы видим более раннюю архитектуру, отсылающую к образам святилища Исэ-Дзингу и другим древним храмовым комплексам, однако задачу показать зрителю Японию времён действия указа Сакоку берёт на себя именно центральный комплекс.

Интересно отметить и то, что, создавая в китайской игре образ Китая, создатели кодируют его прежде всего через природные достопримечательности – ни Великой стены, ни Запретного города мы не увидим. У гавани Ли Юэ также есть прототип в реальности, но характерные крыши и фонари, другие мелкие элементы декора, стойко ассоциирующиеся с Китаем и псевдокитайскими стилями, здесь более узнаваемы, чем единичные крупные объекты.

И в связи с этим нельзя не сказать о том, как кодируется Россия. Здесь в данный момент складывается несколько иная ситуация, чем с Мондштадтом, где визуальный образ становится ключом к расшифровке отсылок. Снежная появится в игре только через три года, но уже известно, что регион будет основан на России и балканских странах, при этом Россия является основой образа. Уже имеющаяся в лоре игры информация рассказывает о стране вечного холода, которой управляет Царица, персонажи носят русские и сербские имена и празднуют славянские праздники. Единственное, что мы знаем о Царице, – она абсолютный монарх, стремящийся свергнуть существующий мировой порядок. Единственное сооружение, которое мы видели в Снежной, – мавзолей, выглядящий как собор в псевдовизантийском стиле.

Решение использовать для кодирования образа именно псевдовизантийский стиль, один из самых важных в системе государственного заказа в культовой архитектуре Российской империи второй половины XIX в. [Савельев 2008, 132–135], вряд ли случайно. Это не только отсылка к ситуации «империя и приближающаяся революция», это ещё и стиль, который не позволяет замкнуть образ исключительно на Россию. В отличие от псевдорусского стиля, который также мог бы создать необходимые визуальные отсылки, псевдовизантийской стиль не менее значим для Болгарии и для Сербии, он отсылает к идеям возрождения Византийской империи и единства славян – и, как следствие, к событиям, предшествовавшим I Мировой войне.

Но в отличие от готического собора Мондштадта данный образ опознаётся незнакомыми с культурой с большим трудом. В качестве ассоциаций чаще всего всплывают собор святого Петра в Ватикане или памятники эклектики, как Берлинский кафедральный собор, – исключительно на основании сходства по силуэту. Стилиевые особенности псевдовизантийской архитектуры считываются плохо. Но само внимание к образу в формате обсуждений и поиска прототипов уже создаёт почву для постепенного погружения в культуру и формирования визуальной ассоциации.

Итак, мы видим, что использование образов различных исторических городов, существующих в массовом сознании, для достижения целей, стоящих перед создателями такого контента, как видеоигры, позволяет сформировать самобытный и в то же время узнаваемый через систему знаковых объектов пейзаж, кодирующий различные идеи и служащий как визуальной отсылкой, так и «точкой входа» для знакомства с особенностями отдельных культур.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Горелова 2018 – Горелова Ю. Р. Город как концепт и визуально-художественный образ // Урбанистика. 2018. № 1. С. 74–89.
- Нимаева 2022 – Нимаева С. Б. Специфика компьютерно-игрового дискурса (на примере китайской видеоигры Genshin Impact) // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – XV. Улан-Удэ, 2022. С. 180–184.
- Савельев 2008 – Савельев Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX – начало XX века. Москва, 2008.
- Федотова 2020 – Федотова Н. Г. Urban imaginary: визуальные маркеры городского воображаемого // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1 (23). С. 121–139.
- Филько 2015. – Филько А. Понятие «Визуальный образ города» и методы его исследования // Социодинамика. 2015. № 10. С. 94–108.

REFERENCES

- Fedotova 2020 – Fedotova N. G. Visual Markers of the Urban Imaginary. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2020. 1 (23). Pp. 121–139. In Russian.
- Filko 2015. – Filko A. The Concept of “Visual Image of the City” and Methods of Its Research. *Sociodynamics*. 2015. 10. Pp. 94–108. In Russian.
- Gorelova 2018 – Gorelova Yu. R. City as a Concept and Visual Artistic Image. *Urban Studies*. 2018. 1. Pp. 74–89. In Russian.
- Nimaeva 2022 – Nimaeva S. B. The Peculiarities of Computer Gaming Discourse (an example of the Chinese game “Genshin Impact”). *Asia-Pacific Region: History and Present – XV*. Ulan-Ude, 2022. Pp. 180–184. In Russian.
- Saveliev 2008 – Saveliev Yu. R. The Art of Historicism and State Order. Second half of the 19th – early 20th centuries. Moscow, 2008. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author**Дарья Павловна Шульгина**

кандидат искусствоведения,
доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории.
Московский городской педагогический университет, Россия.
E-mail: shulginadp@mgpu.ru

Daria P. Shulgina

Cand. Sci. (Art History),
Associate Professor of Universitywide Department of History.
Moscow City University, Russia.
E-mail: shulginadp@mgpu.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-227-232>

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРОД КАК ТЕКСТ В ПОЛИТИКО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАСТОЯЩЕГО

Н. Г. Щербинина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
sapfir.19@mail.ru

Аннотация. Исторический город в статье рассматривается в качестве знаковой системы в контексте деконструкции политических смыслов. Такой текст не просто порождает смысл в результате конструктивных действий символической власти, но «читается» в настоящем коллективной личностью. Так исторический город становится знаковым феноменом и семиотизируется. При этом категория времени переосмысливается в качестве категории пространства. Перед нами пример образной исторической репрезентации в виде конституированной особой сакральной политической реальности. Данные общие положения статьи иллюстрируются на примере конституирования праздничных городских ритуалов и «культы мёртвых», моделируемых на основе космогонической модели и служащих для переживания особой реальности героической истории. Тем самым исторический город предстаёт живой историей, воплощающей на городской площади коллективные ценности, тему патриотизма и символизм Победы. Весь этот креатив как смыслопорождающее творчество связан с механизмом исторической памяти, мифологизацией как таковой и ритуализацией социально-политических аспектов городского бытия. Этот процесс, по сути, переозначивания смыслов приближает незавершённую деконструкцию, характерную для постсовременности, к моменту искомой завершённости и новой политической конструкции.

Ключевые слова: текст, исторический город, деконструкция, образная репрезентация, сакральная политическая реальность, городские ритуалы.

HISTORICAL CITY AS A TEXT IN POLITICAL AND SEMANTIC SPACE OF THE PRESENT

Nina G. Scherbinina

National Research Tomsk State University, Russia
sapfir.19@mail.ru

Abstract. Historical city in this article is seen as a sign system in the context of deconstruction of political meanings. This text not only generates meaning as a result of the constructive actions of symbolic power, but is “read” in the present by a collective personality. This is how the historical city becomes a landmark phenomenon and is semiotized. Here the category of time is rethought as a category of space. We see an example of a figurative historical representation in the form of a constituted special sacred political reality. These

general provisions of the article are further illustrated by an example of the constitution of festive city rituals and the “cult of the dead”, modelled on the basis of cosmogonic model and serving to experience the special reality of the heroic history. Thus, the historical city appears as a living history, embodying collective values, the theme of patriotism and the symbolism of the Victory in the city square. All this originality as meaning-generating creativity is connected with the mechanism of historical memory, mythologization as such and ritualization of the socio-political aspects of urban life. This process, in fact, of redefining meanings brings the unfinished deconstruction, characteristic of postmodernity, closer to the moment of the desired completeness and a new political construction.

Keywords: text, historical city, deconstruction, figurative representation, sacred political reality, city rituals.

Под «текстом» в данном случае мы будем понимать особую и целостную знаковую систему «исторический город», встроенную в смысловой политический контекст настоящего. Данное семиотическое толкование у нас сочетается с деконструктивистской идеей неперемного включения в новый контекст. В таком определении, во-первых, текст обязательно «прочитывается» и, во-вторых, в процессе чтения должен быть заново сконструирован смысл текста. При этом семиотическая интенция конституирования «значимости» и деконструктивистский акт придания «реальности» некоторым историческим феноменам в равной степени относятся к политически управляемому «чтению». Потому исследование исторического города в качестве текста принадлежит семиотике знака, которая сосредотачивается не на коммуникации как таковой, а на процессе порождения значения.

Ещё Ю.М.Лотман при определении основных функций текста писал, что его коммуникативная функция не является единственной, а адекватность передачи сообщения посредством текста оставляет желать лучшего. Главная функция текста – творческая, текст – это «генератор смыслов». И в этом своём предназначении текст ещё и «конденсатор культурной памяти», он способен «сохранять память о своих предшествующих контекстах» [Лотман 2001, 157–158, 162]. Ж.Деррида подчёркивал, что со временем понятие знака и его логика подверглись разрушению. Он имеет в виду, что предпосланной истины и постоянного «означаемого» просто нет, и в данной связи отсутствует смысл, который определён нами окончательно [Деррида 2000, 120, 128–129]. Отсюда логически следует вывод, что текст при прочтении как бы реконструируется и вводится в новый контекст. Таким образом получается, что текст порождает смыслы в принципе, но не способен их удержать, поскольку «логоцентристская» матрица для постоянной структуры значений отсутствует.

Текст «исторический город», рассматриваемый нами, относится к конструктивным (смысловым) историческим феноменам, понимаемым как значащий рассказ о прошлом. Но, согласно Б.А.Успенскому, такого рода тексты читаются в настоящем, а поэтому, учитывая деконструктивистский подход, перед нами каждый раз новое прочтение текста. Иначе говоря, ключевой символической реальностью выступает настоящее, а прошлое обя-

зательно реконструируется, исходя из интерпретаций, заданных настоящим. Именно с позиции интенций настоящего отбираются, означиваются и закрепляются в памяти некоторые события, объединённые смысловой связью. Б. А. Успенский справедливо подчёркивал, что в данной связи «история ничему не может нас научить», поскольку объективность исторического опыта – это фикция [Успенский 2002, 19]. Он выделял две модели, согласно которым конструируется сущность исторического процесса, и искомая, применительно к настоящему, значимость исторических событий. Другими словами, добавим мы, создаются два языка исторического повествования, два типа текстов-конструктов и две знаковые реальности. Сам процесс порождения значения принудительно задан не только актом моделирования исторической реальности, но и феноменом конструктивной символической власти. И здесь мы опираемся на вывод П. Бурдьё о том, что, определяя реальность с помощью слов, символическая власть обязательно становится политической властью [Бурдьё 1993, 149].

Обе модели, выделенные Успенским, являются и моделями антитетического восприятия семиотизированной истории. Первая модель – «космологическая», здесь в основе восприятия лежит прототекст, воспроизводимый вновь и вновь. Конечно, таким способом история мифологизируется, а текст кодируется в знаках сотворения и устройства мира. Отсюда вытекает значимость прошлого, предопределяющего настоящее и будущее. Вторая модель – «историческая», в ней прошлое, настоящее и будущее связаны причинно-следственной связью. В таком линейном восприятии особо значимым оказывается моделируемое будущее [Успенский 2002, 26–29]. Когда мы имеем дело с рассказом о прошлом, то важно понятие времени, однако, и это наблюдение Успенского очень интересно: время нами мыслится и воспринимается в категориях пространства [Успенский 2002, 41]. И новое прочтение текста из «пункта» настоящего состоит именно в перемещениях в пространстве.

Но что служит основой для конституирования любого текста прошлого? П. Рикёр в данной связи подчеркнул особую роль воображения, то есть образной репрезентации, включающей «набор социальных практик, управляющих отношениями принадлежности к местам, территориям, фрагментам социального пространства» [Рикёр 2004, 321]. В этом случае образы, приобретая магическую силу, подменяют историческую действительность и представляют её. И тогда подключается момент политико-символического господства: возникает принудительная история, которая навязывает матрицу исторического повествования и память о прошлом [Рикёр 2004, 125]. В данном случае мы хотели бы подчеркнуть, что речь у нас идёт не столько о легитимном насилии официальной власти, сколько о конструировании реальности, то есть креативном и смыслообразующем её действии.

Исторический город как текст – это тоже своего рода историческая образная репрезентация, и она связана с созданием сакральной политической реальности [Щербинина 2011, 51–59.] Любой исторический город – не просто повседневное место поселения, отличающееся характерными признаками. Такой город обладает судьбой, выраженными культурными осо-

бенностями и даже мистическим предназначением в истории. У него есть традиции, мифы и ритуалы. Самыми распространёнными городскими ритуалами выступают праздники города, а сакрально нагруженным социально-политическим действием служит ритуализация прошлого. Наиболее выразительным исследованием символических конструкций такого рода является книга «Живые и мёртвые» социального антрополога У. Уорнера. Она посвящена типичному американскому городу под условным названием «Янки-Сити». Полагая, что культура представляет собой символическую систему, У. Уорнер много внимания уделяет символической репрезентации истории и соответствующим ей ритуалам в современном обществе, отсылающим нас к феномену священного. В своей интерпретации он как бы раздвигает рамки общества, включая в него «славных» умерших (здесь просто напрашивается параллель с российской праздничной акцией «Бессмертный полк»). Описанное сакральное явление У. Уорнер называет «культ мёртвых», иллюстрируя его на примере Дня поминовения и феномена памяти павших. Суть происходящего – в придании особой значимости неким историческим персонам и событиям.

В чем же социальный эффект указанных ритуалов? У. Уорнер подчёркивает формирование того, что мы назвали бы коллективной личностью, которая репрезентирует не объективную историю, но желаемое повествование об истории и придаёт значимость историческим событиям, выражающим общие ценности [Уорнер 2000, 121]. Это, по сути, драматически выраженный текст, транслирующий исторически оформленные смыслы в настоящем. У. Уорнер находит в происходящем много общего с архаическим мифом; мы бы сказали, что конкретно используется космогоническая модель семиотизации истории. При этом городская церемония не противопоставляет себя национально значимым событиям и устанавливает связь поколений. Перед нами организованная и управляемая поддержка иной сакральной реальности и, своего рода, её «ритуальное освящение» и ритуальное содержание, состоящее в обновлении ценностей и значимости исторических событий [Уорнер 2000, 139, 141]. Культ мёртвых, таким образом, не только светский, но и священный праздник. Его составляющая – парад, помогающий ритуально пережить чувство победы, его основная тема – это тема жертвенности, а главные ритуальные символы – кладбища и могилы [Уорнер 2000, 279, 299, 311]. Именно ритуал даёт то ощущение перемещения в пространстве (место ритуала – историческое событие), символически заменяющее перемещение во времени. Ритуал в его архаическом первоначальном смысле, по мнению антропологов, позволяет *переживать* событие, которое осталось в ушедшем времени.

Тем самым мы привели типичный пример сакральной коллективной исторической репрезентации. Все эти Дни (Памяти павших, Победы и т.п.) призваны организовать и «сконденсировать», по выражению У. Уорнера, индивидуальную и коллективную память в контексте будущего, но все смыслы заданы в настоящем. Это значит, что исторический ритуализированный текст не просто читается коллективной личностью, но значения знаков модифицируются и трансформируются (примером чему выступает георгиевская лента). Таким образом, коллективная память поли-

тической культуры сохраняет изначальный контекст, но сам текст включается в новый контекст и даже контексты. Появляется, по сути, новая значимость и новая версия истории. «Однако *воздействие* того, что было забыто, остаётся могущественной частью жизни группы» [Уорнер 2000, 525]. Речь здесь идёт не о ложной памяти, а об эффекте конструирования реальности: главное не то, что именно происходило, но что это было «на самом деле», то есть феномены обрели присущее им качество реальности. А мифологизация прошлого состоит в том, что политический мир, так или иначе, рождается заново, повторяя онтологический текст из правремени на символическом историческом пространстве, которое представляет городская площадь.

Итак, для любого исторического города особенно важны темы патриотизма и Победы, оформленные в героические истории. Семиотизированная история рассказывается и одновременно воспринимается в ритуальном тексте, придающем политически выраженный смысл настоящему социуму. А город выступает представителем социума, его славной истории и коллективных ценностей, которые переозначиваются и модифицируются в контексте настоящего.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бурдые 1993 – *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть / Пер. с фр. В. И. Иванова // *THESIS*. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
- Деррида 2000 – *Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с фр. Н. С. Автономовой. Москва, 2000.
- Лотман 2001 – *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Санкт-Петербург, 2001.
- Рикёр 2004 – *Рикёр П.* Память, история, забвение / Пер. с фр. Москва, 2004.
- Уорнер 2000 – *Уорнер У.* Живые и мёртвые / Пер. с англ. В. Г. Николаева. Москва, Санкт-Петербург, 2000.
- Успенский 2002 – *Успенский Б. А.* Этюды о русской истории. Санкт-Петербург, 2002.
- Щербинина 2011 – *Щербинина Н. Г.* Мифо-героическое конструирование политической реальности России. Москва, 2011.

REFERENCES

- Bourdieu 1993 – Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique. Transl. into Russian by V. I. Ivanov. *THESIS*. 1993. Iss. 2. Pp. 137–150.
- Derrida 2000 – Derrida J. De la grammatologie. Transl. into Russian by N. S. Avtonomova. Moscow, 2000.
- Lotman 2001 – Lotman Yu. M. Semiosphere. St. Petersburg, 2001. In Russian.
- Ricoeur 2004 – Ricoeur P. La memoire, l'histoire, l'oubli. Transl. into Russian. Moscow, 2004.
- Scherbinina 2011 – Scherbinina N. G. Mytho-Heroic Construction of Russia's Political Reality. Moscow, 2011. In Russian.
- Uspensky 2002 – Uspensky B. A. Studies in Russian History. St. Petersburg, 2002. Pp. 9–76. In Russian.
- Warner 2000 – Warner W. L. The Living and the Dead. Transl. into Russian by V. G. Nikolaev. Moscow, St. Petersburg, 2000.

Информация об авторе / Information about the author**Нина Гаррьевна Щербина**

доктор политических наук,

профессор кафедры политологии.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия.

E-mail: sapfir.19@mail.ru

Nina G. Scherbinina

Dr. Sci. (Political Science),

Professor at the Political Science Department.

National Research Tomsk State University, Russia.

E-mail: sapfir.19@mail.ru

<https://doi.org/10.34680/visant-2022-233-240>

ГОРОДСКИЕ СОБЫТИЯ — ПРОЕКЦИЯ ПРОШЛОГО И ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО

А. Н. Языкеев

Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», Москва, Россия
yazukeev@live.ru

Аннотация. Городские ивент-мероприятия – исторические и культурные фестивали, международные форумы и крупные спортивные соревнования – являются не только частью стратегий туристического развития города или региона, не только способом привлечения туристических потоков. Другим, не менее важным аспектом городских массовых мероприятий становится влияние на городскую политику через актуализацию истории и событий прошлого, возрождение культурных и ремесленных традиций, а также формирование стратегий будущего, возможных альтернатив территориального развития. В статье демонстрируются возможности исследования влияния ивент-мероприятий на городское развитие на основе анализа больших данных (Big Data).

Ключевые слова: ивент-мероприятия, исторический город, событийный туризм, развитие территорий, городская политика, управление имиджем.

URBAN EVENTS — PROJECTION OF THE PAST AND VISIONS OF THE FUTURE

Andrey N. Yazykeev

Russian University Sport (SCOLIPE), Moscow, Russia
eyazukeev@live.ru

Abstract. City event (historical and cultural festivals, international forums and major sports competitions) are not only a part of the tourism development strategies of a city or region, not only a way to attract tourist flows. Another, no less important aspect of urban mass events is the impact on urban politics, through the actualization of history and past events, the revival of cultural and craft traditions, as well as the formation of future strategies, possible development alternatives. The article demonstrates the possibilities of studying the impact of event events on urban development based on the analysis of big data (Big Data).

Keywords: events, historical city, event tourism, development of territories, urban politics, image management.

Введение

Ивент-мероприятия активно используются городами и регионами как ключевой элемент событийного туризма, возможность привлечения инвестиций и туристических потоков. В качестве примеров здесь можно привести города и даже деревни, получившие широкую известность после проведения Олимпийских игр (Лейк-Плэсид, Калгари, Альбервиль, Лиллехаммер, Нагано, Пхенчан и др.), а также города, выбравшие стратегию развития, основанную на событийном туризме (Канны, Венеция, Калининград). До недавнего времени был популярен подход, рассматривающий событийный туризм однобоко – в качестве одного из видов туризма, ориентированного на привлечение обеспеченной публики и инвестиций в рамках конкретных мероприятий. Так, например, в предложенной А. В. Бабкиным классификации видов событийного туризма явно просматривается акцент на получение экономических эффектов от проведения ивент-мероприятий. Авторская классификация включает в себя: национальные фестивали и праздники, театрализованные шоу, фестивали кино и театра, гастрономические фестивали, фестивали и выставки цветов, модные показы, аукционы, фестивали музыки и музыкальные конкурсы, спортивные события и международные технические салоны [Бабкин 2008].

Более комплексный подход приводит в своих работах О. В. Алексева, обращая внимание на такие функции, как возрождение городов, развитие инфраструктуры, формирование благоприятного имиджа, увеличение туристской составляющей и комплексного развития территорий как «благоприятного места для проживания, работы и инвестирования» [Алексева 2011]. В авторскую классификацию ивент-мероприятий включены политические и государственные события (саммиты, визиты), образовательные и научные мероприятия, события бизнеса и торговли (встречи, совещания, ярмарки, выставки), а также частные (местные) ивенты (свадьбы, вечеринки, встречи). Стоит отметить позитивный международный опыт по использованию локальных ивент-мероприятий (локальных исторических и гастрономических фестивалей, праздников урожая и т.п.), например, как части стратегии возрождения малых исторических городов в Германии [Логвина, Страчкова 2015].

В то же время вопросы развития исторических городов, поиска своего места в современных процессах урбанизации и массового оттока молодёжи в мегаполисы обязывают обратить более пристальное внимание на потенциал местных жителей и городских сообществ. Не только государственные программы и инвестиции крупных корпораций дают стимулы для развития городов; «навыки, талант и деловая хватка жителей также вносят свой вклад в рост и процветание города и региона» [Динни 2013, 21]. По справедливому замечанию А. И. Щербинина, уровень и стиль жизни, традиции открытости и гостеприимства местных жителей оказывают значительное влияние на настрой туристов и инвесторов [Щербинин и др. 2018, 126–129]. С. В. Дусенко в своих работах обращает внимание на роль программ развития туризма в регулировании рыночных процессов и мобилизации ресурсов для целеориентированного развития территориальных рекреационных систем регионов [Дусенко, Никифорова 2022]. По мнению ряда исследова-

телей, условия развития туристической отрасли в постпандемийный период будут характеризоваться более выраженным комплексным подходом к развитию территорий с акцентом на формирование комфортной среды для местных жителей как «ключевых амбассадоров бренда туристской дестинации» [Шерешева 2020].

Таким образом, организация ивент-мероприятий и масштабных событий может оказывать комплексное позитивное влияние на многие направления социально-экономического развития исторических городов. Однако для достижения таких эффектов местные жители, сообщества и организации должны стать ключевыми участниками мероприятий, наравне с приглашёнными звёздами, экспертами и туристами. Вовлечение местных сообществ необходимо на всех стадиях подготовки городских событий от обсуждения проекта до подведения итогов и планирования следующего мероприятия.

Ивент-мероприятия для туристов или для жителей?

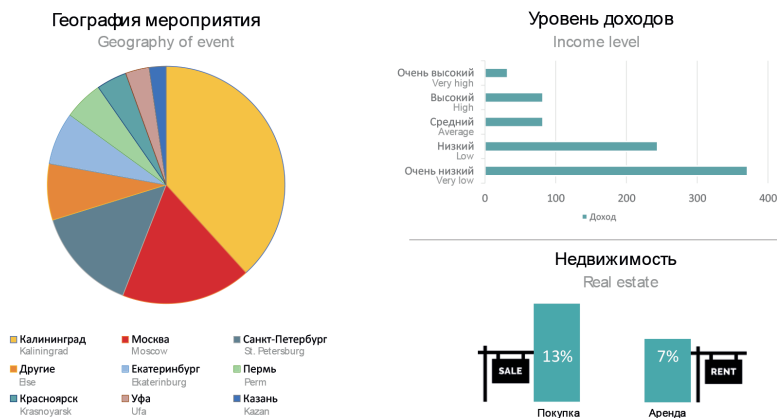
Современные интернет-технологии, анализ больших данных при помощи нейросетевых технологий открывают новые возможности для качественной оценки различных параметров городских активностей [Расходчиков 2022]. В том числе указанные методы анализа позволяют не только оценивать количество участников ивент-мероприятий, независимо от их масштаба и локации, но и выявлять соотношение приезжих (туристов) и местных жителей, принимающих участие в событии. В качестве примера приведём данные исследования, проведённого в 2019 году исследовательским IT-агентством ASIS при непосредственном участии автора. В ходе исследования была проведена оценка 65 различных ивент-мероприятий в Калининградской области, в том числе проводился подсчёт участников события, оценка освещения мероприятий в СМИ и коммуникативная активность в социальных онлайн-сетях. Исследование проведено с использованием методов анализа больших данных (Big Data). В качестве дата-сета использовались обобщённые данные сотовых операторов и массивы текстовых сообщений из социальных онлайн-сетей.

Агрегированные данные, предоставляемые сотовыми операторами, позволяют оценить различные параметры аудитории массового мероприятия, такие как количество и география участников, уровень доходов, интересы и маркетинговые предпочтения. В рамках проведённого исследования рассматривались такие характеристики аудитории мероприятия, как география участников, уровень доходов, а также наличие интересов по приобретению недвижимости в регионе (ил. 1). Последняя характеристика является важной для оценки результатов программ привлечения туристов, так как демонстрирует потенциал перехода туристических потоков в инвестиционные.

Соотношение местной публики и туристов варьируется в зависимости от тематики, формата и целевой аудитории мероприятия. Доля местных жителей присутствует во всех массовых мероприятиях, проводимых в регионе, варьируясь от 20 % до 95 % от общего числа участников (ил. 2). Процент иногородних участников колеблется от 5 % до 80 % аудитории массовых мероприятий. Стоит отметить, что данное процентное соотноше-

ние не отражает реальные цифры туристического потока. Так, например, 10 % иногородних участников, присутствовавших по данным сотовых операторов на мероприятии в честь Дня города, в количественном выражении составляет более 15 000 человек. В то время как 68,4 % иногородних участников Международного форума интеллектуальной собственности IPQuogum 2019 – в численном выражении составляет чуть больше 1 000 человек.

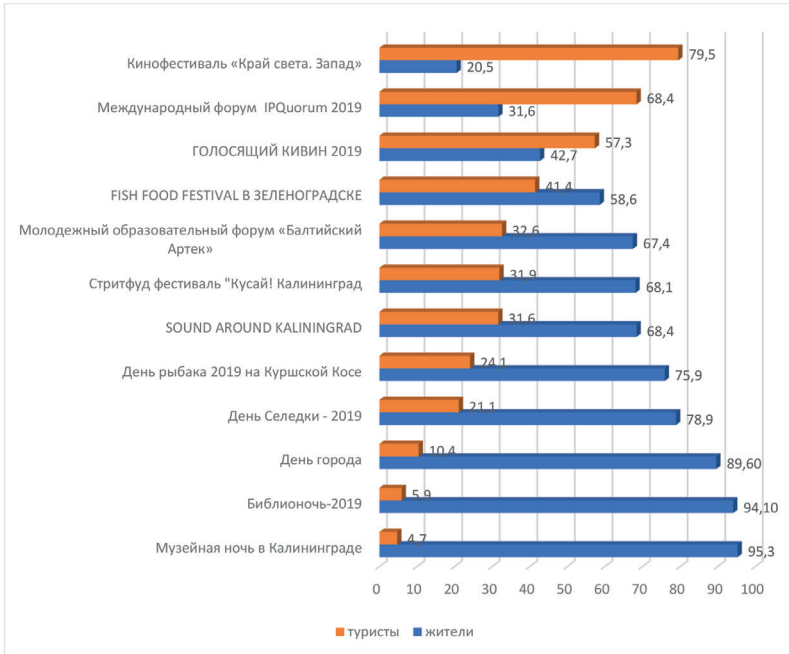
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «БАШНЯ»
INTERNATIONAL THEATRE FESTIVAL "BASHNYA"

Ил. 1. Пример качественной оценки участников ивент-мероприятия на основе анализа данных операторов сотовой связи (Big Data)

Хорошим примером комплексного позитивного влияния ивент-мероприятий на развитие городов является история проведения фестиваля «Голосящий КИВИН» в Светлогорске. Для ежегодного проведения фестиваля КВН в историческом курортном городе был построен современный театр эстрады «Янтарь-холл», ставший центром культурной жизни не только для туристов, но и для жителей Светлогорска и всего Калининградского региона. В течение года здесь проходят форумы и фестивали, гастроли театральных коллективов и выступления звёзд эстрады, выставки и музыкальные концерты. География участников фестиваля «Голосящий КИВИН» в 2019 году демонстрирует большой интерес местных жителей к мероприятию. Так более 40 % зрителей фестиваля составили жители Светлогорска, Калининграда и других городов региона.

Анализ тематической направленности ивент-мероприятий позволяет выделить несколько заметных тенденций. Наибольшее количество участников, помимо дня города в Калининграде, собрали гастрономические фестивали «День селедки – 2019» и «FISH FOOD FESTIVAL» в Зеленоградске. Второе место по популярности занимают культурные события: кинофестивали, биеннале, музейная ночь и т.д. Стоит отметить большое количество именно культурных мероприятий в событийной повестке региона. Более половины ивент-мероприятий здесь можно отнести к культурным событиям различной направленности.

Ил. 2. Распределение местных жителей и иногородних участников массовых мероприятий

Отдельный интерес в рамках данной работы представляют образовательные и отраслевые международные форумы, такие как ивент-мероприятия, направленные на развитие городов и региона в целом. Проходившие в 2019 году международные форумы получили заметное освещение в СМИ и собрали аудиторию от 1500 до 4000 участников, доля местных жителей составила от 31,6 % (IPQuorum 2019) до 67,4 % (Балтийский Артек). Всё же стоит отметить, что в количественном отношении число местных участников международных форумов, ориентированных на образование и развитие, оказалось небольшим по сравнению с другими массовыми мероприятиями.

Стоит отметить, что такая узкоотраслевая направленность характерна для большинства форумов развития, проводимых в различных городах страны от Москвы до Владивостока. Международный формат и высокий статус подобных мероприятий формирует акцент на приглашении первых лиц органов государственной власти, VIP-персон крупного бизнеса и экспертов международного уровня. Форматы участия местных сообществ, как правило, не предусматриваются, а специальные проекты на принимающей территории часто ограничиваются посещением культурных мероприятий. В результате упускаются уникальные возможности по организации диалога между специалистами высокого уровня и участниками местных проектов развития, а сами мероприятия, хотя и поднимают престиж принимающего города, остаются инородными и малопонятными для местного населения.

Также стоит отметить, что ивент-мероприятия, связанные с историко-культурным потенциалом городов и территорий, пока недостаточно пред-

ставлены в событийной повестке региона. Такая диспропорция тематической направленности ивент-мероприятий, на наш взгляд, является недалновидной. Акцент на гастрономических фестивалях и культурных событиях позволяет достигать краткосрочных результатов по привлечению туристических потоков. Однако, данные социологических исследований туристических предпочтений отечественных туристов демонстрируют, что интересы путешествующих не ограничиваются отдыхом на пляже и посещением развлекательных мероприятий [Языкеев 2021]. Интерес к истории и культуре места отдыха, возможность познакомиться с историческими достопримечательностями и местными обычаями также являются значимым мотивом при выборе туристического направления.

Сохранение и развитие историко-культурного наследия в городах требует, во-первых, средств и привлечения внимания туристов к местным историческим объектам и событиям, что может стать одной из стратегий поддержки и увеличения финансирования подобных проектов. С другой стороны, история жива, пока о ней помнят. Поэтому привлечение внимания местных жителей, особенно молодёжи, к истории и культуре родного города через проведения ивент-мероприятий играет не менее важную роль в сохранении и развитии историко-культурного потенциала территорий.

Выводы

Ивент-мероприятия, при грамотном планировании, могут использоваться не только как средство привлечения внимания к городам, популяризации местных брендов и увеличения туристических потоков, но и как важный инструмент комплексного развития территорий. Для исторических городов историко-культурные события могут стать ценным ресурсом содержательного наполнения туристических маршрутов, а также способом привлечения внимания местных жителей и молодёжи к истории родного края, воспитания патриотизма. Кроме того, организация историко-культурных ивент-мероприятий может стать одной из стратегий увеличения финансирования местных краеведческих проектов, сохранения памятников и исторических объектов, а также развития прилегающих к ним территорий.

В статье приведён опыт оценки результативности ивент-мероприятий на основе методов анализа больших данных (Big Data). Полученные результаты демонстрируют возможности дистанционной оценки информационной активности вокруг ивент-проекта, выявления уровня информационного освещения события, а также участия в мероприятиях местных сообществ. Результаты приведённого исследования демонстрируют, что ивент-мероприятия нельзя рассматривать как исключительно местные или рассчитанные на туристов. Стратегии организации городских событий должны учитывать интересы обеих целевых групп: и местных жителей, и приезжих.

Отдельное внимание в статье уделяется низкому уровню интеграции международных форумов, образовательных и научных конференций в местную повестку принимающих городов. В результате упускаются возможности использования международного опыта для решения проблем и развития

территорий. Делается вывод о необходимости использования крупных экспертных событий в качестве площадок для формирования стратегий будущего и возможных альтернатив развития городов и территорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева 2011 – Алексеева О. В. Событийный туризм и ивент-менеджмент // Российское предпринимательство. 2011. № 6 (2). С. 167–172.
- Бабкин 2008 – Бабкин А. В. Специальные виды туризма: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2008.
- Динни 2013 – Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / Под ред. К. Динни, пер. с англ. В. Сечной. Москва, 2013.
- Дусенко, Никифорова 2022 – Дусенко С. В., Никифорова Ю. О. Региональные программы туризма как драйвер развития территорий // Инновации и инвестиции. 2022. № 5. С. 237–240.
- Логвина, Страчкова 2015 – Логвина Е. В., Страчкова Н. В. Международный опыт в сфере развития туризма (на примере Германии) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2015. Том 1 (67). № 3. С. 3–19.
- Расходчиков 2022 – Расходчиков А. Н. Искусственный интеллект и “умный город”: от цифровизации к городу-инновации // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 47–54.
- Шерешева 2020 – Шерешева М. Ю. Индустрия туризма: последствия пандемии и условия развития // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2020. № 2 (6). С. 30–45.
- Щербинин и др. 2018 – Щербинин А. И., Щербинина Н. Г., Севастьянов А. В. Конструирование города-бренда. Москва, 2018.
- Языкеев 2021 – Языкеев А. Стратегии развития территорий с опорой на университеты // Университетский город: архитектура смыслов. Москва – Томск, 2021. С. 56–63.

REFERENCES

- Alekseeva 2011 – Alekseeva O. V. Event Tourism and Event Management. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*. 2011. 6 (2). Pp. 167–172. In Russian.
- Babkin 2008 – Babkin A. V. Special Types of Tourism. Rostov-on-Don, 2008. In Russian.
- Dinnie 2013 – City Branding. Theory and Cases. Ed. by K. Dinnie. Transl. into Russian by V. Sechnaya. Moscow, 2013.
- Dusenko, Nikiforova 2022 – Dusenko S. V., Nikiforova Yu. O. Regional Programs of Territories as a Driver of Tourism Development. *Innovations and Investments*. 2022. 5. Pp. 237–240. In Russian.
- Logvina, Strachkova 2015 – Logvina E. V., Strachkova N. V. The International Experience in the Sphere of Development of Tourism (on the Example of Germany). *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology*. 2015. Vol. 1 (67). 3. Pp. 3–19. In Russian.
- Rashodchikov 2022 – Rashodchikov A. N. Artificial Intelligence and “Smart City”: From Digitalization to Innovation City. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. 4. Pp. 47–54. In Russian.

- Shcherbinin et al. 2018 – Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G., Sevastyanov A. V. Construction of a City-Brand. Moscow, 2018. In Russian,
- Sheresheva 2020 – Sheresheva M. Yu. Tourism Industry: Impact of the Pandemic and Development Conditions. *Professor's Journal. Series: Recreation and Tourism*. 2020. 2 (6). Pp. 30–45. In Russian.
- Yazykeev 2021 – Yazykeev A. University-based Territorial Development Strategies. *University City: Architecture of Meanings*. Moscow – Tomsk, 2021. Pp. 56–63. In Russian.

Информация об авторе / Information about the author

Андрей Николаевич Языкеев

магистрант.

Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», Москва, Россия.

E-mail: yazukeev@live.ru

Andrey N. Yazykeev

Master's student.

Russian University Sport (SCOLIPE), Moscow, Russia.

E-mail: yazukeev@live.ru

Научное издание

**ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – 2022.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРОД:
АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО В ПЕРСПЕКТИВЕ БУДУЩЕГО**

Материалы IV Международной научной конференции
22–23 сентября 2022 г., Великий Новгород

Компьютерная вёрстка *П. Г. Иванова*
Дизайн обложки *В. М. Фромов*

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
Тел. 8 (816 2) 33-88-30

Подписано в печать 12.12.2022
Формат 70×100/16. Гарнитура: Georgia, Calisto MT
Усл. печ. л. 19,66. Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 500 экз. Заказ № 221222

Отпечатано: ИП Копыльцов П. И.
394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Academic Publishing

**VISUAL ANTHROPOLOGY – 2022.
HISTORICAL CITY:
ACTUALIZATION OF THE PAST
IN THE PERSPECTIVE OF THE FUTURE**

Proceedings of the IV International Scientific Conference
September 22–23, 2022, Veliky Novgorod

Page layout *Polina G. Ivanova*
Cover design *Vladislav M. Fromov*

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Press
173003, Russia, Veliky Novgorod, ul. Bolshaya Sankt-Peterburgskaya, 41
Tel.: 8 (816 2) 33-88-30

Passed for printing 12.12.2022
Format 70×100/16. Typefaces: Georgia, Calisto MT
Conventional printed sheets 19,66. Offset printing. Offset paper
500 copies

Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого

2022

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University

